

КОРОЛИ
ФРАНЦУЗСКОГО
ТРИЛЛЕРА

МАКСИМ ШАТТАМ

18+

СИГ НАЛ

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

Максим Шаттам
Сигнал
Серия «Короли
французского триллера»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68402306

Сигнал: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-114357-2

Аннотация

Семья Спенсеров только что переехала в Мэхинган Фолз – маленький городок, где жизнь течет медленно и размеренно. Настоящий рай, если бы не старые слухи о колдовстве, не телефонные звонки с пронзительными нечеловеческими криками, не жуткое существо, преследующее подростков, и не ужасные убийства, которые приходится расследовать шерифу. Вам когда-нибудь было по-настоящему страшно во время чтения книги?

Содержание

Пролог	7
1	14
2	24
3	37
4	51
5	67
6	77
7	83
8	100
9	116
10	133
11	142
12	163
13	173
14	178
15	189
16	200
Конец ознакомительного фрагмента.	208

Максим Шаттам

Сигнал

Maxime Chattam
LE SIGNAL

© Maxime Chattam

© LE SIGNAL

© Editions Albin Michel – Paris 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

Работая над этим романом, я послушал десятки альбомов. Они помогают абстрагироваться от реального мира и глубже погрузиться в мир книги.

Я советую вам поступить так же, читаю эту историю. Вот альбомы, которые запомнятся мне из путешествия в Мэхинган Фолз:

– «Red sparrow»¹ Джеймса Ньютона Ховарда,

– «The Autopsy of Jane Doe»² Дэнни Бэнси и Сондера

Юррианса,

– «It Follows» группы Disasterpeace.

¹ «Красная стрела» (пер. с англ.).

² «Демон внутри» (название фильма в русском прокате).

Некоторые истории лучше читать вечером или даже ночью, когда вокруг вас уже темно и тихо. Магия слов постепенно подействует, и вскоре вы будете уже не там, где начали читать эту книгу, а в самом центре Мэхинган Фолз.

Будьте осторожны, здесь небезопасно.

*Фаустине и клану, который мы создали вместе.
Перед лицом мрака вы мой самый яркий свет.*

*О важных вещах говорить труднее всего.
Испытываешь неловкость, потому что слова не
могут их с точностью передать.*

*Когда ты облакаешь в слова мысль, которая
казалась великой, она становится банальной.*

*Самое сокровенное всегда остается в сердце. Ты
маскируешь его, словно метки на карте сокровищ,
чтобы его не нашли враги. Случается, что ты
хочешь поделиться с каким-то человеком самым
дорогим, но тот смотрит на тебя, не понимая,
почему ты так волнуешься и чуть ли не плачешь.
Но самое худшее – если тайна остается тайной не
из-за отсутствия возможности рассказать о ней,
а от отсутствия того, кто на самом деле способен
тебя услышать.*

Стивен Кинг, «Четыре сезона», «Труп»

*Я считаю, что наивысшим проявлением
милосердия в этом мире является неспособность
человеческого разума соотнести все, что на
самом деле происходит. Мы живем на мирном
острове невежества, окруженном черным океаном
бесконечности, по которому мы не можем*

далеко заплывать. Науки, каждая из которых развивается в своем направлении, до сих пор щадили нас, но придет день, когда совокупность всех этих разрозненных знаний откроет нам такие ужасающие перспективы реальности и того места, которое мы в ней занимаем, что мы можем только сойти с ума от этого откровения или же спрятаться от этого губительного просветления в покое и безопасности нового Средневековья.

Г.Ф. Лавкрафт, «Зов Ктулху»

Пролог

Кружа по ночной дороге, фургон напоминал крошечный космический корабль, затерянный в бескрайнем космосе. Погрузившись во тьму, «Форд» плыл в черной пустоте и освещал себе путь маленькими белыми фарами, а сзади его как будто подгоняли красные огоньки. Фургон заложил вираж и поехал по склону холма. На многие километры вокруг не было ни одной живой души.

В салоне Дуэйн Моррис сосредоточенно следил за узкой лентой дороги, петлявшей перед ним. Он даже не думал о том, чтобы сбавить обороты. Ему необходимо было выжить максимальную скорость, чтобы как можно быстрее продвигаться вперед.

В обитом войлоком салоне царил тишина, и ему это нравилось. Ни музыка, ни радио не нарушали хода его мыслей, и весь он был сосредоточен на единственной цели: не допустить ошибку. Надо признать, что в своем деле Дуэйн Моррис не был дилетантом. Он даже льстил себе мыслью, что был одним из лучших. По официальной версии, как сообщала табличка, он был частным детективом, однако большинство клиентов знали, что это лишь часть правды. Его лучшей рекламой было сарафанное радио – отзывы клиентов, а также несомненный талант, помноженный на усердие и внимание к деталям. Так две трети его клиентуры состояли из

постоянных заказчиков, всегда довольных его услугами. Дуэйну не приходилось искать заказы, деньги приходили в его дом с постоянством морского прилива.

Глаза Дуэйна на секунду метнулись к спидометру: восемьдесят километров в час. Прекрасно. Скоро он снова окажется на магистрали, а оттуда, через несколько минут, – на автостраде. И тогда он станет невидимкой, ведь на рассвете, достигнув Бостона, он растворится в безличном потоке дорожного движения. Как бы то ни было, Дуэйн не оставлял ничего на волю случая. Никогда. Даже если камеры наблюдения засекали его где-то по дороге, фургон нельзя было отследить. Фальшивые номера, «позаимствованные» с автомобиля той же модели, в случае проверки помогут сбить полицию со следа. Наклейки, которыми Дуэйн для маскировки покрыл кузов, будут вечером сожжены в гараже в печи, а перед этим Дуэйн сменит шины на те что с другой маркировкой. После этого никому не удастся выследить его по отпечаткам протекторов. В гараже Дуэйн сбреет голову и пострижется, чтобы изменить внешность, чтобы по камерам наблюдения нельзя было распознать его черты. Впрочем, натянув кепку, он уже сделал достаточно для своей безопасности.

В который раз он все предусмотрел. Никто бы не смог его вычислить.

Да, наконец, стоило ли так хлопотать из-за дела, которое он только что провернул? Дуэйн не был уверен даже, что оно действительно незаконно. Ну, скорее всего, хотя вряд ли за

такое сажают. Кроме того, в этот раз заказчики – с ними он работал впервые, а телефон его им дал их новый начальник охраны, бывший коллега Дуэйна, – крупно ему переплачивали, а никто не стал бы платить столько за простую операцию, будь она законной. Так они отправили бы на это задание своих молодчиков, а не Дуэйна – посреди ночи и с единственным напутствием: «Никто не должен знать».

Чтобы усвоить порядок действий, Дуэйну потребовалась серьезная подготовка. Учеба его позабавила, хоть само по себе задание и было скучным. Прежде ему никогда не приходилось тренироваться перед заданием. Как обычно, он усердно готовился, чтобы ничего не испортить в день X. Но все прошло как нельзя лучше. Плевое дело. Заказчики будут довольны. Дуэйн Моррис в очередной раз в совершенстве справился.

Дуэйн решил по окончании работы позвонить Кэмерон, чтобы себя вознаградить. Он заслужил хороший отдых. Дуэйн подозревал, что Кэмерон это не настоящее ее имя, девушки по вызову часто использовали фальшивые имена, но ему было на это плевать. Разве он сам не делал того же? Имели значение только часы, проведенные с Кэмерон, а они стоили каждого потраченного доллара. Кроме милой мордашки она обладала точеной фигуркой греческой статуи, воплощением совершенства. При мыслях о Кэмерон Дуэйн невольно улыбнулся. Она была его слабостью, и он это знал. Но он был не роботом, а живым мужчиной, уж по крайней мере в своей

частной жизни.

Показавшийся поворот вернул Дуэйна к реальности, и ему пришлось резко затормозить, чтобы не вылететь с дороги. После поворота он снова нажал на педаль газа. Гребаный серпантин. За стеклами со всех сторон была темнота. Никаких признаков жизни, и невозможно было разглядеть живописные виды, мимо которых он ехал. Сквозь невидимую завесу облаков не было ни проблеска луны или звезд. И удивительно, и жутко.

Внезапно что-то в зеркале заднего вида привлекло внимание Дуэйна. Однако он посмотрел и ничего не увидел. Что бы это могло быть? Какое-то движение позади фургона? Его преследовали? Но нет, это невозможно, иначе он давно бы это заметил, а кроме того, немислимо ехать с выключенными фарами на такой скорости, по такой опасной дороге. Если только у тебя нет прибора ночного видения...

Струйка холодного пота побежала по его спине.

Только парни из ФБР используют эти штуки для скрытой слежки. Значит, у него на хвосте федералы? Нет, из-за такого идиотского дела они не стали бы...

Вдруг у Дуэйна пересохло во рту. Не то что бы его беспокоила эта ерунда, ведь в прошлом он был замешан в куда более заметных и важных делах. Если о них узнают, он проведет в тюрьме не один десяток лет.

Дуэйн больше не мог сидеть спокойно. Он попеременно смотрел то на асфальт перед собой, то на зеркало заднего

вида, чтобы проверить, едет ли кто-то за ним. Никого. Только черная пустота на триста шестьдесят градусов вокруг.

Он немного притормозил, чтобы побольше осветить дорогу за собой. Никого, теперь он был в этом уверен.

Ему просто показалось. Сердце забилося спокойнее.

И тут он снова уловил какое-то движение в зеркале заднего вида. И понял. Все его тело напряглось, как наэлектризованное.

Это было внутри! Кто-то был за ним на сиденье или в багажнике.

Дуэйн принялся напряженно думать. Кто мог там прятаться? И зачем? Он тяжело задышал, раскрыв рот, и, убедившись, что впереди не было поворотов, наклонился к бардачку и достал свой «глок» девятого калибра.

Он собирался поднять пушку и включить с ее помощью плафон, чтобы показать своему незваному пассажиру, что шутки кончились, – но задержался. Тот ведь мог наброситься на него и устроить аварию. Нет, плохая мысль. Лучше остановиться. Дуэйн выйдет, чтобы открыть боковую дверцу, и станет таким образом владеть ситуацией. Да, так будет умнее.

Он посмотрел вперед, чтобы найти, где припарковаться, и снова уловил в зеркале движение. Он поднял глаза и увидел ее. Женщина. Во всяком случае, у нее были длинные волосы, спутанные и сальные, скрывавшие лицо. И за завесой волос лицо ее показалось ему очень бледным. Она сидела в самом

дальнем углу.

Какого черта ей здесь надо?

Дуэйн снял ногу с педали и сжал пистолет в руке.

Опять движение. Дуэйн посмотрел в зеркало: теперь она сидела прямо за ним. Как она переместилась так быстро?

Его сердце заколотилось, и он не смог больше сдерживаться. Он поднял свой «глок», так чтобы она непременно его увидела:

– Ладно, прогулка закончена! Ни с места!

Дуэйн задохнулся, и его голос прозвучал куда менее угрожающе, чем он хотел. Все его тело трясло в панике.

– Мы остановимся, чтобы поговорить. Если ты приблизишься, я стреляю на поражение, ясно?

Женщина откинула волнистую прядь, и, увидев ее искривленный рот и серые зубы, он почувствовал нахлынувшую волну ледяного ужаса.

* * *

Фургон ехал, рассекая темноту, когда вдруг вильнул в сторону, взметнув тучу пыли, затем снова вырулил на дорогу так, что завизжали шины. Замедлился, как бы собираясь остановиться, потому рванул с места, так что мотор взревел.

Машину занесло вправо, потом влево, раздался выстрел, звук которого сразу утонул в ночи.

Дорога резко поворачивала вдоль самого обрыва. Маши-

на уже не успевала вырулить и пронеслась прямо на полной скорости.

Земля тут же исчезла из-под колес, ветки кустов царапнули бока «Форда», и несколько секунд он летел в невыносимой пустоте, пока наконец не столкнулся с острыми скалами и не разбился от чудовищного удара о них. Под грохот стекла и металла машина покатилась, теряя при каждом ударе колеса, дверцы и куски капота. Искры достигли бензинового бака, и на мгновение «Форд» застыл на дне оврага, среди густых зарослей.

Огненный раскаленный шар возник перед угасающим взором Дуэйна Морриса, который все еще сидел, пристегнутый, на водительском сиденье, с залитым кровью лицом.

Языки пламени показались ему сотней лиц, которые разорвали тишину ночи чудовищным воплем. Через миг они учуяли добычу, бросились на нее и сожрали живьем.

1

Лиз наклонилась к зеркалу в ванной. Черная точка на лбу оказалась всего лишь крошкой, которую она смахнула щелчком ногтя. Лиз внимательно посмотрела на свое отражение. Черные как смоль волосы ниспадали с обеих сторон ее бледного лица, напоминая вдовью вуаль. Подводка для глаз, благодаря которой ее лицо становилось похожим на маску, черная помада, лак под цвет губ – все было идеально. Под сетчатой блузкой виниловый корсет, шотландская юбка в складку и зашнурованные сапоги до колен – всё продумано до мелочей. Все должно было быть на высоте, ведь внешний вид был ее визитной карточкой, именно он западал в память людям, которые встречались ей на пути. Но особенно важно было выглядеть безупречно в этот вечер.

В этот особенный вечер.

Она собиралась снять все на видео. Абсолютно все. В мельчайших деталях. Крупным планом, чтобы было видно, как металл медленно впивается в кожу, рассекает плоть, как кровь блестит в холодном свете этого большого дома.

Выбор места был не случаен. Это огромное бездушное помещение воплощало все, что она ненавидела так сильно.

Ей пришел на ум белый ковер, всегда такой безупречный, и на ее лице появилась недобрая усмешка. Пятна крови на белоснежном полу – это будет для них убийственно. Их пре-

красный дом будет запятнан. Чистота и порядок их гнездышка будут нарушены. Возможно, это станет первым, что бросится им в глаза, а до остального им не особенно будет дело.

Лиз представляла себе последствия. Она готовилась к этому несколько месяцев. Сможет ли она своим поступком заставить мать очнуться от ее алкогольного оцепенения? Вот уж не факт.

– Лиз? Мы уходим, – произнес голос за дверью ванной.

– Иду, мадам Ройсон.

Лиз бросила быстрый взгляд на иглы, которые поблескивали на раковине, закрыла кожаный бумажник и спрятала его в сумочку, с которой она никогда не расставалась. Всё было готово.

Но пока надо вести себя как обычно. Нельзя вызывать подозрений. Нельзя все испортить.

Лиз немного нервничала. Этим вечером всё навсегда изменится. Она знала, что способна на этот шаг. Она заранее почитала обо всем в Интернете. Главное было не колебаться. После месяцев размышлений она перейдет к действию, она уже заявила об этом. Все они с нетерпением ждали результата. Её видео. Шока.

Лиз вышла в коридор, где супруги уже надевали пальто. Мужчина на ходу кивнул Лиз и сказал жене, что пойдет пока в гараж за машиной.

– Ужин в холодильнике, – напомнила ей высокая блондинка с породистым лицом. – Арни уже спит, у него был длин-

ный день, не буди его. В доме ты все знаешь, наши телефоны у тебя есть...

– Да, мадам Ройсон, я все знаю, не беспокойтесь.

– Ты права. Главное, если что, не стесняйся и сразу звони мне.

– Конечно.

– А, и радионяня на столе в кухне.

Лиз кивнула, она все это знала. Ей хотелось только одного: наконец остаться наедине с этим спящим ублюдком. Обычно она привязывалась к детям, за которыми ей поручали следить. Арни был исключением. Она его ненавидела. Капризный, уродливый и к тому же избалованный! Стоило его ущипнуть – а она щипала его, когда он совсем ее доводил, – как он начинал орать как резаный и целых десять минут не мог остановиться. Настоящий идиот. Папенькин сынок, который и подростком будет жить во вседозволенности, один из этих козлов, для которых деньги не проблема и который живет только ради власти. Обладать. Подчинять. Доминировать.

Не выдавая раздражения, Лиз изображала улыбку до тех пор, пока дверь наконец не захлопнулась. Она тайком посмотрела в окно, убедилась, что машина отъезжает от дома, и, когда задние фары внедорожника превратились в крошечные точки вдаль, торжествуя сжала кулаки в знак ликования.

Но главное было не радоваться раньше времени. Не торо-

питься. Второго шанса у нее не будет.

Сначала поесть, чтобы не начинать на голодный желудок, никогда не знаешь, как все пройдет. Если меня стошнит, пусть хотя бы будет чем блевать.

Она сделала себе бутерброд из двух ломтиков хлеба и маршмеллоу и оставила раскрытый пакет с хлебом на столе. Теперь надо было подождать. Хотя бы час, чтобы быть уверенной, что спиногрыз крепко спит, а потом убедиться, что планы родителей не изменились в последний момент и они не вернуться раньше, чем должны. Целый час! Надо как-то убить время. Это выражение заставило ее улыбнуться.

Учитывая, сколько времени я теряю попусту, я убила уже целую гору часов! Настоящая серийная убийца...

Она раздумывала, стоит ли развалиться перед телевизором и пощелкать каналы, посидеть в Интернете или просто спуститься в подвальный этаж и включить себе кино. Последний вариант привлекал ее больше всего. Она была слишком перевозбуждена, чтобы следить за разным бредом по телеку или сосредоточиться на чтении ленты в соцсетях, надо было на что-то отвлечься, иначе каждая минута казалась бы вечностью. Торопиться в любом случае нельзя. Слишком важное дело, чтобы сейчас все пошло псу под хвост. После всех приготовлений, сейчас, когда она полностью готова...

Так, ты же не собираешься слиться?

Нет. Она не хотела откладывать на потом. Сегодня же она выполнит задуманное. Решено.

Просто я не хочу облажаться. Терпение. Выждать время. Чтобы довести все до конца. Я не собираюсь отсутствовать. Определенно, нет.

Лиз взяла радионяню для связи с малышом, спустилась в подвал, прошла через тренажерный зал мадам Ройсон и толкнула дверь домашнего кинотеатра. Да, у этих Ройсонов денег куры не клюют... У этого болвана, который всегда жаловался, что налоги его разорят, на развлечения-то денег хватало... Большой зал с креслами, как в настоящем кино, звуконепроницаемый и без окон. Лиз включила сенсорный экран, нажала «Смотреть фильм», и все лампы в зале зажглись одновременно. Она подошла к полкам в глубине комнаты, чтобы выбрать из всех дисков тот, который справится с непростой задачей развлечь ее на час.

Лиз остановила выбор на фильме «Воины» – барахло, но сюжет не так уж плох.

Свет плавно погас, погрузив зал в темноту, и Лиз устроилась в кресле, положив радионяню на подлокотник.

Через двадцать минут Лиз поймала себя на том, что фильм ее по-настоящему увлек, несмотря на всю его банальность. Ей вовсе не надо было терять из виду свою главную цель. Она выпрямилась в кресле и нетерпеливо пощелкала пальцами. Она хотела начинать. Сколько можно тянуть? Ее уже все достало.

А если эти старые говнюки вернутся? Вдруг их вечеринку все же отменили? Или мелкий еще не заснул как следует и

проснется ни с того ни с сего?

Лиз вздохнула. Надо было еще подождать. Хотя бы полчаса.

Она собрала всю свою волю в кулак и постаралась снова погрузиться в сюжет фильма.

Вдруг лампочки радионяни загорелись. Сначала зеленые, а за ними красные.

О, нет, проснулся!

Если придется его вырубить, она это сделает. Этим вечером никто не должен был ей помешать. И она готова идти до конца. Она пощупала сумочку. Внутри лежал кожаный мешочек с иголками и китайскими чернилами. И рисунок на кальке. Сердце со слезой. Она сама выбрала этот эскиз для своей татуировки. Потому что так она себя чувствовала, так воспринимала свое существование. Она уже все понимает, пусть ей пока всего лишь шестнадцать. Она не идиотка. Жизнь – сплошная боль. Семья, парни, школа, все это...

Гребаный Арни, почему нельзя оставить меня в покое! Можно я спокойно сделаю свою крутую татушку? Клянусь, если ты испоганишь вечер, я тебе...

Она не придумала никакой достаточно сдержанной угрозы, чтобы можно было ее исполнить, и тут лампочки загорелись опять.

– Фак.

Она поставила фильм на паузу, чтобы послушать, плачет ли мальчик, или он просто ворочался в кровати. Ничего не

было слышно, и она поднесла рацию к уху.

Внезапно зазвонил мобильный, заставив ее подпрыгнуть.

Твою ж мать!

Лиз нахмурилась. Как он мог его включить? Ее мобильник остался лежать на кровати, а восьмимесячный ребенок, да еще такой толстый и неуклюжий, не мог сам встать, насколько она знала.

Послышался другой звук. Лиз вздрогнула. Какой-то шепот. Как будто...

Как будто кто-то укладывает ребенка!

– Черт, родители вернулись! – сказала Лиз с досадой, видя, что ее планам пришел конец.

Она поднялась и остановилась перед дверью домашнего кинотеатра. Почему она не слышала, как парковали машину, гараж ведь через стенку от зала?!

Вдруг голос в рации произнес:

– *Лишиззз...*

Сердце девушки забило с бешеной скоростью. Ей не показалось. Кто-то произнес ее имя. Или скорее медленно прошептал, растягивая звуки, у самого микрофона. Это был женский или мужской голос? Лиза не смогла определить. И зачем Ройсоны стали бы играть с ней в эти игры?

Из комнаты мальчишки? Вряд ли...

Из динамика раздался бесконечно длинный вздох. Лиза вздрогнула.

– *Лишиззз...*

Что это было? Это не могли быть родители. Шутить с ней – это совсем на них не похоже. И уж тем более подобным образом. Почему Ройсоны не предупредили, что кто-то придет? Это не в их стиле. Здесь что-то было не так. Лиз это чувствовала.

Она сжала в руке радионяню, не зная, как быть. Ее телефон остался наверху. Она тяжело дышала, тревога охватывала ее все больше.

В приемнике заскрежетало, голос из детской комнаты что-то прохрипел, но Лиз не смогла разобрать слов.

Думай, думай.

Очевидно, был какой-то выход, но все мысли в ее голове смешались, и она никак не могла ни на что решиться. Кто бы это мог быть? Отстойная шутка. Дилан? Роб? Нет, им-то на нее плевать... Тогда кто? Барб?

Никто не знает, где я сейчас. Даже мать понятия не имеет! Я просто сказала парням, что собираюсь сделать это и выложить видео, но они не знают, где я...

Теперь кто-то то тяжело дышал прямо в микрофон.

– Лиииззз... – произнес грубый и хриплый голос, – я... тебя... чувствую...

Ее ноги ослабли, она едва не упала. Волна паники.

Что происходит?

Кто-то дышал в рацию.

– Я тебя чувствую, – повторил голос. – Где ты?

Лиз покачала головой. Этого не может быть. Это галлю-

цинации.

Я уже три дня не курила травку! Откуда у меня глюки?

Вдруг она поняла, что не слышит детского плача. Если в его комнате кто-то есть, к тому же разговаривает и ходит, Арни *просто обязан* проснуться! Его молчание было очень тревожным знаком.

Новый шепот.

– Я тебя слышу, – сообщил голос, – я... я иду за тобой...

Лиз была вся в поту, она дышала ртом и едва стояла на ногах.

Радионяня в ее руке завибрировала, и тут из нее донеслись адские вопли, а за ними чудовищный скрежет, как будто кто-то царапает по стеклу.

От щелчка микрофона она подскочила и застонала от ужаса.

Ей надо бежать. Сейчас. Плевать на Арни, главное выбраться из дома, она побежит к соседям предупредить копов, и пусть они уже спасают мелкого, сейчас главное спасти свою задницу!

Гараж!

Она выберется через гараж. Лиз нажала было ручку двери, чтобы выйти из кинотеатра, но застыла на месте. У нее не было пульта от автоматической двери! Она не сможет выйти через гараж!

Лиз задрожала всем телом. От страха она была на грани обморока.

*Нет, нет! Только не сейчас! Как угодно, но я должна вы-
браться!*

Входная дверь находилась в конце коридора, но надо бы-
ло подняться по лестнице. Если поспешить, она успеет до-
бежать. Она сможет, Лиз была уверена, у нее еще хватит сил
промчаться по ступенькам и ускориться как никогда в жиз-
ни. Да, она на это способна.

Она нажала ручку двери и оказалась в коридоре подвала.
Лампочки не горели, хотя она никогда не оставляла кори-
дор без света. Этот длинный белый проход без окон всегда
ее пугал, и она не выключала здесь свет, даже пока смотрела
кино.

Свободной рукой она нащупала выключатель и нажала
указательным пальцем.

Лампочки замерцали и загорелись.

За секунду, пока коридор наполнялся светом, Лиз успела
увидеть огромный силуэт прямо перед собой.

Глаза смотрели прямо на нее. Со злобой.

Она завизжала.

Свет снова погас, и тьма поглотила девушку, а ее раздав-
ленные кости врезались в кафельный пол. Она скорчилась во
мраке, охваченная судорогой и болью.

Лампочки моргнули, но свет больше не зажигался.

В подвале стало тихо.

2

Рояль покачивался на задней платформе грузовика. Томас Спенсер видел, как ремень резко лопается, высвобождая громадный инструмент, который летит, чтобы раздавить грузчика и размозжить его об асфальт. Черно-белая клавиатура проломит ему череп с жутким влажным хрустом и утонет в потоке черной крови.

Томас моргнул, чтобы отогнать это чудовищное видение.

Рояль был крепко стянут ремнем, инструмент был спущен с грузовика, и никто не пострадал.

Что со мной не так, что я всегда представляю худшее?

Том знал об этой своей склонности. Ему бы стоило сочинять не пьесы, а романы ужасов. У него был талант воображать во всех красках кошмарные ситуации.

В этом моем идиотском видении не доставало только пары фальшивых нот в момент столкновения.

Вот насколько он это продумывал. До мельчайших деталей. И так всякий раз.

Том с досадой помотал головой и наконец заметил, что он уже несколько минут стоит как вкопанный, глядя, как все работают. Чуть поотдаль у входа в дом раздавался громкий голос его супруги. Оливия, как всегда, дирижировала процессом. Она отправляла грузчиков из одной комнаты в другую, приглядывала за подростками – Чадом и Оуэном и од-

новременно держала на руках малышку Зоуи. Она двигалась как заведенная, ни на секунду не останавливаясь, и распоряжалась всеми, легко переходя от одного дела к другому, как отлаженный автомат, но не теряя при этой своего прирожденного изящества. Том влюбился в этот сгусток энергии два десятка лет назад. Сначала, надо признаться, благодаря точеной фигурке, но и этот сильный характер покорило его ничуть не меньше.

– Дорогая, давай я возьму малышку Зоуи, – сказал он, желая помочь жене.

– Лучше найди Смауга. Он же домашний пес, я боюсь, что свежий воздух ударит ему в голову и он потеряется. С переездом я могу справиться, но сообщить детям, что собака потерялась, – это выше моих сил. Так что найди его и приведи домой!

Том встал, уперев руки в бока, и осмотрелся кругом. Ферма, как они называли свой новый дом, находилась в десятке метров от улочки, затерянной среди заросших лужаек и окруженной деревьями. Именно это так их и привлекло: большой дом в тупичке, на окраине города, утопающий в пышной зелени. Полная противоположность их жизни в Нью-Йорке. Настоящее приключение для потомственных горожан! Но сейчас Том чувствовал, что новоприобретенные выгоды имеют оборотную сторону. Как теперь узнать, куда делся Смауг?

Том свистнул, чтобы привлечь этого чертова пса, и

несколько раз позвал его по имени. Их участок не был обнесен забором, и Том ощутил нарастающее беспокойство. Смауг вырос в стометровой квартире в Верхнем Ист-Сайде, привык к трем ежедневным прогулкам по городу, и хоть он и был отлично выдрессирован, на природе, в океане новых запахов и впечатлений он, должно быть, совсем ошалел. Том тихо выругался. Как он не подумал об этом раньше?

– Что-нибудь не так? – спросил хриплый голос за спиной у Тома.

Том обернулся и увидел старика, чье лицо было изборождено морщинами. Жидкие седые волосы, пронизывающий взгляд голубых глаз. Даже когда он сутулился, он был высокого роста, и его конечности казались слишком длинными. Тому показалось, что перед ним профессиональный баскетболист шестидесяти лет.

Мужчина протянул руку:

– Я Рой Макдэрмотт, ваш сосед.

– Томас Спенсер. Я и не знал, что у нас есть соседи!

– Среди всей этой зелени легко начинаешь считать себя отшельником, но тем не менее в квартале Трех Тупиков есть еще пара домов. Вы думали, что будете здесь жить в тишине и покое? Забудьте! Новоприбывшие не остаются незамеченными даже тут. Мой дом ближе всего к вам, метров сто пятьдесят по той стороне улицы, белое здание за ивами. Скажите, вы кого-то потеряли?

Он говорил с типичным для выходцев из Новой Англии

акцентом, проглатывая почти все «р».

– Да, нашего пса. Скажите, долго ли идти через лес?

Рой поднял брови с выражением, которое свидетельствовало о протяженности окрестных лесов:

– Если пойдете через лес, можете так подняться на холмы и уйти еще дальше! Но я бы на вашем месте не пускался в подобную авантюру без подготовки. А еще я вам вот что скажу: собаки не дураки. Когда ваш пес по-настоящему проголодается, он найдет обратную дорогу.

– Но он настоящий городской житель...

– Тем более! Он не сможет прокормиться охотой. Вернется по зову желудка.

Том кивнул, хотя все еще не вполне успокоился.

– Вы уже давно живете в Мэхинган Фолз? – спросил он.

– Я здесь родился и вырос, – с гордостью ответил старик.

– О, мне очень повезло, что мой сосед – местный уроженец! Тем проще будет здесь обжиться.

– А у вас нет здесь никаких связей?

– Нет, кроме любви к этому дому и одного безумного пари...

– А в какой сфере вы работаете?

Том слегка усмехнулся с саркастичным видом.

– Это как раз касается безумного пари. Ну... Нужен был глоток свежего воздуха, полная перемена обстановки...

Рой расплылся в широкой улыбке, обнажив белоснежные идеально ровные зубы. Протезы, догадался Том.

– В таком случае вы попали в точку. Махингэн Фолз – глухой городок, что верно то верно, но вы увидите, что жить здесь будет спокойнее и приятнее. Даже детям, – прибавил он, указывая на Чада и Оуэна, которые бегали по траве за домом.

– Я бы предложил вам пива, но увы, боюсь, пока что в холодильнике пусто...

Рой похлопал его по плечу и кивнул в сторону грузовика.

– У вас сейчас есть дела поважнее, оставляю вас обустроиваться, я пришел просто поприветствовать.

Рой Макдэрмотт на прощание окинул взглядом семейство Спенсеров и, заметив, что мальчишки из сада направляются в лес, указал на них своим узловатым пальцем и сказал Тому:

– Хм, возможно, вам следовало бы сказать вашим сыновьям не заходить слишком далеко.

– В лесу опасно? – удивился Том.

Рой нахмурился и помедлил секунду, прежде чем ответить:

– Скажем так, там довольно дико, а у детей нет собачьего чутья. Они могут заблудиться. Я свожу их как-нибудь в лес и научу там ориентироваться.

Том одобрительно кивнул и стоял, провожая старика взглядом, пока тот быстрым шагом шел по Шайло Плейс и спускался по улице, пока не исчез за деревьями.

Затем Том посмотрел на Чада и Оуэна. Они играли с палками и уже начали было углубляться в лес. Вдали виднелись

очертания массивной горы Венди – высокого холма с крутыми склонами, нависавшего над округой. Ближе к вершине блестела длинная антенна со спутниковыми тарелками, обращенными к городу и к лазурным небесам.

Прекрасный летний день, подумал Том. Они с Оливией сломя голову пускались в новую жизнь, но сейчас, созерцая этот пасторальный пейзаж, он не терзался сомнениями. Они поступили правильно. Оставить Нью-Йорк было единственно верным решением.

Мэхинган Фолз станет их новой родиной.

Вспомнив сказанные напоследок слова Роя Макдэрмотта и тень тревоги в его глазах, Том свистнул мальчишкам, чтобы они не заходили слишком далеко.

Спенсеры позже успеют еще потеряться. Все вместе.

* * *

Чадвик жадно оглядывал опушку леса. Он уже увидел здесь тысячу способов развлечься. Можно побыть исследователем, или построить хижину, или наблюдать с биноклем, или охотиться с рогаткой. Эта новая жизнь ему нравилась. Мэхинган Фолз, насколько он успел его увидеть, – тоже. Торговый центр с игровыми автоматами в центре города, площадка для скейтборда у моря и совсем рядом магазин комиксов. Огромный простор для игр... он чувствовал, что здесь они будут счастливы.

– Чад, – сказал Оуэн, – твой отец сказал нам туда не ходить.

– Похоже, там есть тропинка, видишь?

– Нет, там слишком много деревьев.

– Это, наверно, дорожка егеря или что-то типа того. Идем посмотрим.

– Не сейчас. Кажется, Том нам не разрешил.

Оуэн иногда был невыносим, особенно с этим своим послушанием родителям. Чад очень его любил, но мальчики были разными даже внешне. Чад в свои тринадцать лет успел окрепнуть, стал юношей с заметными мускулами, Оуэн оставался маленьким мальчиком. У первого была короткая стрижка ежиком, у второго – копна растрепанных волос. Том и Оливия не были Оуэну родными отцом и матерью, но все равно, он жил с ними уже почти полтора года и, по мнению Чада, уже давно пора бы показать характер. Он хотел было настоять на вылазке в лес, когда ему вспомнились слова матери. Беречь Оуэна. Заботиться о нем. Трагедия, которую он пережил, сделала его еще более хрупким, они были его приемной семьей, и Чад должен был вести себя как любящий брат, старший брат-защитник, пусть они и были одного возраста.

– Ладно, – бросил он, – о'кей, но мы еще сюда вернемся, идёт?

Оуэн с готовностью согласился, он тоже очевидно был заинтригован этим местом, здесь еще столько предстояло ис-

следовать!

Мальчики были уже готовы повернуть назад, когда вдруг метрах в двадцати от них в зарослях что-то зашевелилось.

– Что это? – спросил Оуэн.

Чад встал на цыпочки, пытаясь что-нибудь разглядеть.

– Смауг? Это ты? – позвал он.

Кусты снова задвигались, на этот раз медленнее, и недалеко от мальчиков прижались к земле несколько папоротников.

– Во что это он играет, этот пес? – удивился Оуэн. – Он хочет подкрасться к нам незаметно или что?

Слышался хруст веток, и странное движение становилось все ближе. Вдруг лабрадор Спенсеров появился из ниоткуда и промчался на полной скорости, как борзая в пылу охоты, по пути сбив Чада с ног. Он бежал, поджав хвост между лап, и уж насколько мало Чад ни разбирался в собачьих повадках, но даже он понял, что пес паникует. К тому же, пока Чад лежал, уткнувшись носом землю, ему показалось, что от Смауга пахнуло мочой.

– Ты как? – спросил его Оуэн. – Он совсем не в себе, что это на него нашло?

Чад поднялся на колени.

Позади мальчиков, метров в десяти, продолжали пригибаться к земле папоротники, и что-то медленно на них надвигалось. Но они уже отвернулись и смотрели в сторону дома.

Смауг вбежал в дом, охваченный ужасом, по дороге задев одного из грузчиков, и тот не смог удержать коробку, которую нес. Раздался звон разбитого стекла, и Оливия стала кричать на собаку, которая, похоже, совершенно спятила.

Оуэн не сдержал короткого смешка. Ситуация становилась интересной, и он сделал знак Чаду подняться и пойти посмотреть, что происходит на Ферме.

Они покинули опушку леса в ту секунду, когда кусты поблизости дрогнули в последний раз.

* * *

Гора мятых и рваных коробок в углу была на кухне единственным напоминанием о том, что в доме шел переезд. Бытовая техника была расставлена по местам и включена в розетки, посуда разложена по шкафчикам, и даже доска с распределением домашних обязанностей уже висела на стене, свидетельствуя об усилиях, которые приложила Оливия, чтобы к вечеру была готова по крайней мере одна комната. Вся семья ужинала за поставленным посередине комнаты столом, на котором лежали принесенные Томом коробочки с китайской едой.

Том еще не успел собрать детский стульчик, и малышка Зоуи сидела на руках у мамы, беспокойно поглядывая на пса, распростертого в углу.

– Собачке стлашно? – спросила она тоненьким голосом.

– Да, – подтвердила Оливия, – Смауг сегодня немного испугался. Он не привык к жизни в деревне. Он еще тот балбес.

Оливия говорила с дочерью, специально не выбирая слова, считая, что можно говорить обо всем и объяснять все как есть, не делая скидок на то, что двухлетний ребенок не всегда понимает, о чем идет речь. «Разговаривать – это не вредно», – говорила она всякому, кто был готов ее послушать.

– А как же он будет ходить в туалет? – озабоченно спросил Чад. – Если он вообще отказывается выходить из дома.

Том сказал успокоительно:

– Смауг, похоже, наткнулся на хорька или енота и здорово перетрусил, но скоро он придет в себя. Я поставлю миску с его крекерами на улицу, и ты увидишь, как он мигом снова выбежит наружу!

– Мальчики, – сказала Оливия, – я хочу, чтобы завтра вы убрались в своих комнатах. Вы меня слышали? Откроете все коробки, на которых написаны ваши имена, и разложите все на место. Это будет нетрудно, учитывая, что места у нас теперь втрое больше. Мы с Томом поедем за покупками, и вы познакомитесь с Джеммой, девушкой, которая будет за вами присматривать.

– Ты в ней уверена? – спросил Оливию муж.

– Мне ее посоветовала женщина из агентства недвижимости, миссис Кашинская, думаю, что это ее племянница. Она утверждает, что доверила бы Джемме собственную жизнь. В любом случае, если завтра она не слишком нам понравится,

обойдемся без нее и распределим дела иначе. Но предупреждаю вас, что мне понадобится помощь, чтобы все успеть.

Том кивнул и ласково погладил руку Оливии в знак того, что она может на него рассчитывать.

Позже, когда мальчишки и малышка Зоуи спали в своих комнатах, Оливия долго стояла под душем, потом надела рубашку для сна, которая была скорее похожа на рубаху мясника в слишком крупную клетку.

– Из-за того, что мы распрощались с прошлой городской жизнью, ты сменила твой атлас и шелк на фланель?

– Привыкаю к новой жизни. Но не переживай, я не собираюсь каждый вечер изображать ковбойку...

Она буквально упала на кровать рядом с Томом, листавшим литературный журнал, и прибавила голосом, прозвучавшим глухо из-за подушки:

– Знаю, что тебе до смерти охота отметить наш переезд, но сегодня это выше моих сил. Имей в виду, что для меня это огромное разочарование: оказывается, я не суперженщина...

Том провел рукой по ее волосам.

– Ты не останавливалась ни на минуту, я думал, что в один момент ты свалишься...

– Обещаю, мы займемся любовью в каждой комнате этого дома, только дай мне пару-тройку лет отдохнуть после этого дня.

Том наклонился к жене:

– Ты забываешь, что у нас дети. Кончилось то время, когда мы могли переспать когда пожелаем и где угодно!

– Зоуи – в детсад, мальчиков – в школу, – коротко ответила Оливия.

– Сейчас июль, у детей каникулы. Придется немного подождать...

Усилием воли Оливия высвободила руку и притянула к себе мужа, схватив его за ворот пижамы.

– Наплевать. Ради того, чтобы потрахаться, я вышвырну их на улицу. Я отвратительная мать – сначала секс, потом дети. Но сейчас – спокойной ночи!

Она подставила мужу губы для поцелуя, повернулась на бок и через две минуты уже спала.

Том хотел вернуться к чтению. Его глаза пробежали по строчкам, но смысл слов до него не доходил. Он положил журнал и оглядел комнату, едва освещенную ночником. Это было просторное помещение. Толстый ковер на полу, чистые выкрашенные стены – все свидетельствовало о том, что все было недавно отремонтировано, не больше двух лет назад. Потом взгляд Тома остановился на трех больших окнах, которые он только завесил шторами, но не опускал жалюзи. Утром, возможно, они пожалеют, когда солнце будет бить прямо в глаза, но Том надеялся, что деревья смогут рассеять лучи утреннего солнца.

Это был большой дом. Очень большой. И очень тихий. Им нужно будет время, чтобы еще привыкнуть. На самом де-

ле дом был не таким уж и тихим, но они-то привыкли к постоянному гулу нью-йоркской улицы. Здесь же тишину нарушал только скрип дерева и распахнутых на сквозняке дверей. Иногда пробегала по крыше белочка или ветка царапала черепицу. У каждого дома есть свои обычные звуки, и нужно было привыкнуть к звукам Фермы.

В коридоре заскрипела половица, и Том подумал, что проснулся кто-то из мальчиков.

Или, скорее, это дом дышит. Как всякое старое здание.

Он прислушался, но скрип больше не повторился, зато слышался какой-то шум на нижнем этаже.

Дурачок Смауг, наверно, вот и все.

Том никак не мог успокоиться. Он чувствовал себя как на иголках.

До начала учебного года они совсем здесь освоятся, убеждал он себя. Теперь это будет их дом. Их берлога. Нужно только немного времени, чтобы обжиться и наконец почувствовать себя дома.

Но сейчас, в этот ночной одинокий час, Том терзался сильными сомнениями. Он изо всех сил хотел верить, что они сделали верный выбор. Ни у Оливии, ни у него не было запасного плана.

Темнота ответила ему очередным скрипом.

Том не знал, хотел ли дом его успокоить или жестоко посмеяться над ним.

3

Джемма Дафф вела свой старенький «Датсán» вдоль Мэйпл-стрит, в тени высаженных вдоль тротуаров мощных кленов, чья листва давала бодрящий отдых от июльского солнца. По своему обыкновению она ехала медленно и любовалась ровными рядами деревянных домов и идеальной чистотой газонов этого квартала, известного как самый спокойный во всем Мэхинган Фолз – но и самый скучный, или, как выражалась Барбара Дитилетто, «до жопы душный».

Правда, надо сказать, что в последнее время Барбара уже не тусовалась со всеми. За ней надзирали, с одной стороны, родители, опасаясь, что она сбежит, а с другой – городская полиция, желавшая узнать, что ей поведала лучшая подруга перед своим исчезновением. Лиз Робертс, работавшая в тот день нянкой, неожиданно и бесследно пропала. Уж насколько она слыла эксцентричной натурой, никто не мог предвидеть ничего подобного, так что поговаривали даже, что, возможно, она покончила с собой, бросившись с вершины Махингэн Хэд – скалы на морском берегу, на которой возвышался маяк.

С тех пор Барбара лишь изредка выходила из дома, при этом почти всегда не одна и не позже восьми вечера; с ее характером это должно было быть пыткой.

Перед Джеммой возник лес, и она прибавила газу, что-

бы въехать на холм, знаменовавший начало Трех Тупиков. Большинство жителей Мэхинган Фолз даже не считали этот район частью городка, уж очень он был отдаленным и диким, к тому же состоял всего из пары старых уединенных построек. Показался перекресток трех улочек, петлявших среди деревьев, и Джемма поехала по центральной – Шайло Плэйс. Она проехала по потрескавшемуся асфальту, покрытому выбоинами, и притормозила, завидя скрытый листвой красно-белый фасад. Ферму полностью перестроили два или три года назад, как она слышала, но до сих пор ей не случилось убедиться в этом самой. Никто не заезжал сюда без повода, и в этом смысле квартал полностью соответствовал своему названию: всего лишь тупики, упирающиеся в опушку леса.

Джемма свернула с дороги на маленькую аллею и припарковалась рядом с фургончиком сантехника Рика Мерфи. Не успели Спенсеры приехать, как у них уже, видимо, были проблемы с водопроводом. Дом представлял из себя большое здание в форме буквы Г, с двумя этажами и мансардой, с высокими окнами и несколькими эркерами, и на фоне его красных стен выделялась белизна карнизов и рам, залитых полуденным светом. Должно быть, неплохо здесь жить, если любишь природу и уединение.

Джемма быстро взглянула на себя в зеркало заднего вида, чтобы убедиться, что выглядит она хорошо. Яркие рыжие волосы укрощены резинкой и парой заколок, легкий ма-

кияж для уверенности, но не слишком вызывающий. Он вышла из машины и, немного волнуясь, поправила футболку. Мать устроила ей настоящее промывание мозгов. «Это важные люди, Джем, она работает на телеке, ты ее сразу узнаешь, как увидишь. Если ты им понравишься, они обеспечат тебя работой на весь год. Эти люди не из тех, что считают каждую копейку, это известные люди и при деньгах!» Джемма ненавидела, когда ее мать становилась такой меркантильной и одержимой чужими успехами, но надо признать, что этот год и впрямь будет важным. Надо будет накопить как можно больше для грядущего переезда. В следующем году Джемма поедет из Мэхинган Фолз в университет, и там придется изо всех сил сводить концы с концами, чтобы продержаться до конца обучения. К отъезду она должна иметь как можно более солидную сумму. Так что ей по-настоящему нужна эта работа.

Джемма постучала в дверь не так уверенно, как хотела бы, и тут же мысленно себя обругала. Ее отец, когда еще был жив, часто повторял, что можно понять, с кем имеешь дело, еще раньше, чем увидишь человека. Способ заявить о себе уже говорит о нем многое. Просители, наглецы, чересчур уверенные в себе люди, нетерпеливые, склонные к депрессии, – все они стучали в дверь по-особенному.

Ну супер! Теперь они будут считать меня тихоней...

В проеме двери показалась Оливия Спенсер, и Джемма сразу ее узнала. Это была известная телеведущая, которая

годами вела утреннюю передачу. Но в жизни она выглядела немного иначе. Не так безупречно, цвет лица был не таким гладким. Более естественно, подумала Джемма. Пара морщинок у глаз и у рта делали лицо более характерным. Ей было, должно быть, около сорока, и она выглядела на свой возраст, не стараясь казаться моложе. От нее исходило ощущение уверенности и свежести. Что касается глаз, они были точно такими же, как на экране, – озорные и внимательные.

– Вы, должно быть, Джемма? – улыбнулась она отточенной и одновременно искренней, в меру широкой улыбкой, обнаружив прекрасные белые зубы.

Джемма, всегда улыбавшаяся во весь рот, восхитилась таким изяществом.

– Джемма, верно? – настаивала женщина. – Я Оливия Спенсер.

– Ой, простите, я... Так странно вас видеть...

– С этого дня считайте меня обычной жительницей вашего городка, и все. Входите, я представлю вас семье.

Джемма не могла оторвать от нее взгляда, словно загнипнотизированная видом сошедшей с экрана звезды. Оливия пошла впереди, чтобы провести ее по дому. Она была довольно высокой и, конечно, стройной. Тело было для нее рабочим инструментом, который необходимо контролировать и совершенствовать. Джемма находила ее изысканной. Оливия на ходу взяла карандаш и изящным движением заколола им волосы в пучок, затем остановилась на пороге кухни и

указала на человека, сидевшего на корточках возле раковин:

– Мой муж, Том. Том, это Джемма, которая возьмется за тяжкий труд приручения наших монстров.

– Здравствуйте, простите, у нас небольшая сантехническая авария.

Том Спенсер был совершенно непримечательным по сравнению с женой. Возможно, привлекателен для сорокалетнего, но Джемма заметила и его небольшую лысину, и выпуклый живот. Впрочем, он тоже улыбнулся ей искренне и дружелюбно. Она кивнула ему и заметила ноги Рика Мерфи в сером комбинезоне, торчавшие из-под раковины.

Оливия отвела ее в коридор и, не сбавляя быстрого шага, спросила:

– У вас есть в машине детское кресло? Ваша тетька сказала мне, что вы его захватите.

– Да, конечно. И я сдала все необходимые экзамены на права, так что мне можно возить несовершеннолетних.

– Отлично. И я умоляю вас, не гоняйте слишком быстро, даже если ехать всего пять минут, я доверяю вам самое дорогое, что у меня есть.

Джемма заверила ее самым мягким голосом, на какой только была способна:

– Друзья никогда не хотят со мной ездить, потому что я вожу слишком медленно!

– Прекрасно, меня это устраивает. Я познакомлю вас с детьми и, главное, объясню, как обращаться с Зоуи. С маль-

чиками все легко, они уже большие, просто время от времени проверяйте, что они не крушат дом и не нюхают наркотики.

– Они... употребляют наркотики?

Оливия расхохоталась.

– Уф, нет, конечно, нет. Джемма, вам придется привыкнуть к нашим шуткам, если вы хотите хорошо себя у нас чувствовать.

Джемма с готовностью закивала.

– Я покажу вам дом, и мы уедем, как только сантехник закончит. Мы сделаем одну-две поездки, вы не обращайте на нас с Томом внимание, а после обеда вы привезете детей к нам на бульвар.

Джемма снова кивнула. Ей уже нравилась эта семья, и она надеялась, что они будут часто к ней обращаться.

* * *

Зоуи схватила стеку и приставила к пальцу, пытаясь его отрезать. Джемма скорчила гримаску, затем взяла брусочек пластилина, чтобы скатать из него шарик, а затем расплющить на столе. Она осторожно забрала из рук девочки пластиковый ножик и отложила его подальше, а затем показала ей фиолетовую лепешку из пластилина.

– Зоуи, не надо резать все подряд, мы с тобой слепим для мамы и папы копию твоей ручки, хочешь?

– Зои хочет ножку.

– Слепить ножку? – засмеялась Джемма. – Почему бы и нет...

Малышке было два года, но она знала уже немало слов, хоть и не всегда просто было разобрать, что она произносит. Джемма вспомнила, что у мистера Спенсера была какая-то интеллектуальная профессия, он был не то писателем, не то кем-то вроде того (Джемму раздражало, что она не могла вспомнить точно), возможно, это он влиял на Зоуи...

Подросток с короткими волосами сбежал по лестнице и появился в гостиной. *Волосы ежиком, спортсмен, это... Чад!*

– Чад, мама просила тебя разобрать коробки.

– Я уже все.

– И убрался в комнате?

– Да, уже даже расклеил свои плакаты.

– Что у тебя за плакаты? Можно взглянуть? – спросила она, собираясь воспользоваться предлогом, чтобы проверить, как он убрался.

Джемма только появилась в их жизни и не хотела навязываться или быть слишком строгой, но не собиралась и чересчур потакать мальчикам.

– С истребителями. F15, F16 и даже старые «Томкэты». Я бы хотел стать летчиком.

– Это супер. Но чтобы стать летчиком, нужна высшая математика. У тебя хорошо с математикой в школе?

– Ну... не очень, я не совсем разбираюсь.

– Если хочешь, в этом году я тебе помогу, я довольно хорошо шарю в точных науках.

– Да... было бы здорово, – ответил он без энтузиазма.

– А твой брат тоже закончил с уборкой?

– Нет, Оуэн никуда не торопится.

Чад взглянул на лестницу, убедиться, что они одни, и уточнил таинственным голосом:

– Знаешь, мы на самом деле не родные братья. Мои дядя и тетя, сестра мамы, в прошлом году попали в аварию, и Оуэн потерял родителей. Теперь он живет с нами.

Джемма закрыла рот ладонью.

– Бедный...

– Да. Сначала он плакал все время. Теперь лучше. Думаю, он начинает к нам привыкать.

– В любом случае, теперь он твой брат. Ну-ка, не думаешь, что стоило бы немного помочь ему с уборкой? Кажется, не лучшая мысль оставлять его сейчас наедине со всеми вещами и воспоминаниями.

Чад просиял. Очевидно, это была блестящая мысль.

* * *

По радио в машине Guns N'Roses играли «Добро пожаловать в джунгли», баюкая малышку Зоуи, спавшую в своем кресле. Свежий ветерок дул в открытые окна, пока они тихо

ехали по улице, окруженной большими деревянными домами и ухоженными газонами.

– Это Грин Лэйн, квартал, где живет по преимуществу средний класс, – объясняла Джемма, решившая устроить мальчикам небольшую экскурсию, чтобы они научились легче ориентироваться в городе. – Большинство ваших одноклассников будут отсюда, а школьный автобус не заезжает к Трем Тупикам, так что вам придется спускаться сюда.

– А что это за красивые здания там, наверху? – спросил Чад. – Оттуда, должно быть, потрясающий вид на океан!

– Вест Хилл, шикарный квартал.

– Ты живешь там? – вмешался Оуэн.

Джемма ответила коротким сухим смешком.

– Спасибо, что так хорошо обо мне думаешь! Но нет. Я живу в Олдчестере, это стремный район с узкими грязными улицами, низкими старыми домиками, и ничего там красивого нет.

– А я тащусь от стены, за которой спрятан город! – воскликнул Чад. – Мы как будто в секретной долине!

Мэхинган Фолз был окружен лесистыми и крутыми холмами, которые по мнению одних защищали этот затерянный город, а на взгляд других – изолировали его от внешнего мира.

– Это называется Пояс, – уточнила Джемма. – Есть две дороги через него и океан с востока, и больше никак нельзя сюда попасть. Да, на самом деле можно назвать это стеной.

А вершина Пояса – огромный холм, который нависает над вами...

– Эребор, – встрял Оуэн.

– Прости?..

– Мы с Чадом зовем его Эребор. Гора, где спрятан городок гномов и живет дракон Смауг.

– Оу... Ну, по всей видимости, так.

– Это из «Хоббита».

– Ну, на самом деле эта гора зовется Венди. И на вершине, кроме дракона, стоит огромная антенна, которая называется Шнурок. Это ее настоящее название, ну или по крайней мере здесь так говорят. Она связывает нас с внешним миром. Если она однажды упадёт, не будет ни телека, ни интернета, ни радио, ни даже мобильной связи! Потому что как бы ни был живописен Пояс, он полностью запирает нас в этом глухом уголке.

– Надеюсь, что в таком случае за этой антенной присматривает целая армия, – бросил Чад с искренним беспокойством, повеселившим Джемму.

– Нет, не думаю. Но она прочная и в грозу хорошо держится. Увидите в штормовой день – это впечатляюще. Но не уверена, что она переживет огненное дыхание дракона...

Мальчики хмыкнули и, изогнувшись, старались разглядеть стальной столб, возвышавшийся над городом. Им удалось увидеть серебряный отблеск высоко у себя над головой.

Джемма продолжала экскурсию еще с четверть часа, на-

резая круги, чтобы показать сидевшим на заднем сиденье мальчикам как можно больше. Затем они въехали на Мэйн-стрит – торговую улицу, где в июльской жаре прогуливались толпы людей. Они остановились на парковке у супермаркета «Шоуз», и Джемма пересаживала Зоуи в коляску, где та сразу уснула.

«Эта малышка настоящая соня... Можно подумать, что она не спала всю ночь», – подумала Джемма.

Они должны были встретиться с родителями в конце улицы, на деревянной дорожке с видом на океан, и Джемма хотела быть там вовремя. У нее было ощущение, что она хорошо справляется с ситуацией, что дети нормально ее приняли, и важно было, чтобы родители сочли ее надежной и пунктуальной.

Они лавировали в толпе, смеясь, когда Джемма подняла глаза и увидела его в двадцати метрах, на пересечении с Атлантик Драйв. Она похолодела и замерла как вкопанная.

Подросткам потребовалась пара секунд, чтобы понять, что происходит нечто ненормальное, и проследить за взглядом своей няни.

– Что-то не так? – спросил Оуэн встревоженно.

– Это твой бывший, да? – с отчаянной дерзостью спросил Чад, для которого отношения были животрепещущей темой.

Джемма затрясла головой, не в силах произнести ни слова.

Дерек Кокс еще их не заметил, но речь шла о секундах отсрочки. Джемма взяла себя в руки, резко повернула коляску

в ближайший переулок, и мальчиком ничего не оставалось, кроме как последовать за ней, напоследок еще раз взглянув на источник такого беспокойства.

– Он тебя не заметил, – заявил Чад. – Тот высокий парень в рубашке с рваными рукавами? И с татуировками на руках, да? Он болтал с друзьями, можешь уже не бежать, все в порядке.

Дерек Кокс, Джейми Джейкобс и Тайлер Бакинсон. Дьявольская троица из самого ада Мэхинган Фолза. Звезды местной футбольной команды «Росомахи». Тайлер был просто здоровенным кретином, который вымещал свое раздражение на каждом, кто осмеливался ему перечить. Джейми был сыном одного из самых влиятельных бизнесменов города, владельца большинства траулеров от Рокпорта до Сэлейма, что делало парня практически недосыгаемым. И оставалось худшее: Дерек. Наверно, в каждом городе мира есть такой злосчастный тип, от которого одни беды, думала Джемма. Дерек был рожден приносить неприятности, и к этому надо прибавить его характер – жестокий, почти неуправляемый. И он не терпел отказов. Особенно от девушек, с которыми оказывался рядом. Прошлой весной Джемма имела несчастье стать его целью, и с тех пор ее жизнь превратилась в ад. Он преследовал ее в школе, чтобы облапать в углу. Считая себя неотразимым, он старался вырвать у нее поцелуй, пока она уклонялась, так чтобы не слишком его разозлить. Она знала, на что он был способен. Она видела Патти Дрот-

нер и Тиару О'Мэйли. Все их видели и были в ужасе. И никто ничего не сказал. Никто.

К счастью, друзья смогли оградить Джемму от него, и в летние каникулы можно было избегать встреч, но Джемма не знала, переключился ли он уже на другую, или она рисковала подвергнуться унижению на глазах у детей. Весь июнь и начало июля она задавалась вопросом, как ей удастся закончить школу, если он будет ошиваться поблизости. В глубине души это продолжало ее мучить.

– Это ублюдок, которого надо избегать всеми силами, – сказала она ребятам, направляясь с ними к аптеке, которая выходила на набережную.

Чад и Оуэн обменялись заговорщическими ухмылками. Няня, которая говорила в их присутствии слово «ублюдок», – это было клево. Опьяненный морским воздухом, солнцем и обычной для его возраста дерзостью, Чад предложил:

– Если хочешь, мы с Оуэном могли бы с ним поговорить, сказать, чтоб он от тебя отстал. Даже если ему семнадцать или восемнадцать, я его не боюсь.

Оуэн толкнул его в бок локтем, чтобы выразить свое несогласие, но Чад продолжал:

– Хорошей бейсбольной бите, я вам скажу, разница в возрасте нипочем! Так что будь он какой угодно здоровяк, ему придется нас послушать...

Джемма застыла, раскрыв рот, и угрожающе ткнула в него

указательным пальцем, подбирая слова:

– В любом случае, если вы снова его встретите, не смейте ничего ему говорить, не приближайтесь к нему и бегите. Вы меня поняли?

В ее взгляде уже не было ничего ласкового или доброжелательного. Вместе с внезапной строгостью в ее голосе звучал страх.

– Вы хорошо меня поняли? – повторила она гневно. – Вы понятия не имеете, на что он способен.

На этот раз даже Чад опустил глаза.

Добрососедские отношения мало-помалу его убивали. Том начал понимать, во что они ввязались, переехав в маленький городок в Новой Англии. Большинство людей друг друга знали. В магазине не проходило и пяти минут без того, чтобы кто-нибудь не остановился поздороваться со знакомым. Везде им вежливо улыбались, иногда предлагали помощь, поняв, что они не местные. Когда же Оливия объясняла, что они сюда переехали, на них дождём изливались поздравления с новосельем, советы и разнообразные предложения. Здесь, констатировал Том, они существовали, в отличие от Нью-Йорка, где ни один взгляд на нем не остановится. Но уважение шло вкупе с социальными обязанностями, с показной доброжелательностью, которое становилось тягостным для него, привыкшего к замкнутой жизни медведя в берлоге. К счастью, наконец подошла их очередь оплатить покупки на кассе и выйти из последнего за день магазина.

– Если еще хоть один человек поздоровается со мной с таким видом, будто я любовь всей его жизни, – пробурчал он в бороду, – клянусь, я задавлю его тележкой, чтоб его кишки намотались на колеса.

Все так же ослепительно улыбаясь, Оливия ответила:

– Тебе придется привыкнуть, ведь ближайшие двадцать

лет это будет частью твоей жизни.

– О'кей, вот он я: я мертвец. Я был плохим мальчишкой, меня наказали, и я в аду, да?

Жена собиралась в ответ на «плохого мальчишку» ответить ему что-то возбуждающее, когда позади них раздался оглушительный голос:

– Оливия Бердок! О! Мне это не снится, это в самом деле вы!

Полный мужчина лет пятидесяти, одетый в бежевую куртку, брюки и ковбойскую шляпу под цвет, разглядывал их, указывая на Оливию. Недельная, черная с сединой борода покрывала его пухлые щеки, а синие глаза ярко блестели даже в тени широких полей его ковбойской шляпы.

– Вы ведущая ежедневного шоу «Завтрак Америки», не так ли? – настаивал он все так же бесцеремонно и громко.

– Точнее, ежедневного шоу «Восход Америки», но, думаю, это не так уж важно, – поправила Оливия на тон ниже, надеясь, что и он убавит громкость.

Мужчина протянул свою большую мягкую руку.

– Логан Дин Морган, называйте меня Л.Д.М., как все мои друзья. Какая честь для нашего города, что вы теперь в числе его жителей!

– Новость быстро разлетелась, – удивилась Оливия, которая была привычна к таким ситуациям и справлялась с ними уверенно и непринужденно.

– А вы думаете! Звезда среди нас! Тесса Кащинская об-

молвилась об этом, и уже все в курсе, ну, или будут до конца недели.

Гребаная риэлторша, подумал Том. Она с самого начала показалась ему слишком милой, из тех, кому лишь бы почечать языком и кто во всем видит повод для сплетни.

Понимая, что им придется терпеть Логана до конца их похода по магазинам, Оливия отступила в сторону и указала на Тома:

– Л.Д.М., представляю вам моего мужа – Томаса Спенсера, возможно, вы знаете его пьесы.

– О, нет, я не бываю в Нью-Йорке.

– Их ставят и в Бостоне...

– Как и с кино, у меня нет на это времени, так что...

О! – воскликнул он, пораженный внезапно пришедшей к нему мыслью. – Вы должны зайти в мой ресторан. Я владелец «Лобстер Лога» на пристани, вы будете в восторге! Лучшие морепродукты нашего побережья. Знаю, все рестораторы в округе будут утверждать то же самое, но в моем случае это правда!

Оливия искоса взглянула на Тома. Код красный. Это был их пароль для надоедливых персонажей, которые были слишком любезными, чтобы грубо их отшивать, но слишком навязчивыми, чтобы от них легко было можно отделаться. Том заметил, что покупатель перед ними никуда не торопился, медленно выкладывая покупки из тележки на ленту на кассе. Им предстояло стоять еще добрых пять минут, и Том

понял, что им не избежать приглашения на скорый ужин в «Лобстер Лог», где они вынуждены будут слушать, как Логан Дин Морган расточает похвалы в адрес своего ресторана и качества продуктов.

Это невыносимый красный код. Нам придется взять его визитку, пообещать в ближайшие пару недель или – используя всевозможные отговорки – месяц обязательно зайти, и, учитывая, какой это упертый тип, то возможно, он выманит у Оливии номер, и тогда им конец, он будет названивать через день...

– Итак, скажите, почему Мэхинган Фолз? А, я знаю! Из-за вашего мужа, – произнес он, указывая на Тома. – Чтобы написать одну из ваших книг, да?

– Я... пишу пьесы, а не романы, и...

– Ваш конек – это детективы, да? Я догадался по вашему взгляду. Да, детективы хорошо идут, людям всегда интересны убийства, думаю, это у каждого в крови.

Он окончил тираду громогласным смехом, от которого у него затряслись щеки и живот.

– Конек Тома, – вмешалась Оливия, – это драмы, анализ социальных условностей, перипетии человеческих отношений, эволюция общества...

– Вам следовало бы податься в кровавые драмы! И здесь вы сможете найти вдохновение!

Оливия нахмурилась:

– В Мэхинган Фолз высокий уровень преступности?

– Ну теперь, конечно, нет, но что касается прошлого, в нашей истории много мрачных страниц! Тесса Кащинская вам об этом не расскажет! Она предпочитает не слишком распространяться о таких вещах до тех пор, пока новоприбывшие не будут уже связаны по ногам и рукам кредитами на недвижимость... – хихикнул он. – Вы слышали о салемских ведьмах? Все о них знают. Так вот Салем всего в двадцати километрах к югу, и на самом-то деле большинство девушек были отсюда! Да-да! Но их не могли судить на месте, раньше это был совсем крошечный городок, поэтому их отвезли в ближайший крупный город – Салем. Затем были эти индейцы, как их?.. А, пеннакуки! Настоящая резня. А во время сухого закона Мэхинган Фолз был прибежищем для бутлегеров, и они сводили счёты... Ах, да, чуть не забыл: здесь скрывался Роско Клермон, серийный убийца прошлого века, который орудовал на скалистом берегу. Ну, я говорю сумбурно, но моя жена сумеет вам рассказать это лучше меня, она без ума от подобных вещей. Однажды она собиралась даже написать об этом книжку, отбивала бы ваш хлеб, Томас! Поэтому я столько знаю об этих ужасах! Она только и делает, что смотрит детективные сериалы и криминальные шоу, уверен, она будет счастлива все вам рассказать.

Том предпочел промолчать и натянуто улыбнулся. Он не знал, убьет ли скорее покупателя, стоявшего перед ними, или Л.Д.М., если тот не заткнется хотя бы на десять секунд.

– Главное, когда встретите нашего мэра, не говорите, что

я вам все это рассказал! – поспешно прибавил Логан. – Это не самая идиллическая картина, но как я всегда говорю, не надо отворачиваться от своего прошлого!

Когда они вышли из магазина, Том почти бежал, толкая тележку к машине. Оливия потешалась:

– У нас есть победитель месяца!

– Клянусь тебе, если они все здесь такие, мы свалим до начала учебного года.

– У нас кредит на Ферму, ты застрял здесь с этими людьми по меньшей мере на пятнадцать лет! – фыркнула Оливия.

– Плевать, я сожгу дом, нахимичу со страховкой, но никогда в жизни, слышишь, ни за что я не пойду на ужин к этому типу!

Том сказал это в шутку, но в глубине души его терзали сомнения. Действительно ли они на своем месте? Он спрашивал себя, что с ними будет, и знал, что Оливия делала то же. Их переезд решился, когда они одновременно почувствовали крайнюю усталость от своей прошлой жизни, нашли Ферму, решительно их покорившую, и через несколько месяцев они бросили все. Все.

Тому было необходимо сделать паузу. И в жизни, и в работе.

Провал последней пьесы сказался на его карьере сильнее, чем он предполагал. Критики его разгромили. Публика стала избегать. Даже агенты все неохотнее назначали встречи, чтобы договориться с актёрами. Откровенно говоря, Том уже

некоторое время назад стал осознавать, что успех покидает его. «Откровенность мертвецов» срывала овации, «Фальшивая горечь» была триумфом, признанным во всем мире, но с тех пор успех не возобновлялся, а карьера неуклонно шла под откос. Фиаско, которое он потерпел с последней постановкой, поставило точку в этом движении вниз. Дурманящие излишества нью-йоркской жизни, гомон журналистов, других драматургов, советы агентов и директоров театров... Том чувствовал, что ему необходимо сбежать от всего этого. Вернуться к истокам. К простоте. Он ощущал эту потребность, но никак не мог ее осознать, высказать, пока Оливия не вытянула у него это признание, как умела одна она.

Оливия тоже думала в этот момент о своей карьере, пересматривала цели, которые начались с подростковой мечты и за которые она так боролась на своем пути к телевидению. Незаметная журналистка местных новостей стала звездой национального канала, ведущей собственного шоу, ежедневно выходящего в эфир по утрам. Приближаясь к сорокалетию, Оливия подвергла ревизии свое мировоззрение. Возраст особенно болезненно сказывался на ее работе, где больше всего ценилась внешность, где культивировалась одержимость молодостью, и каждая новая морщинка на ее лице была подобна очередному погасшему прожектору. Оливия спрашивала себя, в чем смысл ее работы. Дело всей ее жизни перестало приносить ей радость. Чрезмерное давление, слишком много разных мнений – Оливии казалось,

что ее мнение все меньше значит по мере того, как все решения принимают различные комитеты, все более крупные и некомпетентные. Она не чувствовала никакой радости от своей работы. Хуже того, каждое утро, выходя в эфир, она все острее ощущала, что теряет себя. Ей снились кошмары о том, как она срывается и кричит о своих истинных чувствах всем этим миллионам зрителей. Разве для этого она начала работать еще девчонкой? Чтобы прийти к такому? Изможденная, обессиленная, с единственной перспективой – быть выброшенной за борт, когда во время отпуска менеджер подыщет ей на замену двадцатилетнюю красотку и выдвинет требование освободить ей место?

Все решилось на приеме у Билла Тэнингема, знаменитого адвоката, – на одном из светских раутов, которые Том так ненавидел. Билл был трагически верен эпикурейской философии: его не знавшая меры тяга к удовольствиям оборачивалась постепенным саморазрушением. Одним из таких порочных увлечений была игра, поставившая Билла в непростое финансовое положение, когда ему пришлось расстаться со всем, кроме необходимого. В том числе с Фермой. В разговоре между тостами, под звон бокалов с шампанским, когда Билл предложил знакомой купить дом по бросовой цене, Том мельком увидел фото дома на экране телефона Билла, и с этого все началось. Случайно услышанные слова, заманчивая картинка – и налаженная жизнь Спенсеров разлетелась на кусочки.

Том сам не знал, почему его так заинтересовала эта Ферма (полностью отремонтированная!), почему он стал о ней расспрашивать и даже вовлек в разговор Оливию, но именно она на следующих выходных предложила ему поехать и взглянуть – просто так, забавы ради.

Ни в самолете до Бостона, ни в машине, которая везла их до Мэхинган Фолз, Том ни на секунду не рассматривал идею покупки всерьез. Все это было лишь предлогом для небольшой вылазки, романтической эскапады, возможностью помечтать о другой жизни – столь же привлекательной, сколько невозможной.

Однако он все время вспоминал о фотографии дома из телефона Билла Тэнингема, и этот дом все больше его покорял. Он представлял себя там вместе с детьми, счастливым, и даже видел себя за работой в кабинете на втором этаже, в тихой и теплой комнате.

Вечером того же весеннего дня, когда они собирались уходить с Фермы, что-то не давало ему покоя. Агент по недвижимости, сопровождавшая их по поручению Билла Тэнингема, правильно истолковала сомнения Тома и предложила им побыть в доме, пока она поднимется в кабинет разобрать какие-то бумаги. И тогда Оливия помогла ему осознать все то, в чем он боялся себе признаться, и подтолкнула его к тому, чтобы выразить ощущения словами. Он полюбил это место. Ему показалась заманчивой жизнь на Ферме.

Оливия в этот драматичный период, когда она только что

потеряла сестру и Оуэн стал жить у них, перевернув с ног на голову весь их привычный быт, поддерживала мужа от всей души. Она тоже мечтала о смене обстановки и хотела найти что-то настоящее.

– Я ухожу из утренней передачи, – сказала она, сидя на террасе фермы.

– Прошу прощения?

– Ты отдохнешь от этих акул и гадюк, а сочинять можно и вдали от Нью-Йорка.

– Но, Оливия, это... Ты не можешь все бросить! Двадцать лет борьбы, и когда ты завоевала кубок, ты хочешь сдатьсь?

– Ну, я насладились победой, получила все, чего искала, и могу теперь посвятить себя чему-то ещё, вместо того, чтобы над золотом чахнуть... У нас достаточно денег, чтобы жить на проценты, мы можем взять ипотеку и переехать из квартиры.

– И чем ты станешь заниматься?

– Не знаю. Вести блог, наслаждаться жизнью, сочинять книгу о личностном росте или, может быть, вернусь к своим увлечениям молодости и найду какую-нибудь небольшую радиостанцию. Я хочу жить в свое удовольствие. Перестать притворяться! Я больше не могу играть роль ради того, чтобы сохранить то, что имею. Я уже получила все, чего хотела.

– Но куда мы поедем? Ты понимаешь, что мы уедем из города вместе с детьми, нам придётся искать новый дом...

Оливия с тихим смешком положила голову на плечо мужу.

– Глупенький. Оглянись вокруг. Мы уже приехали, здесь мы дома.

* * *

Маяк стоял, устремившись к небесам, подобно каменному пальцу, который указывал богам, что здесь, среди лесистых холмов, живут люди. Построенный на конце длинного мыса Мэхинган Хэд, возвышавшегося над всем заливом, маяк был виден дальше, чем на двадцать пять морских миль. Он отмечал собой северную границу города, бросая густую тень на доки. Вместе со Шнурком – гигантской антенной на вершине горы Венди, на том конце города, – они составляли два самых заметных ориентира, видных из любой точки, из любого квартала, – странная роза ветров, составлявшая своеобразный предмет гордости для местных жителей.

Семья Спенсоров в полном сборе лакомилась мороженым, удобно устроившись на лавочке у витрины выходящего на Атлантик-драйв магазина, мимо которого шли вечерние прохожие. Том с любопытством смотрел на маяк, представляя, какой должен оттуда открываться вид на разноцветные крыши внизу, на шпили и парки, на всю крошечную долину. Это должно было быть очень красиво, и он пообещал себе на днях отвезти туда семью погулять или даже устроить там пикник. Серебристые отблески виделись в мутных сине-серых волнах, стаи чаек дрались за оставленные детьми

пончики, и запах отпуска окутал Тома, которому так необходимо было отдохнуть. Без сомнения, у моря он чувствовал себя лучше, чем еще где-либо во всем Мэжинган Фолз. Здесь было достаточно иностранцев, чтобы можно было затеряться среди них и остаться незамеченным, тысячи вредных лакомств – настоящее счастье – и волнующее чувство, что ты один, далеко от *настоящего* мира и его давящих обязательств.

Он проглотил кусочек кофейного мороженого и заметил задумчивый взгляд Оуэна, наблюдавшего за скейтбордистами, которые катались по длинному деревянному настилу, тянувшемуся вдоль берега.

– Ну что, как вам новая няня? – спросил Том.

– Потрясная, – сказал Чад. Глаза его заблестели.

– Она красивая, не поспоришь.

Оливия толкнула мужа локтем в бок.

– Ну-ка полегче с этой рыжей девчонкой, а то найму какую-нибудь старую ведьму!

Чад, Оуэн и Том замотали головами, несмотря на сдвинутые брови Оливии.

– И чтоб даже не думал провожать ее вечером домой, – сказала она то ли в шутку, то ли в самом деле ревнуя.

– А если кто-то нападет на нее поздно вечером? – подначивал ее Том притворно обеспокоенным голосом.

– Пусть лучше это, чем она уведет моего мужа!

– О, мисс Спенсер-Бердок, хорошо ли это по отношению

к ближнему? Особенно в нашем опасном городе! Массовая резня индейцев, колдуны, бутлегеры, серийный убийца и так далее!

– Это правда? – спросил Оуэн. – Здесь все это было?

– Красота-а, – заметил Чад.

Оливия прожгла мужа взглядом.

– Очень умно...

– Но это не я говорю, это Логан Дин Морган! – запротестовал Том шутливым тоном.

– Кто это? – заинтересованно спросил Чад.

– О, если ты его встретишь, сынок, спасайся! Вы меня поняли, парни? Бегите от Л.Д.М., если вам дороги ваши уши!

Видя, что муж не на шутку разошелся, Оливия вздохнула в знак капитуляции и, оставив «мужчин» возбужденно обсуждать страшные истории, пошла вытирать личико малышки Зоуи, всё измазанное шоколадным мороженым.

В ответ на расспросы ребят Том объяснил, что в прошлом в Мэхинган Фолз произошло немало занятных историй, но сам он может рассказать им не слишком много. Чад и Оуэн в конце концов отвернулись от него и стали что-то горячо обсуждать шёпотом. Тома не беспокоило их любопытство, оно составляло часть жизни: знание о смерти и о насилии. Однако он не хотел, чтобы эти истории преследовали их в кошмарах, ведь мальчикам было всего тринадцать. А потому поспешил уточнить:

– Все это старые истории, сегодня Мэхинган Фоллз – спо-

койный маленький городок, так что забудьте об убийцах и монстрах, здесь вы в безопасности.

– Здесь ещё спокойнее, чем в Нью-Йорке? – разочарованно спросил Чад.

– Нью-Йорк – настоящие дикие джунгли. Отныне вы живете на мирном лугу.

– На лугах иногда встречаются койоты и змеи, – заметил Оуэн.

Том хотел было заверить мальчиков, что они им ничего не угрожает, когда его взгляд упал на черно-белую фотографию девушки. Мрачный взгляд, слишком много косметики и ожерелье, подходящее к её готскому или «металлистскому» стилю – так его называли мальчики, которые слушали металл, а сам Том не различал эти виды музыки. Девушка смотрела на него с плаката на столбе возле магазина, и потом Том встретил такой же плакат на Мэйн-стрит. Крупная надпись сообщала об исчезновении девушки: Лиза, шестнадцать лет, суд по дате – пропала месяц назад. Учитывая её возраст и внешний вид, речь скорее всего шла о побеге, но Том, всегда представлявший худшее, не мог отделаться от самых отвратительных предположений.

Монстры существуют. Я не могу убеждать детей в обратном. Они встречаются нечасто, но существуют. Я не могу им солгать.

И Том предпочёл промолчать.

В эту самую минуту он увидел невысокую женщину на

тротуаре напротив, очень взволнованную. Все произошло мгновенно, слишком быстро, чтобы он мог среагировать. Он увидел, как мелькнули седые волосы, и тоненькое тело устремилось на дорогу в ту же секунду, когда один пикап ехал чересчур быстро. Мягкий звук размазавшихся по решётке радиатора внутренностей, глухой хруст ломающихся костей, металла, протыкающего тело, и наконец визг тормозов и скрип шин. Женщина подлетела в воздух, как картонная кукла, ноги от удара описали круг над головой, ее тело врезалось в лобовое стекло и осталось на нём, как чудовищный пурпурный цветок. Ноги оказались запрокинутыми на крышу, и хотя машина уже затормозила, тело так и осталось в этом неправдоподобном и жутком положении, не оставляя сомнений в том, что позвоночник был сломан практически под прямым углом. Том видел всё это в мельчайших деталях. На улице слышались крики, и первые прохожие побежали к машине, а Том застыл, не в силах пошевелиться. У него перед глазами стоял растерянный взгляд маленькой женщины. Лишь спустя несколько секунд он понял, что заставило его цепенеть. Её испугала не надвигающаяся машина. Она была смертельно испугана до этого. И ужас заставил её броситься на дорогу. Между тем вокруг не было ничего, что могло бы вызвать такой страх. Никто не толкал её, никто не заставлял сводить счёты с жизнью, ничего необычного, твердил Том, прокручивая в голове сцену. Он разглядывал лица, но не замечал ничего странного. Он знал, что никогда не забудет ис-

каженного ужасом лица женщины, опрокинутой теперь на крышу машины, лица, которое теперь было изуродовано радиатором.

Прямо над кровавой сценой развевался красно-белый флаг города с надписью: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В МЭХИНГАН ФОЛЗ».

5

Радио затрещало, и голос диктора радиостанции WGIR на секунду заглох. Рик Мерфи машинально наклонился к рулю, чтобы взглянуть на Шнурок на верху горы, купавшейся в солнечных лучах. Полная глупость, с чего бы антенне вдруг падать, но он часто так проверял, когда барахлил телефон или радио. Не у него одного в Мэхинган Фолз была эта привычка. Он покрутил колесико переключателя, чтобы настроить сигнал, и заодно включил кондиционер. Он потел с самого утра, и ему было немного стыдно показываться перед клиентами в таком виде. Дни шли один за другим, неотличимые друг от друга: длинные, жаркие и скучные. Рикуну нужен был отдых.

На кой черт он поменялся отпуском с Роем Хьюзом? Рик всегда в середине июля уезжал к шуруину в Вермонт в их фамильный домик на берегу озера. Он просто не смог отказать. Рой сыграл на его чувствах. В городе было всего два сантехника, и не мог же он бросить бизнес в середине лета! Рискованно было оставить клиентов конкурентам из Рокпорта и Манчестера, это было бы очень плохой идеей, настаивал Рой. Им надо все правильно организовать, не как в предыдущие годы. И Рик по-глупому дал себя уговорить. Так что Рой с женой поехали отдыхать в самый удачный момент – в конец июля и начало августа, а Рикуну оставались последние

две недели лета, когда жители вернутся готовиться к учебному году и будет особенно много работы. А пока Рик выезжал по срочным вызовам и по звонкам туристов, снимавших здесь квартиры на лето, – они всегда торопились и редко бывали дружелюбны. Да к тому же Николь была не в духе. Она называла его слабаком, размазней, лохом и прочими оскорбительными словами. Не приходилось удивляться, что все это не возбуждало в нем желания заняться с ней сексом и показать, как предписывал супружеский долг, небо в алмазах. Рик чувствовал себя в постели неуверенно, никогда он не был на высоте, да и природа не одарила его особенно большим членом, если сравнивать с тем, что он видел в порно. Оскорбления жены только усугубляли ситуацию. Сворачивая по грунтовой дороге к Макфарлейну, Рик был занят мыслями о том, как ему исправить эту безрадостную обстановку в семье. Макфарлейн был его последним клиентом на сегодня, а затем он сможет отправиться домой, где его ждет баночка холодного пива.

Старый Боб Макфарлейн ждал его на ступеньках своего крыльца, держа в руках толстую маску пчеловода. Рик захлопнул дверцу машины и с опаской покосился на деревянные домики, стоявшие на газоне в двадцати метрах, откуда слышалось монотонное гудение.

– Они не злые, – сказал Макфарлейн.

Рик махнул в их сторону рукой.

– Не понимаю, как ты можешь держать у себя этих тварей

и тем более любить!

– Я как-нибудь открою один из ульев, и ты увидишь, какие это волшебные существа.

– Так, блин, пойдем уже зайдем под крышу! Что там, опять с краном проблемы?

– Давление почти нулевое, как в прошлый раз.

– Я тебя предупреждал: с электролизным фильтром медь портится очень быстро. Надо будет однажды все поменять, а то станет только хуже.

– Для этого мне надо выиграть в лотерею. Я перекрыл воду, пока тебя ждал, чтобы тебе не пришлось идти по колено в воде.

– Ну, на такой жаре искупаться бы не помешало. Я возьму инструменты, а ты пока открой мне решетку.

Терраса, кругом огибавшая дом Макфарлейна, возвышалась на метр от земли и была перекрыта поперечными досками, чтобы звери не проникали в подпол. Старый Боб отодвинул решетку, чтобы Рик мог пролезть внутрь. Сантехник зажег налобный фонарь, закрепил его на голове и отправился на обследование.

В подполе было прохладно, солнце сюда не проникало, и, держа в одной руке ящик с инструментами, Рик стал ползти по потрескавшейся земле. Он пролез между деревянными столбами, поддерживавших террасу, и дошел до бетонных опор дома. Здесь царила абсолютная темнота, кишели пауки, черви и какие-то отвратительные большие насекомые, назва-

ния которых Рик не знал. Он привык ко всему этому в своей работе, и затхлые грязные помещения его не пугали. Это уж по крайней мере лучше ароматов канализации или резкого запаха промышленных котлов.

Рик на минутку остановился. Он ощутил смрадный дух разложения.

– Боб! Слышишь меня? – закричал он. – У тебя тут какой-то зверь сдох!

Голос старого Макфарлейна донесся до него глухо, будто из другого конца длинного коридора:

– Вот и мне так казалось! В последнее время слышал, как кто-то скребся. Надеюсь, это не крысы!

– Учитывая, как здесь воняет, они в любом случае дохлые!

Его слова прозвучали глухо, словно поглощенные серыми колоннами. Слабый луч фонаря слегка осветил тусклый бетон.

Подумать только, вместо этого я мог бы сейчас сидеть и преспокойно удить карпов в еловом лесочке! Чтоб тебе, Рой Хьюз!

Рик подумал, что только идиот мог так легко согласиться, и это его особенно мучило. Его достало, что он вечно остается в дураках. *Он слишком покладистый, и вот к чему это приводит!*

Теперь, несомненно, труп животного был где-то поблизости, запах гниющей плоти бил в нос жирной и кислой волной. Рик прополз еще пару метров и повернул налево. Он

был уже где-то на середине дома, до него почти не доносился голос старого Макфарлейна и к нему уже не проникало ни лучика света. Из-за тесноты приходилось передвигаться ползком, и каждые несколько метров казались бесконечными и безмерно утомительными. Он заслужил хороший освежающий душ!

Вонь стала невыносимой, и Рик натянул футболку на нос, как маску. Он стал дышать ртом, хватая воздух большими глотками.

Его пальцы погрузились в лужу. Вот оно.

Едва заметное копошение заставило его вздрогнуть.

Фонарь осветил красные пятна на его ладонях.

Кровь. Все руки были в крови.

Какого хрена, что это такое...

Он приподнялся на локтях, подсветил фонариком пол впереди себя и увидел кучу мяса, кишок и шерсти, которые плавали в алой луже.

Посреди этой кучи ползали личинки и насекомые, издавая странное гудение – это и был звук, который привлек его внимание. Туша была слишком большой, чтобы быть трупом крысы. Скорее собаки или койота. Рик слышал на местном телеканале, что штат Массачусетс сейчас заполонили койоты.

Быть не может... И надо, чтобы это выпало именно мне!

Обойти гнилую тушу не представлялось возможным, ему

придется проползти прямо над ней. Что за отвратительное упражнение...

Боб, у тебя решетка продырявилась! Скоро тут наберется целая куча падали! Придется тебе самому заняться этой дырой, с меня хватит...

Рик как мог ухватился за бетонные стены и начал свой рискованный маневр, когда заметил какое-то движение позади.

– Боб? Ты какого хера тут забыл? В твоём возрасте лучше без акробатики! Дай мне разобраться самому, ты мне за это и платишь!

Но старый Макфарлейн не отвечал.

Рик вздохнул. Было душно, у него ломило все тело, он замер в неудобной позе в слишком узком проходе, не хватало еще вытаскивать отсюда старика, если ему, не дай бог, станет плохо.

– Боб, говорю тебе, иди отсюда!

Макфарлейн продолжал молчать, но все скорее приближался.

Он похож на...

Рик вдруг засомневался. Что бы это ни было, оно быстро приближалось и совсем скоро должно было его догнать. Рик сам не знал, почему, но его сердце заколотилось, а дыхание стало тяжелым.

– Боб? Это ты?

Что-то странное было в том, как это существо двигалось,

что-то настораживающее. Какая-то... решимость, подумал Рик. Неумолимость, как у хищника, который бросается на жертву, ни на шаг не уклоняясь в сторону, выпустив клыки, чтобы впиться в плоть, оторвать от земли и утащить в свое логово...

Мне не по себе... Это же просто...

Кто? Что? Рик понятия не имел. Чувствуя мелкую дрожь, он посмотрел под ноги, где в куче мерзкой вонючей падали копошились черви.

Незванный гость был уже близко, Рик слышал, как тот на- двигается на него на полной скорости.

Впервые за многие годы Рика Мерфи захлестнуло чувство, которое он думал, что навсегда забыл: детский страх. Это просто глупо, пытался он себя успокоить, он сто раз спускался в точно такие же подвалы, иногда еще более тесные, его никогда не беспокоили какие-то там мокрицы или пауки, которые могли ползти прямо по нему, он не раз видел трупы животных, хотя бы на охоте с отцом и братом, не было ни малейшей причины для паники, но именно это он сейчас ощущал – чудовищную панику.

Он потянулся к затылку, чтобы поправить налобный фонарь и осветить проход, по которому к нему приближалось какое-то существо.

До столкновения оставалось меньше двух метров, Рик уже видел облачко пыли, которое вздымалось от движения.

Фонарь Рика задрожал и стал гаснуть.

Нет, только не сейчас, как же не вовремя!

Свет резко погас, Рик остался в полной темноте, у ног копошились личинке, и он почти ощущал движение рядом с собой, а бешеный пульс колотился в висках.

Оно было уже здесь, звук его шагов уже слышался из-за поворота, который Рик прошел только что, Рик уже ощущал его присутствие.

– Бо... Боб? – спросил он слабым голосом.

Что-то снова начало ползти к нему. Оно было уже напротив.

Рик покачал головой, это был какой-то абсурд. Он перешагнул разлагающуюся тушу, чтобы скорее выйти из подвала, сейчас ему было важно только выбраться отсюда.

Что-то сомкнулось на его лодыжке. Стальные челюсти обездвижили его. Рика охватил ужас. Что-то держало его мертвой хваткой. Давление усилилось, разрывая плоть и грозя сломать кости. Рик закричал от боли и попытался высвободить ногу.

То, что держало в тисках его ногу, потянуло его, и он упал лицом в гниющую кучу, полную червей. Его неумолимо тащило назад.

Ему пришла очередная детская мысль.

Не дай этой твари утащить тебя в логово! Ни в коем случае не дай ему тебя утащить! Оно тебя сожрет!

Рик сам не слышал своего оглушительного вопля. Он отчаянно боролся и, вырывая ногти, пытался уцепиться за

гладкий бетон... Его тащило неизвестно что или кто, и он неумолимо скользил. Еще и еще. С каждым сантиметром он становился ближе к гибели, это было очевидно.

* * *

Боб Макфарлейн сидел на ступеньках террасы, окружавшей дом кольцом, и терпеливо ждал. Он поставил в холодильник ледяной чай, оставалось только дожидаться из подвала Мерфи, и если все пойдет хорошо, уже через четверть часа они устроятся на садовых качелях и потолкуют о цене. Макфарлейн торговался всегда, это было дело принципа.

Старик заметил какое-то воспаление между большим и указательным пальцами, похожее на укусы пчелы. Он даже не почувствовал, когда это его покусали. Макфарлейн поднес руку к уставшим глазам, чтобы убедиться, что жало не осталось в месте укуса.

Вдруг он поднял голову. Кажется, послышался крик. Далекий, приглушенный звук.

Он поднялся и наклонился к люку в террасе.

– Эй, как там, все в порядке? – гаркнул он как можно громче, чтобы было слышно даже через бетонные перегородки. – Мерфи? Все хорошо?

Снова послышался непонятный звук, похожий на визг. Это не было похоже на человеческий крик, таких звуков не мог издавать семидесятилетний мужчина.

– Эй, Рик, нашли вы там что-то?

В ответ раздались неясные вопли. Рик Мерфи находился, по-видимому, в середине дома. Маркфарлейн поспешил подняться по ступенькам и прошел в коридор. На кухне он с трудом присел, держась за духовку. Мерфи должен был находиться ровно под ним.

Его слуха достиг крик, приглушенный бетонной плитой. Ужасающий вопль, от которого у Макфарлейна волосы на голове встали дыбом. Снова крик, за ним еще и еще.

После нескольких секунд оцепенения Макфарлейн обернулся по сторонам в поисках предмета, чего угодно, что могло подсказать ему, как действовать, но ничего не нашел.

Потом он увидел над плинтусом вентиляционную решетку, подполз к ней на коленях и стал тянуть изо всех сил. Здесь крики слышались еще громче, они доносились прямо из-под фундамента дома. Макфарлейн порезал палец о решетку, и на паркет потекла кровь. Ему было все равно, он хотел любой ценой остановиться эти невыносимые вопли. Он сойдет с ума, если они не прекратятся.

Крик терзаемого животного.

Человеческого существа, которое режут и которое вопит как ребенок.

6

Полицейский автомобиль, старенький внедорожник GMC, остановился между двумя припаркованными машинами с включенными мигалками. Их фары были направлены на дом Макфарлейна, а застывшие в темноте фигуры полицейских напоминали статуи.

Лейтенант Итан Кобб захлопнул дверцу, поправил на поясе тяжелый ремень и надел фуражку департамента полиции Мэхинган Фолз. Он нервничал. Сезар Седильо был не слишком впечатлительным человеком, однако его голос дрожал, когда он позвонил и сказал Итану срочно приехать. Минут десять Итан боролся с желанием закурить. Он нахмурился, провел рукой по подбородку и отросшей за несколько дней щетине. Вредные привычки. Это из-за стресса. Надо справляться.

Макс Эдгар разговаривал с Бобом Макфарлейном, сидя поодаль. Боб, видимо, давал показания, догадался Итан. По меньшей мере Макс делает свою работу. Когда годом раньше Итан прибыл в Мэхинган Фолз, его беспокоила близость полиции к жителям, которая мешала работать профессионально. Все друг друга знали, большинство мелких споров мирно разрешали между собой, а когда приходилось вмешаться работникам правопорядка, то в большинстве случаев конфликты улаживались парой распоряжений шефа по-

лиции Уордена. Что касается серьезных случаев, здесь все было не так гладко. Никто не следовал протоколу. Но и это было не страшно. Большинство копов, всего с десяток мужчин и женщин, руководствовались чувством долга, не слишком при этом лютуя. Здесь не было привычных для Итана порядка и строгости, и все-таки он считал, что ему повезло с командой. Ну, за исключением пары персонажей. Итан имел в виду прежде всего Ланса Полсона, которого он заметил перед домом. Тот стоял прямой, как дорожный столб, нервно поглаживая лысину и протирая толстые стекла очков.

– Жертва – сантехник? – спросил Итан.

Полсон подскочил от неожиданности и бросил холодный взгляд на лейтенанта.

– Откуда вы знаете?

Итан указал на грузовик Рика Мерфи, припаркованный в стороне. Полсон кивнул.

– Седильо из нас самый худой, поэтому мы отправили его в подпол посмотреть...

Скорее потому, что ты его начальник и ты трус, а Седильо не из тех, кто стал бы уклоняться...

– Когда он вышел, – продолжал Полсон, – он... Я в жизни не видел его в таком состоянии.

Несмотря на свою неприязнь к Полсону, Итан ободряюще похлопал его по плечу и подошел к Седильо, который вытирал лоб, сидя на ступеньках террасы. Итан подсел рядом.

– Он все еще внизу?

Седильо кивнул. Потом, помолчав, сказал:

– Даже не представляю, как его оттуда вытаскивать.

– Как думаешь, что вообще произошло?

– Старый Боб говорит, что не понимает, Мерфи просто чинил трубу, протекала горячая вода. И тут Боб услышал крик, как будто его резали. Я прополз под домом и нашел... В общем, то, что от него осталось. Кусок бетона откололся и раздавил его. Голова... Я никогда не видел человека в таком состоянии, я даже не знал, что такое возможно. Проломлена... Раздавлена. Месиво из костей и мяса. На самом деле, я даже не уверен, что именно я увидел.

Итану не слишком хотелось узнать все эти подробности, но он понял, что Седильо надо выговориться. Сезар Седильо хотел избавиться от кошмара, с которым он столкнулся, поэтому он старался выплеснуть все наружу. И, однако, он не находил слов.

Итан посидел, сколько требовалось, чтобы выслушать Седильо, и пошел к машине Макса Эдгара оценить состояние Боба Макфарлейна. Старик поднял на него красные глаза; в неверном свете плафона были особенно заметны усталые черты его морщинистого лица. Макфарлейн благодарил Бога за то, что его жена уехала в Мэн к старшему сыну и не слышала предсмертных криков бедного Мерфи, а Итан различил в его дрожащем голосе нечто большее, чем шок или грусть. Макфарлейну было страшно. Он до чертиков боялся за свою жизнь.

Краем глаза он увидел, что Эдгар исписал своими каракулями половину блокнота. Видимо, ему удалось что-то вытянуть у старика. Макфарлейн знал Эдгара еще мальчишкой, и тот был способен расспросить его обо всем в доверительной беседе. Итан решил, что ему сейчас лучше не вмешиваться.

Лейтенант вернулся к своему внедорожнику за парой перчаток.

Отправляясь в Мэхинган Фолз, Итан Кобб считал, что едет в захолустный городок, практически деревушку, не совсем забытый только благодаря близости к океану. Это лейтенанта полностью устраивало. Преступность здесь, должно быть, исчерпывалась алкоголиками, подростками с бушующими гормонами и заезжими нарушителями из числа туристов – настоящий отдых от городских джунглей, где Итан работал раньше.

И в течение года ожидания Итана оправдывались. Он не верил в астрологию, влияние луны или морских приливов на людей, однако за один день произошло столько событий, что объяснить их можно было только дурным расположением звёзд. Сначала у Джонсонов сбежало стадо, охваченное внезапной и необъяснимой паникой, перегородив Вестерн-Роуд – главную магистраль, связывавшую город с внешним миром. Потребовалась мобилизация почти всего полицейского состава, чтобы собрать скот и увести с дороги. Потом одновременно было два возгорания в порту, затем Дебби Манч бросилась под машину на глазах у толпы туристов, и, нако-

нец, Рик Мерфи раздавлен, как свежий пончик в детском кулачке. Где это видано, чтобы бетон крошился вот так, ни с того ни с сего? Для тихого уголка, каким был Мэхинган Фолз, все это оказалось чересчур. А ещё двумя неделями раньше пропала Лиза Робертс. Испарилась.

«Потеряна, как и её невинность, – констатировал начальник полиции Уорден. – Раздвигает ноги перед каким-нибудь бостонским байкером из тех, что слушают эту адскую музыку. Вот увидите, вернётся как ни в чем не бывало, когда у нее не останется ни цента и ничего, что она могла бы предложить этим типам». Итан в этом сомневался, но Уорден был его начальником, и факты только подтверждали его слова. Девушка просто смоталась во время работы в неизвестном направлении. Она всегда казалась маргиналкой и вдобавок мечтала уехать. Итан всё же съездил поговорить с ее матерью и двумя из её немногочисленных подруг. Последние не верили, что она уехала. В день исчезновения она должна была вести стрим о том, как набивает себе татуировку.

Итан сказал себе, что Лиза Робертс не первый подросток, скрывающий что-то от близких, но какой-то сомнительный осадок в этой истории все же оставался. Он не так долго здесь работал, чтобы спорить с начальником Уорденом. Пусть он даже был его помощником, следовало ещё заработать уважение и доверие, так что Итан подчинялся, оставаясь при этом начеку.

Он натянул перчатки и достал большой фонарь. Парни

из пожарной службы скоро будут, но для ювелирной работы они не годились. Итан хотел следовать регламенту, насколько это возможно. Седильо посмотрел на Мерфи и убедился, что нет надежды его спасти, но следовало сфотографировать место происшествия, записать данные и кратко изложить состояние тела и места. Он не мог заставить Седильо пойти туда снова. Полсон был совершенно некомпетентен, а другие взбесились бы, прикажи он им отправиться в этот ад. Как старший по званию среди всех присутствующих он должен был кого-то назначить или пойти сам. А прятаться от опасности Итан не привык.

Он подошёл к дому – деревянному гиганту, освещенному фарами, – и увидел чёрную дыру, в которую ему предстояло спуститься, чтобы ползти одному по направлению к трупу. Определённо, этот день был непохож на все остальные. Но больше всего Итана Кобба беспокоили не факты сами по себе, а странное ощущение, которое с самого утра всё больше его охватывало. Подобно предчувствию грозы в жаркий летний день, Итан ощущал, что все это ничто по сравнению с тем, что скоро произойдёт. Он был не в силах рационально объяснить это чувство, которое росло в нем со всей неумолимостью. Что-то скоро случится. Грядет небывалая буря, и Мэхинган Фолз не выйдет из неё невредимым. Итану следовало готовиться.

Ее волосы полыхали. Солнце светило так ярко, что Джемма Дафф казалось охваченной огнём. Ее рыжие локоны, пылавшие в лучах заходящего солнца, привлекали взгляды прохожих, пока она шла, мягко толкая перед собой коляску малышки Зоуи. Чад и Оуэн послушно шли за ней вместе с ее братом – подростком их возраста. Кори Дафф был выше их ростом, веснушчатый, с пронзительным взглядом и такими светлыми волосами, что казался лысым. Джемма познакомила их с братом, чтобы они завели первого друга в Мэхинган Фолз. Она несколько дней готовила Кори к знакомству, убеждая его быть дружелюбным и произвести хорошее впечатление. Однако после приветствия мальчишки не знали, о чем разговаривать, и шли молча.

Городской парк Мэхинган Фолз представлял собой большую вытянутую поляну, окруженную деревьями, с высаженными тут и там кустами, с клумбами и деревянными лавочками. Джемма вела их по направлению к озеру в центре парка, здороваясь по пути с прохожими и бросая беспокойные взгляды на брата, будто умоляя его чем-то развлечь новых приятелей. Но Кори не мог придумать, что бы интересного сказать, и не прерывал молчания. Они сели недалеко от берега, и Джемма расстелила в тени ивы коврик, чтобы малышка Зоуи могла поиграть с игрушками, пока мальчишки устраива-

лись между корней. Молчание становилось тягостным, когда к ним уверенным шагом подошёл темноволосый парень лет четырнадцати в черной майке и кепке козырьком назад.

– Кори, привет!

– Привет, Коннор.

– Что делаешь? Я тебе третий день не могу дозвониться, вы там совсем у себя не берете трубку? Надо тебе завести мобильник, нельзя же так...

– Наша мама против, – вмешалась Джемма.

– Тогда купите хотя бы автоответчик, двадцать первый век!

Джемма воспользовалась случаем:

– Коннор, это Чад и Оуэн. Они недавно переехали. Они будут учиться с вами с начала года и никого тут не знают, так что я на вас рассчитываю, помогите им почувствовать себя как дома.

Коннор обнажил белоснежные зубы в подобии улыбки.

– Рассчитывайте на меня, мисс Дафф, я буду их ангелом-хранителем. – Вновь став серьёзным, он втиснулся между мальчиков и спросил: – Ну, что вы натворили?

– Чего? – не понял Чад.

– Почему оказались здесь! За что вас наказали?

– Не говори так, – сказал Кори, – в Мэхинган Фолз клево.

– Ну да? Клево помирать со скуки? Здесь нет Интернета, нет торгового центра...

– Тут есть скейт-парк, – вставил Чад, – и магазин комик-

сов.

– И кино, – прибавил Оуэн.

– Здесь ничего никогда не происходит.

– А мы видели, как погибла женщина, прямо у нас на глазах, – заметил Чад, как будто хвастался подвигом.

– Это кто погиб? – заинтересованно спросил Коннор.

– Старушка, она бросилась под пикап, – объяснил Чад, гордый тем, что обладал такими уникальными сведениями, хотя они приехали в город только накануне.

– Я слышал об этом, – оживился Кори. – Вы там были?

Потрясающе.

– Только Оливия заставила нас отвернуться и не смотреть, – уточнил Оуэн.

– Вы не увидели труп? – допытывался Кори.

– Кори! – возмутилась Джемма. – Это отвратительно, никто не хочет смотреть на трупы!

Мальчики, очевидно, считали иначе, и Чад улучил момент, чтобы заявить:

– Вот видите, в Мэхинган Фолз бывает интересно!

– Да-а, а еще у Джеммы большие сиськи, – поддразнил Коннор тихим голосом.

Корни отвесил Коннору подзатыльник, сбив ему кепку, и сказал:

– Но как только ты попадаешь в Мэхинган Фолз, ты здесь как в тюрьме. Холмы вокруг – как колючая проволока, а взрослые – доставучие надзиратели. Ну, я не знаю, конечно,

какие у вас взрослые...

– Да, – подхватил Чад, – но эти леса вокруг – это же наоборот круто, можно гулять, испытать столько приключений!

Лицо Коннора осветила зловещая ухмылка:

– Вы любите приключения?

Оуэн пожал плечами, не будучи таким воодушевленным, как его двоюродный брат. Коннор бросил заговорщический взгляд на Кори.

– Старый парк, – сказал он. Коннор вдруг поднялся и обратился к Джемме:

– Слушай, сестренка, пока ты тут играешь в дочки-матери, мы покажем братишкам одно место.

– Что еще за место? – с недоверием спросила Джемма.

– Не бойся, мы недалеко, просто немного покажем окрестности.

– Ладно. Но не слишком задерживайтесь, я пока покормлю малышку полдником, и мы с ней пойдем к причалу.

– Шик, тогда встретимся там.

* * *

Коннор повел ребят вокруг озера по направлению к восточному выходу из парка, а когда они скрылись с глаз Джеммы, свернул к северу.

– Куда мы идем, что надо так скрываться? – спросил Оуэн.

– Я знаю сестру Кори. Если она увидит, что мы пошли к

старому парку, нам хана.

Коннор указал на вершину зеленого склона, где стоял круг из каменных колонн, увенчанных толстым куполом. Брызги водопада окружали подножие колонн дымкой, в которой переливались маленькие радуги.

– Это Лориэн, как во «Властелине колец»! – пошутил Чад.

– Но почему туда нельзя? Что там наверху? – не унимался Оуэн.

– Это Бельведер. Тут ничего интересного, только вечером можно увидеть, как на закате парочки приходят сосаться. Но дальше, наверху, весь холм – это старинный парк.

– Там старые развалины? – предположил Чад.

– Ну, скорее, заброшенный лабиринт, – пояснил Чад.

Оуэн пожал плечами. Место было на вид приятным.

– Из-за этого Джемма стала бы сердиться?

Кори и Коннор обменялись заговорщическими взглядами.

– Да просто так, это все девчачьи глупости, – ответил Коннор и ускорил шаг.

Он повел их по извилистой тропинке, идущей под Бельведером, с неровными ступенями, и мальчишки заметили, что эти склоны холма были не такими ухоженными. Тут были высокие дикие травы, густой подлесок, кустарники и заросли с вкраплениями ежевики. Здесь природа вступала в свои права.

Они даже не остановились осмотреть каменный павильон,

спеша за Коннором, который стремительно вел их все глубже по этой огромной территории, где парк и лес, спускаясь по склонов холмов Пояса, смешивались, и не было почти никаких следов человеческого присутствия, если не считать узкие едва проходимые тропки.

Спустя какое-то время они повернули к западу, и в глубине послышался негромкий шум, похожий на мерное гудение.

– Что это за звуки? – спросил Оуэн, который начал находить эту экспедицию забавной.

– Водопады. Там есть скала. Река течет до самого обрыва и переходит в водопад Мэхинган Фолз. Из этой речки образовалось озеро, где вы недавно были.

– *Водопад!* – воскликнул Чад. Решительно, это место нравилось ему все больше.

Они вышли к быстрой речке. От противоположного берега их отделяло метров двадцать. Коннор что-то искал глазами, и Кори потянул его за рукав, указав выше по течению. Над водой в бурлящей пене выступало несколько камней. Шум водопада переходил здесь в рев, хоть отсюда и не было видно места падения воды.

– Первое испытание, – гаркнул Коннор, – надо пересечь Стикс!

– Разве это не опасно? – изумился Оуэн.

– А, ну лучше не падать, а то тебя утащит в водоворот, побьет о булыжники, а потом придется пролететь метров двадцать под Бельведером. Так что да, немного опасно. Ну, на

то оно и испытание! – перекрикивая шум воды, ответил Коннор и побежал по камням.

Он ловко продвигался, раскинув для равновесия руки, по верхушкам скользких и влажных камней, перепрыгивая с одного на другой и не глядя по сторонам, пока не добежал до берега и не помахал им, раскланиваясь, как артист после удачного номера.

– Чтоб тебе, Коннор, – пробурчал Чад, прежде чем последовать его примеру.

Он повторил трюк Коннора с не меньшей уверенностью, хоть и поскользнулся на последнем камне, но смог эффектным прыжком достичь берега.

– Переправа засчитана! – насмешливо крикнул Коннор.

Оуэн и Кори переглянулись, и последний кивнул Оуэну, чтобы тот шел первым. Оуэн вовсе не хотел выглядеть трусом, поэтому подчинился. Камни были едва видны, скрытые пеной и брызгами бурного потока, и Оуэн тщательно выбирал, куда поставить ногу, прежде чем сделать очередной шаг. Он несколько раз поскользнулся, и ему с трудом удалось удержаться на ногах. Взгляды остальных мальчиков стали вдруг очень обеспокоенными.

– Давай, одним рывком! – посоветовал Коннор. – Главное не останавливаться!

Но Оуэну так не казалось. Он не собирался рисковать и сначала трогал камень кончиком ноги, только потом осторожно ступал. Полагаться на удачу и импровизировать бы-

ло не в его стиле. Оуэну не хватало для этого слепой веры в себя.

На полпути он остановился и посмотрел на водовороты, которые его окружали. Сверху неслись мощные потоки, похожие на стадо разъяренных быков. Оуэн открыл рот и тяжело задышал. Вода мчалась, как чудовищный конвейер, который намеревался утащить его в бездну. Оуэн покачал головой. Он чувствовал, как его ноги подгибаются, как будто его уже уносило течение реки.

– Не останавливайся, Оуэн! – скомандовал Чад. – Давай! Ну же!

Оуэн увидел брата, который протянул к нему руки, потом заметил Коннора, который оттолкнул Чада и с обеспокоенным видом спускался к берегу. Он собирался забрать Оуэна. От этой мысли Оуэна как будто ударили током. Он вовсе не хотел, чтобы ему помогали. И еще меньше – чтобы считали слабаком. Он покачался на одной ноге, поискал подходящие камни и проскакал на полной скорости. Он сам не успел понять, как это произошло, а уже стоял на суше под ошарашенным взглядом Чада.

– Хорошо сработано, – признал тот.

Кори осторожно переправился через реку и, кажется, дышал тяжело, когда присоединился к остальным. Он тоже был не в восторге от этого испытания, понял Оуэн, и эта мысль его успокоила.

– Эта речка на самом деле называется Стикс? – спросил

он, оправляясь от испуга.

Коннор покачал головой.

– Нет, но настоящее название ей не так подходит.

Оуэн посмотрел на Коннора с некоторым восхищением. Он сначала принял его за тупоголового громилу, но, по-видимому, тот был достаточно культурным, чтобы знать о реках Аида из греческой мифологии. Оуэн понял, что не стоило судить по внешности.

Четверо подростков снова зашагали по лесу. Коннор вел их с целеустремленным видом. Здесь парк уже полностью сменил густой лес, и над тропинкой нависала крыша, сплетенная из веток, заставляя мальчиков то и дело наклоняться, чтобы пройти. Они пересекли еще одну заброшенную тропу, а метров через двести на очередной развилке Коннор без колебаний повернул.

– Ты часто тут бываешь? – удивился Чад.

– Не слишком, но раньше да, мне нравилось тут бывать.

– И ты никогда не терялся?

Коннор пожал плечами.

– Надо просто идти на юг и вниз по склону, если хочешь вернуться в город.

– Хотя, думаю, если вы выросли в Мэхинган Фолз, то наверняка часто тут играете.

– Нет, не особенно.

– А, да?

Около минуты они шли молча, потом Чад не удержался

и спросил:

– А почему не особенно? Кажется, тут можно круто веселиться?

– Ты знаешь Роско Клермон?

– Нет.

– Это был серийный убийца. Его называли «убийца со скал», потому что он избавлялся от трупов, выбрасывая их с длинной живописной тропы на обрыве, но вообще он находил своих жертв здесь.

– Здесь – в смысле в этом лесу?

– Именно. Прохожих, бегунов, а иногда даже детей. На самом деле... детей особенно.

– Да хватит, ты нас разыгрываешь! – засмеялся Чад.

– Если не веришь, погуagli вечером, сам увидишь.

Чад оглядел заросли вокруг со смесью болезненного любопытства и боязни. Его странно завораживала мысль о том, что людей убивали прямо здесь. Может быть, они шли по этой самой тропинке, истекая кровью... Он с трудом мог это себе представить.

– Это было давно, – уточнил Кори, – мы еще даже не родились.

– Ну и что! – возразил Коннор. – С тех пор никто особенно не заходит так высоко. Хотя тут короткий путь, можно срезать, если идешь в Грин Лейнсилли наверху Бикон Хилл. Правда, родители запрещают детям ходить тут. Совсем параноики. Ну, в последние годы было несколько инцидентов,

говорят, наркоманы ходят сюда колоться, считают, что тут круто.

На этот раз Чад вздрогнул.

– Так, а мы что тут делаем?

Коннор обернулся, чтобы вызывающе на него посмотреть.

– Здесь будет второе и последнее испытание. Скоро увидите.

Коннор взобрался на насыпь, покрытую особенно густыми зарослями, здесь тропа обрывалась, а вершина была увенчана горой камней, покрытых лишайником и мхом. Коннор указал на подножие кургана:

– Братишки, вам надо будет спуститься с той стороны и через джунгли дойти до ворот, а потом тащите свои задницы обратно.

– Мы не братья, – уточнил Оуэн.

– Да? А кто вы тогда друг другу?

Оуэн и Чад переглянулись, и тот махнул рукой.

– Сводные братья, – солгал он. – Это то же самое. Нам просто надо найти ворота, это все?

– Ага, и вернуться.

– А как вы узнаете, что мы там были, если не пойдете с нами? – спросил Оуэн.

– Мы с Кори вас спросим, что вы увидели. Там пока не дойдешь до конца, не знаешь.

– А в чем подвох? – настаивал Оуэн.

– Увидишь...

– Что-то стремное?

– Давайте – сейчас или никогда. Или вы хотите сдатьсья?

Оуэн заметил, что Чад молчал, очевидно, затея была ему не по душе, но стоило юному сироте открыть рот, как Чад схватил его за руку и потащил вниз по склону.

– Найти ворота звучит не так уж сложно...

Уже через несколько метров Чад понял, что ошибался. С вершины насыпи не были видны кусты ежевики, которыми заросла вся дорожка.

– В следующий раз возьмем у папы топор, – пошутил он, подбирая палку, чтобы прорубать ею слишком толстые ветки.

Оуэн шел за ним, уворачиваясь от колючек и пробираясь к прогалине, чтобы немного отдохнуть среди обожженных солнцем тростников.

– Зачем мы вообще это делаем? – спросил он.

– Потому что Коннор крутой.

– Если мне до начала учебного года придется выполнять идиотские испытания, я не горю желанием снова с ними видеться...

– Ну же, не включай зануду, тебе понравится, к тому же у нас наконец есть настоящие приключения! Нет, а как мы перешли эту бешеную реку, ты видел? Мне в один момент показалось, что ты сдашься, а потом раз – ты пролетел по камням, как настоящий эльф! Это было круто!

Чад говорил с таким энтузиазмом, что Оуэн, который в

момент переправы не чувствовал никакой гордости, начал теперь считать свой поступок заслуживающим восхищения, особенно учитывая, что сможет об этом рассказывать. Правда, у него не было друзей, перед которыми он мог похвастаться. Кроме Чада, у него никого не было. Сейчас Кори и Коннор были их единственной надеждой обзавестись приятелями до начала года. Так что он кивнул и последовал за Чадом, который прорубал дорогу через заросли.

Они наконец выбрались из ежевичных зарослей и пошли среди кривых стволов и папоротника по мягкой подушке мха. Никаких ворот не было видно, впрочем, они могли видеть не больше чем в радиусе нескольких метров.

Оуэну вдруг показалось, что за ними следят. Это чувство не покидало его больше пяти минут, наконец он решил поделиться с Чадом.

– У меня тоже такое ощущение, – ответил тот, понизив голос. – Думаю, ребята где-то недалеко. Наверно, тут есть еще одна тропинка, и они за нами шпионят. Ну так мы пойдем до конца, пусть увидят, что мы не струсим.

Они ускорили шаг, чтобы не казаться слабыми. Вдруг Чад поскользнулся в расщелине между двух валунов и едва не расшиб голову, но успел ухватиться за край пня.

– Уф, сейчас был бы минус один!

– Ох... Чад... посмотри...

Чад уловил страх в голосе брата и быстро поднял глаза. Он схватился вовсе не за пень. Цепляясь, чтобы удержаться,

он сорвал кусок лишайника, который висел теперь, как кусок содранной кожи, обнажив полированный камень с высеченными буквами и цифрами, почти совсем уже стертymi.

– Это могила! – выпалил Оуэн.

Чад инстинктивно отшатнулся и вытер руки о штанину.

Они огляделись по сторонам и поняли, что заросшие мхом камни вокруг них скрывали ту же мрачную тайну.

– Твою мать... – выругался Чад. – Они повсюду.

Он потянул Оуэна за рукав, чтобы он шел за ним, и они молча отправились дальше, медленно, стараясь как можно дальше обходить надгробные памятники. Ощущение, что за ними наблюдают, все больше усиливалось. Природа как будто затаила дыхание, животные затихли, и кто-то сверлил взглядом их затылки. Оуэну казалось отвратительным, что они идут по разлагающимся трупам. Потом он понял, что могилы были слишком древними и от покойников едва ли осталось хоть что-то, кроме голых костей. Впрочем, мысль о лежащих под ногами скелетах пугала его ничуть не меньше.

Вдруг, раздвинув заросли, они обнаружили старую полуразрушенную стену со стальными воротами, изъеденными ржавчиной. За стеной простирался целый город: старинные серые здания, истертые временем. Потрескавшиеся семейные склепы, покосившиеся часовни и мавзолеи с висящими на одной петле дверьми. Все постройки были затянуты сухими ветками плюща, корни которого когда-то питались кровью мертвецов. Истлевшая за многие десятилетия плоть уже

не могла удобрить почву, и плющ засыхал каждый год.

– Какого черта... – пробормотал Чад еле слышно.

Оуэн оставался в шаге позади и чувствовал себя как никогда неуютно. Он остро ощущал на себе взгляд, хотя рядом никого не было.

Резкий крик козодоя, сидевшего на одной из могил, нарушил тишину. Мальчики застыли с открытыми ртами. Они долго стояли, глядя на открывшийся им мрачный пейзаж, как загипнотизированные.

– Ладно, Чад, мы достаточно насмотрелись, идем обратно к ребятам.

– Они где-то здесь.

– Не уверен...

Хотя Оуэн и сам был готов дать руку на отсечение, что они были не одни. Но чем больше он смотрел в лес, тем больше ему казалось, что именно там кто-то скрывался, среди кустов и корней. Он ощущал присутствие чего-то недоброго.

– Нет, с чего бы...

– Что?

– Ничего. Давай, идем отсюда.

Они прервали свое мрачное созерцание, и их снова поглотила лесная чаща.

Когда они поднялись на вершину насыпи, Кори и Коннор сидели там и играли в карты.

– Эге! А вот и наши путешественники! Ну как? Не дошли до конца? Ну, ничего страшного...

– Кладбище, – заявил Чад, – вот что там за воротами.

Коннор встал и похлопал его по плечу.

– Ого, а вы не пальцем деланы! Куча народу на вашем месте повернули бы обратно еще возле первых могил на опушке.

– Что это за место? – спросил Оуэн.

– То, что вы видели за воротами, – кладбище Мэхинган Фолз. Восточная часть, как говорят старики, совсем разрушилась. А современное кладбище начинается немного дальше. Здесь никто не ухаживает за могилами, и все заросло лишайниками. Непонятно почему, в прошлом по какой-то идиотской религиозной причине решили, что эти покойники недостойны общества остальных, и огородили могилы стеной. Стремно, да?

Оуэн честно кивнул.

– Еще как.

Кори протянул ему руку.

– Без обид?

Оуэн пожал руку, а Коннор добавил:

– Теперь мы знаем, что вы нормальные ребята. Вам можно доверять. Добро пожаловать в банду.

Оуэн небрежно усмехнулся, не зная, нужно ли этому радоваться. Кажется, Коннор был крутым парнем. Но что на самом деле не давало ему покоя, так это мысль, что ребята, по-видимому и правда все это время не двигались с места.

Однако он был уверен, что несколько минут назад в лесу

За ними кто-то следил.

8

Запах пороха щекотал ноздри.

Итан Кобб снял наушники, защищавшие уши, и собрал рассыпанные в траве гильзы. Он был раздосадован. Ему не хватало концентрации, голова была забита столькими заботами, но это не могло служить оправданием. В день, когда ему придется использовать пистолет по назначению, дополнительных попыток может не быть, а потому необходимо тренироваться.

Было бы прекрасно, если бы мне никогда не пришлось использовать оружие, не правда ли? Я специально уехал из Филадельфии, чтобы больше не попадать в эти ситуации...

Его отъезд из Филадельфии никак не был связан с нежеланием прибегать к оружию, и он отлично это знал. Итан раздраженно помотал головой. Он должен быть наготове. Быть профессионалом – значит быть готовым, чтобы среагировать, если что-то вдруг случится...

Шум двигателя заставил его обернуться, и он заметил красный «Шевроле Малибу» сержанта Фостер, который припарковался, взметнув облако пыли. Итан жил в уединенном углу посреди леса по совету одного из коллег. Пока сержанта Фостер выходила из машины, он закончил убирать импровизированную мишень и поприветствовал Эшли. Она была в штатском: джинсы и ковбойская клетчатая рубашка. Ей

едва исполнилось тридцать, и она обладала энергией хорошей спортсменки и решительностью чемпионки, но, считал Итан, глаза ее смотрели слишком мягко, чтобы можно было до конца на нее положиться. Она была обходительной, эмпатичной – хороший коп для повседневной работы, но она слишком уж старалась выглядеть крутым полицейским и заставить себя уважать. Надо признать, впрочем, что при ее модельной внешности это было необходимо, иначе бы окружающие не воспринимали ее всерьез. Итану она нравилась.

– Лейтенант, – сказала она, подходя, – вы знаете, что в Салеме есть тир? У нас туда свободный доступ.

– Нет времени ехать в такую даль. Здесь тоже отлично.

– Нужно развеяться?

– Нужно тренироваться, – ответил он с вызывающей усмешкой.

– Седильо сказал, что вы хотели меня видеть... Я была недалеко, но сегодня утром я не работаю, сейчас Полсон – сержант при исполнении...

– Знаю, но Полсон мудака.

Эшли дернулась, как от пощечины.

– Я ему не доверяю, – уточнил Итан.

Он прочел во взгляде сержанта, что она собиралась ответить, но не решилась, чтобы не выходить из роли сурового копа. Итан потер подбородок, быстро соображая. Он не собирался сегодня это обсуждать, но сейчас было уж очень кстати.

– Фостер, – сказал он, – могу я быть с вами откровенным? Оставьте, пожалуйста, эту вашу позу крутого орешка. Вам ничего мне не надо доказывать. Если вам надо что-то мне сказать, не заставляйте меня вытягивать это клещами. Я бы-ваю упрямым ослом, у меня есть свои недостатки, но вы можете мне доверять.

Эшли удивленно вскинула брови. В ее больших карих глазах отражалось полуденное солнце, и Итан вдруг заметил, что она по-настоящему великолепна, с ее темными прядями, которые выбились из забранной в хвост гривы густых волос и легко развевались на ветру. Он тут же опомнился и отвернулся к лесу. С первой же встречи он поддался чарам этой женщины, как и большинство ее коллег, но тут же взял себя в руки. Семь лет совместной жизни с копом в Филадельфии отбили у него всякое желание ввязываться в такие отношения. Еще меньше он готов был на это в таком городишке, как Мэхинган Фолз, где они постоянно бы были рядом. Будто в ответ на мысли Итана блеснуло на солнце обручальное кольцо на пальце Эшли. *Коллега, и вдобавок замужня, вот гремучая смесь, я бы согласился скорей глотнуть нитроглицерина и всю ночь плясать на пороховой бочке...*

– Я... О'кей, лейтенант, – пробормотала она, несколько придя в себя, – ну да, Полсон придурок, не буду спорить. Он еще и пронира, докладывает шефу Уордену буквально обо всем, чтобы выслужиться, даже о том, что в наши обязанности не входит.

– Я так и подумал. Поэтому я и стараюсь, чтобы в мои смены со мной работали вы, а не он, вы не заметили?

Эшли смутилась и опустила глаза.

– Да...

– Сколько вы уже здесь работаете?

– С самого начала. Шесть лет службы.

– И всех здесь знаете, правда?

– Да, более или менее.

– А если бы мне было нужно осмотреть тело, не обращаясь к официальному коронеру Салема или Бостона, кто бы здесь мог это устроить?

– По регламенту необходимо обратиться к коронеру Бостона.

– А я вас спрашиваю, есть ли поблизости специалист, чтобы это не вышло за пределы округа?

– Нужно будет разрешение шефа Уордена.

Итан с досадой усмехнулся и уточнил:

– Именно этого я хотел бы избежать. Как его помощник я располагаю всеми полномочиями подписывать в его отсутствие разрешения, даже исключительные.

Эшли нервно кусала нижнюю губу. От нее так приятно пахло! Итан чувствовал лёгкий цитрусовый аромат. *Ты слишком близко. Сделай шаг назад, незаметно, чтобы её не обидеть.*

– Рон Мордекай мог бы это сделать.

– Парень из похоронного бюро? Нет, мне нужен профес-

сионал. – Итан нахмурился, сомневаясь, потом уточнил: – Я хотел бы провести вскрытие, не только общий осмотр.

– Мордекай по образованию медик, он был в молодости коронером в Индиане, и у него есть все необходимое для вскрытия, там, где у него хранятся тела. И...

Эшли не договорила.

– Что – и? – настаивал Итан.

– Он не слишком-то жалуется шефа Уордена. Старая семейная история.

Итан оценил это уточнение. Эшли все правильно поняла. Итан долго размышлял, прежде чем решить действовать в обход Уордена. Он достаточно успел узнать шефа и его бескомпромиссный характер; его военная власть не терпела никаких возражений и тем более неподчинения. Итан не спрашивал разрешения у Уордена, чтобы не получить отказ. Когда всё будет уже сделано, он прикинется дурачком, скажет, что он хотел как лучше. Это было рискованно, он мог сильно схлопотать и даже вылететь с работы.

– Спасибо, Фостер.

– А когда вы сюда прибыли?

– Уже четырнадцать месяцев как я здесь.

– А, так вы уже знаете шефа, думаю, вы понимаете, что злить его – очень плохая идея.

– Знаю, сержант.

– Могу я сказать честно?

– Я как раз об этом вас и просил.

– Надо либо быть самоубийцей, либо иметь очень веские причины, чтобы перечить Уордену.

Итан взглянул на стаю скворцов, с гвалтом пролетавшую над их головами.

– Я знаю, что на мой счёт ходят сплетни. Не слушайте.

– Меня это не касается, это ваша жизнь.

Итан сам не заметил, как дружеским жестом положил руку на руку Эшли.

– Как-нибудь, в баре, если мы выпьем достаточно, я все вам расскажу. Но могу сразу заверить: я не самоубийца и не безбашенный коп. При этом я готов идти до конца, если считаю это необходимым. Можете мне верить.

– Да, в Мэхинган Фолз приезжают и тем более возвращаются сюда, только имея вескую причину.

– Тогда и вы расскажите мне о своей!

– В этом нет никакой тайны, я здесь родилась. А что насчёт вскрытия? О ком идёт речь?

Итан помрачнел и пристально взглянул на нее.

– Речь о Рике Мерфи.

– Я слышала, что его буквально раздавило. На него упала бетонная плита, верно?

– По всей видимости, так.

– А зачем нужно вскрытие? Если есть какие-то сомнения, даже Уорден не будет против.

– Он погиб, потому что был раздавлен, здесь, я думаю, все согласятся.

– Что же тогда? Зачем зря увечить бедного Мерфи, если нет никаких сомнений? Достаточно взять кровь, волосы, и токсикологическая экспертиза поможет вам уточнить обстоятельства смерти.

– Вы стали рассуждать как Уорден.

Эшли это не очень понравилось. Итан нервно прикусил щеку, не зная, что сказать, чтобы не соврать.

– Вы верите в профессиональную интуицию? – спросил он наконец.

Эшли несколько секунд изучающе смотрела на него, прежде чем ответить:

– Тело Рика Мерфи находится как раз у Мордекая, только у него в городе есть холодильные камеры для покойников. Но прежде всего, если вы хотите избежать официальных процедур, вам надо поговорить с Николь, женой Мерфи. Она устроит скандал, если узнает. Лучше вам подстраховаться сразу.

Одно дело провернуть это тайком от шефа и совсем другое – настроить против себя весь город.

– Да, я уже стал понемногу разбираться, как тут всё устроено. Я виделся с ней утром, она согласна.

Эшли кивнула с едва заметной улыбкой.

– Мордекай слишком замкнутый, к нему надо уметь подступиться. Я поеду с вами.

Итан собирался возразить, но она уже направилась к машине, а он не нашёлся что сказать, поэтому только вздохнул.

Рон Мордекай напоминал персонажа кино. Типичный злой гений, с длинными серыми волосами, убранными в хвост, с очками на кончике носа, с морщинистым лицом. Он выглядел изможденным, и худоба усиливала это впечатление. Между тем ему не было равных в облагораживании трупов. Он не только придавал коже умершего естественный цвет, но сохранял черты человека. Сколько бальзамировщиков из лучших побуждений до неузнаваемости искажали черты покойника? Мордекай следовал линиям лица умерших, читал их, как книгу, ведомый своим талантом. Глядя на висящее на стене фото покойника, он возвращал «гостям», как он их называл, десять-пятнадцать процентов плотности, покинувшей тело вместе с душой. Его похоронное бюро находилось на Бикон Хилл, в старом неоготическом доме с осыпавшимся камнем, с отсутствующей тут и там плиткой, но с идеально ровным газоном и радующими глаз клумбами.

Он принял лейтенанта Кобба и сержанта Фостер в своем кабинете, пахнувшем воском и заставленном кожаной мебелью. Они прошли через зал, где были выставлены гробы. Мордекай выслушал их внимательно и особенно оживился, когда Эшли Фостер осторожно уточнила, что они были бы благодарны, если бы он не рассказывал о вскрытии никому, особенно шефу Уордену.

– Ага! – внезапно вскричал Мордекай. – Иначе говоря, вы просите меня подложить свинью этому чертову Уордену!

Опасаясь потерять контроль над ситуацией, Итан поспешил добавить:

– Это, конечно, будет законно, я подпишу все бумаги для разрешения на вскрытие и...

– А есть вероятность, что Уорден узнает?

Итан с досадой кивнул.

– Не стану вас обманывать, рано или поздно ему все станет известно.

– Тогда я в деле! Представляю его убитую рожу, когда он узнает, что я провел вскрытие за его спиной! Это будет мне лучшей наградой.

Эшли многозначительно посмотрела на Итана.

– Когда вы хотите приступить? – спросил Мордекай.

– Как можно скорее. Полагаю, на неделе вы заняты, но, возможно, на выходные...

– Сегодня вечером, что скажете?

* * *

Большой лифт связывал зал похоронного бюро с цокольным этажом, центральный коридор которого был отделан темно-багровыми, почти черными панелями. С потолка во всю длину коридора ровным рядом свисали лампы, отражаясь в потертом линолеуме, вероятно таком же старом, как

сам Рон Мордекай. Гул вентиляции и холодильных установок не смолкал ни на миг. Здесь в любое время года стоял мертвенный холод. Пройдя двойную дверь, они оказались в главном зале, прекрасно освещенном операционными светильниками, которые были закреплены над длинным столом из нержавеющей стали. Рядом стояла тележка с инструментами: скальпелями, щипцами, ножами.

Рон Мордекай протянул Итану пару толстых синих перчаток.

– Держите, будете мне ассистировать, – скомандовал он, указывая на белый мешок, в который было завернуто лежавшее на каталке тело.

Мордекай расстегнул молнию мешка и подал Итану знак взять тело за плечи, чтобы перенести его на металлический стол.

Под безжалостно ярким светом показался Рик Мерфи, все еще одетый в свой серый комбинезон. Мужчины, выдохнув, положили его на стол. Мертвое тело было едва ли не вдвое тяжелее живого, отметил Итан Кобб. Он уже не впервые замечал это.

Эшли Фостер в ужасе приоткрыла рот.

Она не могла даже сказать с уверенностью, что это был Рик Мерфи. Можно было лишь *догадываться* по одежде, стрижке, но что до остального...

Лицо было вмято в черепную коробку, образуя сплошную кашу из мяса, кожи и запекшейся крови. Нижняя челюсть

была вывихнута, обнажились блестящие зубы. Это было уже не человеческим телом, а жертвой какого-то чудовищного эксперимента. Таз был вывернут под неправдоподобным углом, позвоночник был переломан. Левая нога, гораздо длиннее правой, свисала со стола, ткань комбинезона была во многих местах разорвана, а на правой ноге недоставало ботинка, и ступня превратилась в кровавую культю.

Даже Рон Мордекай нахмурился. Он привык иметь дело с истерзанными трупами, с одинокими стариками, чьи полуразложившиеся тела, кишевшие личинками, находили через много дней после смерти, с обманутыми мужьями, которые разворотили себе лицо выстрелом из дробовика, с распухшими телами утопленников, наполовину съеденными крабами. Но все эти смерти были по-своему логичны, легко было установить их причину. В случае Рика Мерфи все обстояло иначе.

От трупа исходил металлический запах, смешанный с резким и кислым запахом разложения.

Итан указал на тазобедренный сустав, вывернутый на девяносто градусов.

– Такое возможно из-за падения плиты?

Мордекай наклонился, чтобы рассмотреть бедра, и пожал плечами.

– Да, вероятно.

Он взял с тележки металлические щипцы и осторожно убрал кусочки комбинезона на левой ноге.

– Вы не думали забрать ногу? – спросил он.

– Мы ее не нашли.

Светлые глаза пристально посмотрели на Итана Кобба поверх очков.

– Что значит «не нашли»?

– Там завалы щебня, и проход слишком узкий. Нам не удалось очистить проход, чтобы все забрать.

– Вы же понимаете, лейтенант, что вы не можете просто оставить там кусок тела?

– Мы провели там больше шести часов, – постарался оправдаться Итан, – но я прослежу лично, чтобы семье отдали все тело целиком.

– На такой жаре вашим людям надо будет просто идти на запах, – заметил Мордекай, возвращаясь к осмотру.

Итан подошел ближе и тоже наклонился над трупом. Патологоанатом заинтересовался рубцами, которые покрывали всю голень до самого колена.

– А вот это, – заметил Мордекай, – уже явно не из-за бетона. Порезы. Причем глубокие.

– Крысы? – предположила Эшли.

– Только если это крысы-мутанты, которые десяток лет жрали гормоны роста... Нет, раны слишком глубокие и длинные. Даже у кошек недостаточно крупные когти, чтобы сотворить такое.

– Тогда что это? – настаивал сержант.

Мордекай сердито посмотрел на него.

– Понятия не имею, у меня диплом медика, а не зоолога.

Гигантский енот? Большая лиса? Откуда я знаю?

Итан указал на шею покойника.

– Когда мы его вытаскивали, я заметил похожие царапины в области горла.

Мордекай осмотрел эти раны, кивнул и указал на порванную нижнюю губу, у которой недоставало куска:

– Да, его как будто погрызли...

– Местные дикие звери не едят людей, – удивилась Эшли, – разве только мертвечину. Но тело бедного Мерфи не успело сгнить...

Мордекай отрицательно покачал головой.

– Посмотрите на рану, она сильно кровоточила, это значит, что он еще был жив, когда это произошло. Сердце еще качало кровь, и крови было куда больше, чем если бы это была посмертная царапина.

– Жив? – повторила Эшли в смятении.

– Отметины на левой ноге такие же. Уж не знаю, на что он там наткнулся, но этой твари явно не понравилось, что ее побеспокоили.

Эшли повернулась к Итану.

– Вы видели там гнезда?

– Там была пара скелетов животных, главным образом грызунов. Не представляю, чтобы енот был на это способен.

– Ничего личного, лейтенант, но вы городской человек. Я здесь выросла и видела, как еноты утаскивали живых кур.

Но напасть на человека – никогда. Разъяренный койот, защищающий детей, мог бы оставить эти отметины. Это плохая новость, в таком случае надо предупредить наших медиков. Эпидемия бешенства может иметь катастрофические последствия, если мы вовремя ее не предотвратим.

Итан был, кажется, не согласен, но промолчал. Он показал на руки Рика Мерфи:

– Я заметил, что у него еще раны на пальцах.

Мордекай приподнял щипцами указательный палец Мерфи, чтобы оценить состояние ладоней. Обе руки были покрыты засохшей кровью и изборозжены царапинами, двух фаланг не хватало, так что была видна кость.

– Здесь и тут большая часть съедена. Не видно, чтобы эти части были раздавлены, думаю, все довольно очевидно.

Ногти были сломаны, на двух пальцах их и вовсе не было. Мордекай ухватил щипцами ноготь, который был вырван и легко поднимался, как капот машины.

– Должен вас огорчить, но, по-видимому, он не умер сразу после падения плиты. Он пытался выбраться оттуда. Да так, что сам себе вырывал ногти.

Итан не ответил. Он отступил от стола и с задумчивым видом скрестил на груди руки.

Мордекай положил щипцы, они тихонько звякнули на металлической тележке. Затем Рон взял скальпель, блеснувший в свете ламп.

– Лейтенант, помогите мне его раздеть, и мы приступим

к вскрытию.

* * *

Эшли вдыхала свежий воздух полной грудью, когда они вышли из похоронного бюро под свет старинных фонарей и луны над Мэхинган Хэд.

– Вы сказали мне быть с вами честной, лейтенант, – начала она, – и я, если позволите, скажу: думаю, незачем было подвергать этому бедного Рика Мерфи, а заодно и нас. Общий внешний осмотр дал бы вам ничуть не меньше. Вам стоит продумать свою позицию защиты. Думаю, когда шеф об этом узнает, вам придется пережить не лучшие минуты в вашей жизни.

Итан шел к машине, не сбавляя шага. Он был полностью погружен в свои мысли. Эшли прибавила:

– Я вас поддержу, если вы скажете, чем я могу быть полезной.

Итан остановился посреди улицы и повернулся к ней.

– Кое-что здесь не вяжется, – объяснил он. – На Мерфи в подвале напало разъяренное животное, так? Он сопротивлялся, и это вызвало обрушение бетонной стены, так?

– Вы сами это сказали, плита вся потрескалась.

– Дело не в этом. Мерфи вовсе не пытался выбраться из-под завалов, выдирая себе ногти. Он погиб в одночасье.

– Но, кажется, это не то, что сказал Морде...

– Боб Макфарлейн сказал однозначно: он слышал «бум» – плита упала разом. Вы видели лицо и таз Мерфи. Он не пережил этого обрушения.

Эшли Фостер догадалась, что Кобб чего-то не договаривает. Не глядя на него, она ждала, когда он продолжит.

– Зачем вы настояли на вскрытии? – наконец спросила она. – Что вы увидели?

Итан встретился с ней взглядом.

– Общее впечатление, – сказал он. – Состояние тела и... На стене были следы, длиннее пятидесяти метров, тонкие и параллельные. Я нашел там один из ногтей Мерфи. Его тащили по подвалу, он сопротивлялся, вырывая ногти. Вы действительно думаете, что койот на такое способен?

Он сам, очевидно, так не думал. Тогда Эшли спросила:

– Но вы же не думаете, что он был в подполе не один? Я имею в виду, что там был еще человек?

Итан, повернувшись, посмотрел на нее.

– Что-то страшное случилось в этой дыре.

– Да, но как узнать точно?

Итан дернул головой в знак того, что это очевидно:

– Надо туда вернуться.

На стенах были развешаны семейные фотографии в рамках и картины, лампы были покрыты абажурами, посуду расставили в буфетах, и ни одной коробки больше не валялось на полу, даже за дверью туалета. Исключение составляли вещи Оуэна и его погибших родителей, сложенные в кладовой наверху. Оливия постаралась как можно скорее покончить с переездом, чтобы они быстро устроились и могли провести лето на новом месте, осваиваясь с новой жизнью, а не погружившись в бытовые хлопоты. По всей видимости, Оливии это удалось. Том уже завел ежедневные ритуалы: по утрам он отправлялся за газетой, которую затем читал, сидя в кафе «У Берти» с видом на океан, попивая одну за другой две-три чашки макиато. Мальчики, судя по всему, благодаря Джеме успели обзавестись друзьями, и даже Оливия начала ощущать, что находит свой собственный ритм. Ей нравились маленькие повседневные ритуалы, дававшие чувство уверенности: знать, что в таком-то магазине она сможет купить необходимое, что на Мэйн-стрит она приобретет кофе, что в часы, когда улица переполнена, можно припарковаться за аптекой, что в магазине эко-товаров в Олдчестере есть именно те фирмы, которые ей нравятся... Список этих небольших привычных вещей был длинным – ровно таким, чтобы Оливия почувствовала себя комфортно, чтобы начал выстраиваться

ежедневный распорядок. Оливия ненавидела однообразие и вместе с тем отдыхала душой, обзаведясь рядом этих почти бесполезных привычек. Она могла теперь отправляться на поиски новых встреч, новых занятий, поскольку чувствовала под ногами твердую почву размеренной повседневности.

Они не прожили на Ферме и двух недель, а она уже поняла, что освобождается от напряжения нью-йоркской жизни. Она совсем не скучала по ритму большого города, поглощавшему ее целиком. А ведь этого она опасалась больше всего. После двадцати с лишним лет жизни она питалась энергией мегаполиса, которая одновременно подстегивала и опустошала ее день изо дня, и ее пугала мысль остаться без этого привычного двигателя. Жизнь за городом означала встречу с собой. Здесь ее внутренний ритм не растворялся в непрерывных потоках улицы, соблазнов, не следовал зову непрерывной суеты. Здесь необходимо было создавать собственный ритм. Обретать его. Она жила так в детстве, в полях Пенсильвании, недалеко от поселения мормонов с их поразительной простотой, но сейчас все было иначе – все изменилось не только для нее, но для всей семьи. Ее очень радовало и успокаивало, что каждый нашел здесь свое место. Оливия была счастлива.

Сидя на ступеньках деревянной террасы за домом с чашкой горячего чая, она смотрела на цветущий сад и счастливо улыбалась, слушая пение птиц.

Подожди еще до первой зимы, а потом уже празднуй по-

беду. Когда днем серо, давит постоянный холод, солнца с каждым утром все меньше, из окна унылый вид и кажется, что стоит нескончаемая ночь, и нет даже иллюзии непрерывного движения, как в большом городе, – вот тогда ты поймешь, действительно ли сможешь быть здесь счастлива!

Первая зима должна была обнаружить истину.

А еще это кошмарное происшествие со старушкой, которая покончила с собой практически у них на глазах. Том видел все от начала до конца. Слава богу, дети и она сама узнали, что произошло, только когда на улице раздались крики. Том пошел помочь, он даже говорил с полицейским сразу после несчастного случая, а она поспешила увести детей, чтобы никто не смотрел на тело. Это было ужасно. Тем вечером они долго говорили о происшествии, чтобы избавиться от неприятного впечатления и чтобы оно не нанесло травму мальчикам. Оливия особенно переживала за Оуэна, учитывая, через что ему пришлось пройти. Между тем, к ее удивлению, мальчики не проявляли никаких признаков потрясения.

Смауг пришел и улегся под боком, навалившись на нее почти всем весом.

– Смауг! Ну серьезно? Здесь столько гектаров, всё твоё, а ты приходишь улечься на меня?

Оливия все же ласково потрепала Смауга. Она думала о том, как построить день. Даже если малышка Зоуи будет (наконец!) спать, а мальчики еще не выйдут из комнат, Джемма

приедет, как всегда, рано, чтобы взять на себя детей. Оливия чувствовала себя усталой, на нее начинала наваливаться тяжесть бессонных ночей. Зоуи, спавшей всегда без задних ног, после их переезда почти каждую ночь снились кошмары, так что она в ужасе кричала, поднимая на ноги всю семью. Оливия и Том по очереди успокаивали малышку, и проходило иногда больше часа, прежде чем та засыпала. Они относили все на счет новой обстановки: здесь были стены, которых она не знала, и даже здешние шумы совсем не походили на привычный гул, который больше двух лет баюкал ее в Нью-Йорке. Привыкание, однако, затягивалось, и Оливия подумывала о том, чтобы показать Зоуи педиатру, но Том считал это пустой тратой времени и денег. Зоуи была просто маленькой девочкой, сбитой с толку переездом, и вдобавок того возраста, на который приходится пик ночных кошмаров. Им надо было просто потерпеть, чтобы она наконец почувствовала себя здесь дома, чтобы «рев моторов и гудки машин заменились на уханье сов и гудение ветра в ветвях», как заявлял Том, «в общем, чтобы она сбросила панцирь, наросший под воздействием губительной цивилизации!» Ох уж этот сочинитель Том с его извечными пышными тирадами! Но она любила его и за это.

Смауг положил морду на ее колени.

– Ну что, здоровяк, ты тоже наконец привыкаешь к дикой жизни вдали от твоих тротуаров и выхлопных газов, которые забивают тебе нос?

Она снова вспомнила первые дни, когда собака, по всей видимости, нос к носу столкнулась с каким-то диким животным. Как ни подбодряли его все члены семьи, Смауг решил снова выйти из дома только спустя время. И даже теперь он не желал далеко отходить от прямоугольника подстриженной травы. Этот дурачок не удосуживался даже бегать в ближайший лес, чтобы справить нужду, и оставлял свои гадкие сувениры прямо в саду.

– Да, ты не самый умный малый... Но ты милый.

До слуха Оливии донесся шум машины Джеммы, которая подъезжала к тупику, и она встала. Пора было собираться. С тех пор как она положила на стол начальника свое заявление об уходе, ее больше всего тревожила вовсе не перспектива лишиться столь хорошо оплачиваемой работы или остаться без всеобщего внимания – вовсе нет. Она боялась, что ей будет нечем заполнить свои дни. Оливия была энергичной женщиной, для которой достижение больших и маленьких целей было насущным хлебом, это подстегивало ее и помогало двигаться вперед. Переехав в Мэхинган Фолз, она боялась, что ей нечего будет вписать в список дел, и ей пришлось быстро искать себе новые интересы. Прежде всего следовало обзавестись знакомствами. Она чувствовала, что хочет вернуться к увлечениям своей юности, когда она была еще молоденькой журналисткой на крошечной радиостанции. Она скучала по журналистике. Конечно, здесь ей не придется разъезжать с утра до ночи, готовя репортажи,

но она к этому больше и не стремилась. К тому же от нее, не местной, этого и не ждали, пусть она и могла бы, будучи знаменитостью, иметь преимущества. Нет, она скорее думала о том, чтобы для начала предложить какой-нибудь местной газете вести небольшую колонку.

Она посмотрела над вершинами деревьев в глубину сада и увидела скалистую громаду горы Венди, возвышавшуюся над округой. Металлическая антенна на ее вершине, увешанная тарелками, сверкая, властно высилась над городом, подобно современному распятию.

Оливия покачала головой. Если подумать, была своя ирония в том, что они купили дом прямо напротив.

* * *

В третий раз с начала ужина Чад стукнулся головой о лампу, которая чересчур низко свешивалась над кухонным столом, установленная в нише на террасе, и лампа раскачивалась над тарелками и блюдами.

– Чад, пожалуйста, – сказала Оливия, – перестань подскакивать как бешеный. Если ты что-то хочешь, можно просто попросить.

– Прости, мам. Но вообще-то сейчас светло, мы могли бы просто выключить эту...

Том поднял руку повелительным жестом.

– Не пререкайся, если твоя мать тебе что-то говорит, слу-

шайся.

– А если она мне скажет пойти торговать в школе наркотой? – пробубнил он себе под нос, не сумев промолчать.

Оливия, зная, что к воспитанию Том относится строго, поспешила разрядить накалявшуюся обстановку. Она провела замечательный день и не собиралась позволить его испортить, при том что малышка Зоуи наконец уснула.

– Ну как, мальчики, чем вы сегодня занимались? Эта Джемма все такая же милая?

– А мы можем пригласить ее поужинать с нами? – предложил Чад.

– Тебе недостаточно, что вы видитесь шесть или семь часов в день?

Оуэн пожал плечами.

– Она клевая, – сказал он.

– Клевая? – подхватил Том, который, к огромной радости жены, не собирался возвращаться к щекотливой теме. – Клевая в каком смысле? Ну-ка, ребят, вы же не собираетесь втрескаться в вашу няню?

– Она нам не няня! – возмутился Чад. – Она наш проводник в Мэхинган Фолз. И наш ангел-хранитель.

– Пока она водит медленно и не таскает вас в сомнительные места, – заявила Оливия, – пусть она будет кем угодно. Я предложу ей как-нибудь остаться у нас на вечер.

– Она и так работает много часов, – заметил Том.

– Я сегодня столкнулась в городе с Мартой Фельдман, доч-

кой мэра. Джемма ее хорошая знакомая, и она говорит, что Джемме нужны деньги, чтобы заплатить за ее будущую учебу в университете. Она будет не против взять столько часов, сколько мы предложим, и я прослежу, чтобы она ничего не делала во время ужина. Это будет... ну, скажем, скрытое спонсорство.

– А что такое скрытое спонсорство? – спросил Чад.

Том закатил глаза.

– Очередное странное выражение твоей матери, чтобы не говорить прямо. Скажи, Оуэн, а ты уже обжился в комнате?

Оуэн медленно привыкал к приемной семье. Не слишком разговорчивый, сначала он оставался в кругу неугомонных Спенсеров задумчивым и отстраненным. Но с течением месяцев он все больше перенимал их привычки. За столом он всегда говорил мало, но слушал, смеялся, иногда даже раздражался, что Том считал хорошим знаком, доказательством того, что мальчик осваивается.

– Да, она очень крутая.

– Если ты хочешь, чтобы мы что-нибудь поменяли, купили другую мебель, покрасили стены или еще что-нибудь обустроили, ты говори, ладно?

– Да... А можно коробки наверху пока поостоят закрытыми?

Том поджал губы и взглянул на жену. Когда мальчик оказался у них, они договорились, что он сам разберет вещи, привезенные из его дома. Они были для него дороги. Каж-

дый предмет имел свой смысл, оживлял воспоминания, и он хотел разобрать их самостоятельно, когда будет готов. Оливия согласилась, при условии что она переберет их после него, чтобы вспомнить свою нежно любимую сестру, безвременно погибшую в этом идиотском ДТП. И полтора года Оливия ждала, когда Оуэн наконец захочет это сделать, но не давила на него, чтобы он сам понял, когда придет время.

– Конечно, – разрешила Оливия.

Том прижал Оуэна к себе, выражая любовь, – желание приласкать мальчика нашло на него, и он не мог удержаться.

– Ну пап! – возмутился Чад. – Оуэн ведь не ребенок! Ему не нужны эти нежности!

– Прости, – сказал Том. – Когда на меня находит, надо это как-то выплеснуть...

Немного смущенный, Оуэн пожал плечами и слегка улыбнулся.

– Ничего страшного, – отозвался он.

Все негромко рассмеялись. Когда они уже заканчивали ужин, Том обратился к супруге:

– Ты говорила, что у тебя есть хорошая новость. Ты наконец положишь конец этому невыносимому ожиданию?

– Я ждала подходящего момента, чтобы все внимательно слушали. Сегодня я встретила некоего Пэта Деммеля. Она главный редактор местной радиостанции.

– Я и не знал, что в Мэхинган Фолз есть радио.

– Это совсем маленькая станция, но студия хорошая, все

отремонтировано.

– Ты туда ходила? – воскликнул Том притворно подозрительным тоном. – Первый встречный помахал микрофоном и ты уже идешь за ним?

Оливия сдержала улыбку. Ей нравилось, когда Том вел себя как ее защитник и немного ревновал, даже когда это было в шутку.

– Ничего еще не решено, но когда я говорила с ним о моем дебюте на радио, он сказал, что мне было бы здорово вернуться к этой работе и я могу воспользоваться свободным временем, чтобы предложить им какую-нибудь программу. Он мне доверительно сообщил, что у них не хватает идей и компетентных людей.

Том, пораженный, развел руками:

– Дети, когда мы сюда приехали? Всего две недели назад, не так ли? А ты, дорогая, уже знакома с половиной города и тебе уже предложили работу?

– С таким неотесанным чурбаном-мужем надо, чтобы кто-то спасал честь семьи! – усмехнулась Оливия. – Я пока ничего не ответила, и я хотела сначала поговорить об этом с вами. Я не для того уходила с телевидения, чтобы снова здесь засветиться. Не хочу ничего вам навязывать.

– Ты же сама сказала, это совсем маленькая станция, так что не знаю, в чем проблема – радио или нет, никакой разницы. С твоей карьерой на телевидении люди на улице и так оборачиваются тебе вслед!

– Да, я тоже так думаю, но пусть это будет семейным решением. Если я соглашусь, надо будет регулярно уделять работе немного времени. Мальчики, а что вы об этом думаете?

– Без проблем, – безразлично бросил Чад.

Оуэн махнул рукой, давая понять, что не знает, что ответить, и, на его взгляд, здесь нечего было обсуждать.

Том положил руку на руку жены.

– Ты же часто говорила, – сказал он, – что скучаешь по радио, вот случай развлечься без всякого давления.

Оуэн наклонился к столу.

– А у малышки Зоуи вы тоже спросите, что она думает? – насмешливо спросил он.

– Нет, – ответил Том, – но я предложу Джемме поставить кровать рядом, чтобы смотреть за малышкой, ведь мать семейства собирается нас бросить!

– Томас Спенсер! – рявкнула Оливия.

Они от души посмеялись и, немного посидев в гостиной у телевизора, поднялись, чтобы лечь спать. После свежего воздуха все были уставшими. Оливия смыла макияж – она не выходила из дома без легкой косметики. «Девушка с экрана» не могла позволить себе показаться на людях растрепанной, и поскольку ее узнавали на улице – по несколько раз в день, – она должна была выглядеть улыбочивой и почти такой же красивой, как на экране, пусть и не при полном параде. Иначе люди стали бы сплетничать и даже, возможно, грубить. Она прежде всего выполняет роль красивой картинки. *Выполня-*

ла. С этим покончено. Теперь я мало-помалу буду вливаться в течение обычной жизни. На этой уйдет время, я примелькаюсь и стану знакомым лицом, и только самые проныщательные будут изредка меня узнавать и спрашивать, почему я осталась здесь, подразумевая, что меня уволили, а потом я состарюсь, меня забудут, и жизнь станет совсем похожа на самую обычную.

Оливия посмотрела на себя в зеркало. Пара морщинок, кожа не так эластична, как раньше, брови не так выразительны, но *взгляд все такой же живой*. Кроме того, ее гордостью были волосы. Она всегда помнила слова матери: «Женщина с красивыми и ухоженными волосами всегда будет казаться моложе! Особенно со спины...» На заботу о волосах Оливия не щадила сил. Она взяла баночку ночного крема и растерла его по лицу, словно стирая одолевавшие ее сомнения.

Покончив с процедурами, она нашла в постели Тома, уткнувшегося носом в роман, который он пытался читать вот уже неделю. Оливия потянула у него из рук книгу, пока он ее не выронил, и потушила ночник. Определенно, даже без детей в этой семье всегда оставалось кого опекать...

Взволнованная историей с радио, она непривычно долго не могла заснуть. Предложение работы ее очень взбудоражило, и в ней трепетали чувства, которые она испытывала пятнадцать лет назад, оказавшись перед микрофоном, – но разве она не бросила все, чтобы начать жизнь, наполненную другими вещами? Не было ли это доказательством того, что

она жалеет о своем выборе? *Нет, конечно нет. И именно поэтому меня так привлекает работа на маленькой станции. Ничего профессионального, только для удовольствия. Я получу все то, что мне нравится в этой работе, и никакого принуждения.*

Оливия сердилась на саму себя, на свою неспособность расслабиться. Ей постоянно нужно было изобретать новые поводы быть начеку. Она мечтала о полном бездействии выходного дня, но помимо воли строила сотни планов.

В двенадцатом часу она стала наконец засыпать. Вероятно, ей приснился кошмар, потому что она проснулась, охваченная сильной тревогой. Ей было трудно дышать, и она почти испытала облегчение, открыв глаза. Оказалось, что на часах только час ночи. Она собиралась было накрыться одеялом с головой и снова погрузиться в сон, когда ей послышался отдаленный плач.

Она села в кровати. Том негромко похрапывал рядом.

Действительно ли она что-то слышала? Все, казалось, было спокойно: тихая комната, полная протянувшихся теней. Экран будильник едва светился, позволяя различить в темноте мягкий ковер, а дальше – кресло, куда Том сложил одежду. И больше ничего и никого. Никаких детей, который могли плакать...

В коридоре раздался приглушенный стон.

Зоуи! Ей снова снятся кошмары.

Оливия отметила, что Том ничего не слышал – было ли

это из мужского безразличия или он действительно начисто лишен отцовского инстинкта? Он почти никогда ничего не слышал! Она откинула одеяло и, не задерживаясь, чтобы найти тапочки, направилась через приоткрытую дверь в коридор. Зоуи не плакала, а в присутствии матери она совсем успокоится и, если повезет, проспит до утра.

Оливия не решилась включить свет, чтобы не будить Тома или мальчиков: она заметила, что Оуэн оставляет свою дверь на ночь открытой, – и пошла вдоль стены, ориентируясь на ощупь. Дом поскрипывал, и наверху на чердаке потрескивало дерево, как будто дом потягивался. *Тебе тоже не спится? Ложись скорее обратно и приглядывай за нами, и пусть у Зоуи прекратятся эти бесконечные кошмары...*

Оливия дошла до поворота крыла, где находились комнаты детей. Впереди сквозь круглое окошко проникал свет луны, угрожающе выглядывавшей из-за облаков. Оливия повесила там плотные портьеры, единственным назначением которых было сделать обстановку немного уютнее. Вдруг ей показалось, что левая штора шевельнулась.

Оливия моргнула, стараясь взглянуть в полумрак. Все было неподвижно.

Однако она вдруг почувствовала, что за ней наблюдают. Что она здесь не одна.

Оливия сглотнула и сделала глубокий вдох, стараясь вернуть себе самообладание. Что на нее нашло, что она посреди ночи воображает всю эту чушь? *В коридоре никого, кроме*

тебя, нет, поэтому сейчас же перестань дуришь!

Это было сильнее её. А если она сейчас обернется? Столкнется ли она с незнакомцем, который ее преследовал? *Ну вот совсем крыша поехала.* С чего ей представлять все эти ужасы? Все из-за идиотского фильма, который она по милости Тома смотрела два дня назад, про извращенцев, которые вламывались в дом. На кой ляд было смотреть эту лажу по телеку?

Она закрыла глаза, чтобы сосредоточиться и избавиться от навязчивых мыслей. Паркет под ногами был холодным, и по ее коже пробежала дрожь. Это же идиотизм! Она стояла посреди ночи в коридоре и выдумывала разные кошмары, вместо того чтобы спокойно спать...

Оливия отчетливо это услышала.

Дыхание. Совсем рядом.

Она открыла глаза и вгляделась в окружающую темноту. Может, это Том забеспокоился из-за отсутствия жены в постели или проснулся кто-то из мальчиков?

Невозможно, я же прошла совершенно бесшумно.

Но она никого не увидела, а когда прислушалась, то дыхания больше не было.

Она посмотрела на круглое окошко в конце коридора, прямо перед собой. Шторы *дрожали* с обеих сторон. Они попеременно подрагивали, похожие на кожу, по которой от страха бегут мурашки.

Это было уже чересчур, Оливия приблизилась к окну,

пройдя через густую тьму, мимо комнаты Чада, кладовки, комнаты Оуэна, и подняла руку, чтобы резким движением отодвинуть левую штору.

Бумажные обои в бело-рыжую полоску, почти новые, со времен ремонта Билла Тэнингема. Никого не было. Только легкий ветерок дул сквозь приоткрытое окошко.

Не знаю, кто мог его открыть. Вот видишь, нечего было придумывать всякую ерунду... Наверно, кто-то из мальчиков играл и распахнул створку. Оливия закрыла ее и повернулась, чтобы пойти к Зоуи, когда струйка ледяного воздуха коснулась ее затылка.

Она застыла на месте. Это уже не мог быть ветер, и ей точно не показалось. Это было чье-то ледяное дыхание. Оливия сглотнула. Она вдруг тяжело задышала. И стала поворачивать голову. Медленно. Очень медленно. Ее ужасала мысль о том, что она увидит у себя за спиной.

Кто мог к ним пробраться? Психопат, притаившийся у стены с дьявольской усмешкой и похотливым взглядом, который набросится на нее, чтобы заткнуть рот, а потом...

То, что она увидела, было в некотором смысле даже хуже...

Никого.

Пустой паркет, и ни следа чьего-либо присутствия. Похоже, Оливия сходила с ума.

Но в эту минуту Зоуи закричала словно от боли, и мать пришла в себя и бросилась к малышке, как львица, готовая

защищать своего детеныша.

Малышка Зоуи стояла в кроватке и кричала.

Она указывала пальцем в угол за дверь, и Оливия поспешила ее закрыть, но не нашла там ничего, кроме пластиковой куклы с растрепанными волосами – одной из бесчисленных игрушек Зоуи.

Оливия взяла девочку на руки и сжала в объятиях.

– Глызет! Глызет! – повторяла Зоуи.

Оливия оглядела комнату, но не заметила ничего необычного.

Ее сердце бешено заколотилось. Ее тоже охватил страх. Необъяснимый страх.

Мясо потрескивало, и кровь стала выступать на поверхность, смешиваясь с шипевшим на огне жиром.

– Еще раз перевернуть, и будет готово! – объявил Рой Макдэрмотт, орудуя длинной вилкой из нержавеющей стали. Секрет приготовления хорошего говяжьего стейка в том, чтобы перевернуть его правильное количество раз и верно рассчитать время в промежутках. И еще хороший домашний соус!

– Том бы назвал это святотатством, – заметила Оливия. – Он ест стейк только с щепоткой крупной соли.

Ее муж энергично закивал головой, а затем взглянул на Чада и Оуэна, игравших в американский футбол на газоне старика. Малышка Зоуи, сидя на покрывале возле деревянного стола, пыталась запихнуть синий квадрат в круглое отверстие и сердилась, что это никак ей не удавалось. Приглашение к соседу на обед пришлось очень кстати, подумал Том. После прошлой ночи им необходимо было развеяться. Зоуи никак не хотела засыпать, пока ее не положили на родительскую кровать между мамой и папой, к тому же Оливия была сама не своя. Тому пришлось шепотом уговаривать Оливию, чтобы она наконец рассказала ему о своем «бэд-

трипе»³. Чье-то присутствие, холод – они испытывали почти осязаемый ужас и никак не могли от него избавиться, пока не заснули, пошатываясь от усталости. Наутро Оливия уже отмахнулась от ночных кошмаров и была в полном порядке. Она была исключительно прагматичной и твердо стояла на земле, а при свете солнца все казалось спокойным, и она решила, что ей померещилось из-за усталости и криков Зоуи. Эпизод был исчерпан, когда Том пообещал, что больше не будет брать напрокат фильмы ужасов или, по крайней мере, будет смотреть их один.

Оливия указала на большой старинный дом Макдэрмотта.

– Вы живете один, Рой?

– Нет-нет, я при случае представлю вам Марджери. Она не выходит из дома, это слишком тяжело для ее хрупких костей.

– Она там? Внутри? Но мы не можем обедать в вашем саду и даже не представиться! – возмутилась Оливия.

– Не беспокойтесь, она спит. Мы пойдем поздороваться во время десерта. Я приготовлю Марджери тарелочку. Она обожает мясо! Хоть его и трудно жевать. Когда стареешь, приходится постепенно отказываться от всех радостей жизни. Поэтому я стараюсь держаться изо всех сил. Вы слышали об этом законопроекте, который хотят у нас ввести? После определенного возраста запретить водить машину!

– Ничего этого не будет, – возразил Том, – пустая болтов-

³ Бед-трип – сленговое выражение, описывающее негативные, потенциально опасные для психики переживания.

ня политика, который хочет, чтобы его заметили.

– А я вам скажу: никто не запретит мне садиться за руль! Нет уж, дудки! Медосмотр для получения прав – это пожалуйста, но идиотский запрет на вождение по возрасту – ну уж нет. А потом что? Нам всем назначат срок годности? «Знаете, уважаемый, вам пора и честь знать, надо уступить место молодым, вы свое пожили, воздуха и еды на всех не хватит, умирайте уже, будьте так любезны!»

Рой Макдэрмотт понял, что его занесло, и замолчал, покачав головой. Он проткнул мясо двумя зубцами вилки, положил его на разделочную доску и принялся нарезать на тонкие ломтики, в то время как Чад и Оуэн усаживались за стол. Макдэрмотт закончил нарезать мясо и постучал пальцем по кости:

– Отнесите своей собаке, пусть и у нее будет воскресная пирушка.

Седовласый великан уселся с гостями за стол под тенью величественного дуба, и они стали обедать. Макдэрмотт совершенно не разбирался ни в радио, ни в телевидении, но ему было бесконечно интересно слушать про эти столь от него далекие сферы. Оливия развлекалась, рисуя мир телевидения безжалостными штрихами, и делилась обедом с Зоуи, сидевшей на своем одеяльце. Бывшая звезда экрана, любящая мать, ослепительная женщина и обходительная соседка – Том восхищался легкостью и изяществом, с которыми его супруга чередовала роли. Затем она попросила Макдэр-

моща рассказать о себе. Почти полвека он держал в городе скобяную лавку: начав в четырнадцать лет обычным грузчиком, он постепенно выкупил ее, отремонтировал и наконец продал незадолго до своего семидесятилетнего юбилея. Целая жизнь среди полок, пропахших клеем, пластиком и свежеспиленным деревом.

– Значит, вы и правда старый, – вслух сказал Чад.

– Чадвик! – негодуяще воскликнула мать.

– Йу-у-у! – смеясь, взвизгнула Зоуи.

– Нет, ничего, я уже в Мэхинган Фолз, считайте, местный памятник. Мальчики, если вам как-нибудь зададут в школе сочинение об истории наших замечательных мест, приходите, у меня найдется для вас парочка занятных рассказов.

– Вы, наверно, знали Билла Тэнингема? – спросил Том.

– Бывшего владельца дома? Конечно, да. Довольно замкнутый тип из Нью-Йорка. Приезжал только на каникулы и длинные выходные. Не представляю, как ему удалось провернуть столько работы, полностью все обновить, ведь он тут практически не бывал. Вот же некоторые не знают, куда деньги девать. Вы не подумайте, я не про вас говорю! Вы – это другое дело, вы здесь теперь живете. Ну а теперь плоды его ремонта принадлежат вам. А сам он даже ими не наслаждался.

– У Тэнингема вскоре возникли финансовые трудности, и ему пришлось избавиться от большей части своих загородных домов.

– Да, я об этом слышал... Тесса Кащинская не упускает случая растрещать обо всем, что ей известно. Если у вас есть секреты, ни в коем случае не рассказывайте ей!

– Я заметил, – пробубнил Том с набитым ртом.

– А какой раньше была Ферма? – спросила Оливия.

Взгляд почти прозрачных глаз Роя устремился в направлении их скрытого зеленого дома, и, прожевав мясо, он сказал:

– Такая же, только без свежей краски. Думаю, что большая часть работ была внутри. Электричества не было, ему пришлось делать все с нуля, потом утеплять, красить, повсюду новые материалы... Кажется, он передвинул несколько стен, комнаты были для него слишком маленькими, и он хотел их объединить. Но я не заходил внутрь.

– Правда? – удивленно спросила Оливия, отправляя Зоуи в рот последнюю ложку пюре. – Надеюсь, вы к нам зайдете, у Тома всегда припасено холодное пиво для гостей. Вы будете у нас первым гостем. Марта Фельдман рассказывала, что наш дом – один из самых старых в Мэхинган Фолз. Получается, она не выдумывала?

– Очень может быть. Это, ммм... особенный дом...

– То есть? – вздрогнул Том.

– Ну, он повидал немало на своем веку. Марта ничего вам не рассказывала?

Оливия покачала головой и обменялась с мужем обеспокоенным взглядом.

– Есть что-то, что нам следует знать?

Рой со смущенным видом отложил нож и вилку, затем вытер рот платком, который он достал из кармана.

– Вы не подумайте, – успокаивающим тоном сказал он, – просто это дом с историей, вот и все.

– Какой такой историей? – настаивал Том.

– Я не сильно в этом разбираюсь, но когда я был мальчишкой, говорили, что это ведьмина Ферма. Знаете, ведьмы, которых сожгли в Салеме?

– Только этого не хватало, – произнесла Оливия, скрестив на груди руки.

– Но это все басни для детей. Родителям не очень нравится, когда их отпрыски бродят по заброшенным местам.

– А Ферма лежала в руинах? – заинтересовался Оуэн.

– Нет, не то чтобы в руинах, но в плохом состоянии. Здесь долгое время никто не жил, пока в конце 60-ых не приехал из Калифорнии один тип и не взялся за ремонт. Он пробыл тут целых десять лет, пока не перепродал Ферму семье из Мейна. Они, кажется, хотели устроиться в солнечном месте. Но сами понимаете, они жили в Новой Англии и не могли изменить все так сразу, и Мэхинган Фолз был только временным пунктом для их постепенного переезда в Джорджию или Флориду.

– А они долго прожили здесь? – спросила Оливия.

– Думаю, лет пять. Потом, помнится, на Ферме случился пожар. Не слишком серьезный, но его оказалось достаточно,

чтобы отпугнуть потенциальных владельцев. Так она стояла до начала нулевых, пока ее не купил адвокат из Нью-Йорка, который ее вам и перепродал. Он начал было отделять ее под себя, но не слишком усердно. Они с женой приезжали сюда не слишком часто. Догадываюсь, что жена и дети слишком уж жаловались на недостаток комфорта, и он продал ее практически сразу. Вот так.

Рой распрямил свой огромный корпус и знаком показал, чтобы гости оставались на месте.

– Я схожу за десертом, пожалуйста, не вставайте. Ну разве что дети могут пойти поразмять ноги. Я-то понимаю, что в вашем возрасте мальчишки только и думают, как бы порезвиться.

Пока он направлялся к дому со стопкой грязных тарелок в руках, Чад и Оуэн достали мяч и отошли, чтобы поиграть с ним недалеке, а Оливия повернулась к Зоуи, чтобы вытереть ей рот. Малышка умудрилась вымазаться пюре с ног до головы. Том наклонился к супруге.

– Тесса Кашинская, конечно, еще та сплетница, но она как-то забыла рассказать нам все это!

– А что такого особенного, что могло бы тебя отпугнуть?

– Ну не знаю... Отдавать деньги за дом, который половину двадцатого века пустовал?..

– Тэнингем все отремонтировал, и сейчас дом в порядке. Том вздохнул.

– Ну да, ты права.

И все же он не мог отделаться от неприятного чувства. Почему все эти подробности им раскрыли наутро после ночи, когда у его жены и дочери были кошмары? Оливия казалась спокойной, будто на нее совсем не повлияла вся эта история. В итоге больше всех волновался именно он. У него так и стояло перед глазами искаженное ужасом лицо старушки, за секунду до того, как она бросилась под пикап. Вечерами, засыпая, он слышал душераздирающий звук, с которым ее тело и кости врезались в радиаторную решетку. Он все еще не переварил эту драму. Этот кошмарный случай до сих пор его не отпускал. И однако сейчас его больше беспокоила не бедная старушка, а собственная семья. Они с Оливией привыкли прямо говорить друг другу о своих переживаниях, это было частью их обязательных ритуалов, позволявших оставаться надежной и крепкой парой даже спустя пятнадцать лет брака. Поэтому Том не стал ходить вокруг да около, а спросил напрямик:

– Как ты думаешь, не могут в нашем доме водиться призраки?

– Что, прости?

– Я просто спрашиваю твое мнение.

Оливия подавила смешок, который прозвучал как негромкое фырканье.

– Ты сейчас серьезно?

– Не знаю... Ты же сама была так напугана сегодня ночью!

И Зоуи все никак не спит, так что...

Том увидел, что Оливия задумалась над его предположением. Он достаточно ее изучил, чтобы считывать жесты.

– Милый, я работала на телевидении, поэтому верю в чудовищ. Я встречала их достаточно, но призраков – нет, никогда.

Том кивнул.

– Хорошо. Ты у нас рационалист, а я лирик и просто выложил свою версию как есть.

Оливия ласково кивнула и поцеловала его в щеку. Том любил, когда она так делала – неторопливо и нежно. Между тем Рой появился на крыльце дома с белой кошкой на руках.

– Дорогие друзья, – громогласно произнес он, – познакомьтесь с Марджери!

Рыжие кудри сопротивлялись всяким попыткам укрощения. Джемма Дафф потеряла всякое терпение. Она прочитала напоследок этикетку на флаконе со средством для выпрямления волос и швырнула его в мусорное ведро в ванной, затем шагнула назад и посмотрела в зеркало.

Ничего не изменилось. Пышная копна все так же обрамляла ее усыпанное веснушками лицо.

Ну что за подстава!

Джемма снова взглянула на себя в зеркало и разозлилась еще больше. Задница совсем тощая, а грудь слишком большая! Одежда помогала скрасить эту разницу, но в белье это очень бросалось в глаза. Поэтому она не носила декольте. Незачем подчеркивать то, что и так очевидно, говорила она. Из-за нарядов Джеммы Аманда Лафтон часто называла ее ханжой и недотрогой, но Джемма была не согласна. Пылающая копна и сверкающие глаза и без того привлекали достаточно взглядов, и ни к чему было никого провоцировать. В отличие от Аманды она не собиралась обнажаться, чтобы только парни просили ее номер телефона. У Джеммы было не слишком много парней. Первый был слишком напористым и слишком уж придурком, чтобы их отношения протянулись дольше трех месяцев, а со вторым, Джошем, она после восьми месяцев вместе была уже готова на серьезный

шаг, когда обнаружила, что он одновременно флиртовал с другой. С тех пор у нее только пару раз был ничего не значащий флирт, и как рассказывала направо и налево Барбара Дитилетто, Джемма оставалась невинной и «неизведанной землей». Это ее беспокоило. Ей так хотелось встретить парня, который был бы заботливым, чтобы она могла по-настоящему влюбиться и довериться ему... Но для этого сначала надо как-то избавиться от Дерекса Кокса. Ни один парень не осмелится к ней подойти, пока она на прицеле у Дерекса, никто не будет самоубийцей. *Значит, мне надо все взять в свои руки.* Всегда одно и то же. Ей все приходилось делать самой. Но сейчас она не имела ни малейшего представления, как подступиться к делу, не рискуя заработать при этом синяки, а возможно, даже сломанный нос и несколько швов. Ведь именно это произошло с Патти и Тиарой, бывшими девушками Дерекса. *В отличие от них я ему не сдалась!* Так что в ее случае все могло кончиться еще хуже.

Она надела шорты и майку, еще раз нанесла дезодорант, побрызгалась духами и вышла в коридор. Проходя мимо комнаты брата, она увидела, как тот смотрит через бинокль в окно дома напротив. Джемма прекрасно знала, что его там интересует – соседка, которая раздевалась, не опуская жалюзи!

О нет, не говорите, что он сейчас...

Услышав шаги, он обернулся, и в его руке, к огромному облегчению Джеммы, был только блокнот.

– Кори, ты пялишься на дочку Гамильтонов?

Он резко затряс головой, и Джемма услышала в комнате смех. Она толкнула дверь ногой и обнаружила сидевших на диване Оуэна и Чада Спенсеров.

– Привет, Джемма! – сказал старший из мальчиков.

– Разве я сегодня за вами присматриваю? – неуверенно спросила она.

– Нет, – ответил Оуэн, – мы просто пришли к Кори в гости.

– А, хорошо. Подозреваю, он вам рассказывал о Лане Гамильтон?

Кори густо покраснел. Чад повернулся к нему с очень заинтересованным видом.

– Лана Гамильтон? – насмешливо повторил Чад слащавым голосом. – Кори, похоже, нам надо поговорить!

Джемма неодобрительно покачала головой и закрыла дверь. Ей нужно было идти за покупками. Мать вернется сегодня поздно вечером, а на кухне шаром покати. Походы в магазин были частью ежедневных поручений, в которых Джемма никогда не могла отказать. Днем их мать работала в регистратуре салемской больницы, а вечерами подрабатывала в колл-центре охранной компании, чтобы отложить как можно больше денег на высшее образование детей. В ее отсутствие домашние обязанности лежали на Джемме, особенно во время летних каникул.

Джемма торопливо вышла из дома и чуть было не налете-

ла на полицейского, который собирался позвонить в дверь.

– Ой, простите, – извинилась она.

– Все в порядке. Вы Джемма Дафф, не так ли? Я как раз к вам.

Это был мужчина за тридцать, небритый, довольно привлекательный. Бежевая рубашка подчеркивала его спортивное тело.

– Что-то случилось? – спросила Джемма, не зная толком, пугает ее эта встреча или будоражит.

– Я лейтенант Кобб. Мы раньше не встречались. Не найдется ли у вас минутка?

– Сейчас?

– Я буду краток, всего пара вопросов. Это насчет Лиз Робертс, той исчезнувшей де...

– Я прекрасно знаю, кто такая Лиз Робертс. Но вам надо поговорить с Барбарой Дитилетто, они лучшие подруги.

– Уже говорил. Барбара рассказала не слишком много.

– Ну, я редко вижусь с Лиз. Мы пересекаемся в школе и иногда в городе, но не проводим время вместе.

– Именно поэтому вы могли бы ее описать... со стороны, скажем, более объективно.

Джемма посмотрела на него широко раскрытыми глазами и, задумавшись, машинально потерла руки.

– Так. Ну хорошо. Заходите, я сделаю вам кофе. Офицеру при исполнении ведь можно кофе?

– А ваши родители дома?

– Мама работает, а папа... далеко. И всегда был.

– Мне жаль. Но если нет никого из взрослых, лучше, чтобы мы поговорили снаружи, если вы не возражаете.

Джемма удивленно посмотрела на него, а потом сообразила. В отличие от большинства местных копов Кобб был не отсюда.

– Вы же в Мэхинган Фолз. Знаете, здесь народ не так подозрителен по этому поводу, и в доме сейчас три подростка-придурка, так что никто вас не будет ни в чем обвинять. И если уж на то пошло, я не собираюсь тут стоять на самом пекле.

Джемма сама удивилась своему напору. Но лейтенант Кобб внушал ей доверие, и ей нравилась его манера говорить и умный взгляд. Она пропустила его в дом и приготовила кофе, пока он усаживался у окна. *Чтобы его было видно всем, кто посмотрит снаружи! Вот упертый тип, вбил себе в голову...*

– Не могли бы вы описать Лиз Робертс? Как бы вы ее охарактеризовали?

– Странная.

– Это самый частый ответ на самом деле. Вы не видели, чтобы она в последнее время гуляла с кем-нибудь подозрительным?

– Знаю, что она тусовалась с парнями из Салема, но Барбара должна была вам это рассказывать, она тоже была с ними.

– Да. Но меня интересует то, что могли заметить вы. Вы не были ее близкой подругой и можете взглянуть со стороны...

– А кто вам, кстати, сказал обо мне?

– Ваше имя не раз упоминали разные свидетели. Судя по всему, вы надежная девушка, вас называли «наблюдательной и умной».

Джемма налила кофе в кружку и скорее повернулась к копу спиной: она покраснела, и это было просто смешно. Она не привыкла выслушивать комплименты, тем более от таких соблазнительных полицейских, как этот.

– Вы что-то о ней слышали? – спросила она, убедившись, что взяла себя в руки. – Держите, только осторожно, горячо.

– Нет. Совсем ничего.

– Думаю, теперь этим должна заниматься федеральная полиция, всем, должно быть, разослали ориентировки?

– Мы делаем нашу работу, но мадемуазель Робертс все так же неуловима. Ведь если она скрывается, на ее поиски потребуется больше времени.

Он сказал это с отстраненным видом, и Джемма поняла, что это не более чем заготовленные фразы, чтобы ее успокоить.

– Вы же не думаете, что она сбежала?

– Я допускаю все версии.

– И... убийство тоже?

Кобб сглотнул, глядя на Джемму, и изобразил натянутую улыбку.

– Не стоит драматизировать, но моя работа – рассмотреть все версии.

– Но шеф Уорден объяснил, что Лиз сбежала, разве нет? Кобб сжал в руках кружку со смущенным видом.

– Это самое вероятное. Вам это кажется правдоподобным?

– Говорю вам, с ней больше всех дружила Барбара, вот у нее и надо...

– Барбара ни на секунду в это не поверила. А вы? Джемма вздохнула, несколько растерявшись.

– Не знаю... Думаю, да, Лиз была немного необычной, она могла вдруг взять и свинтить. Может, она влюбилась...

– Думаете, она готовила свой побег?

– Я не знаю.

– Она способна на внезапные порывы?

– Ну... Говорю же: я недостаточно ее знаю, чтобы судить. Ну, темперамент у нее был для этого подходящий. Я не слишком удивилась, когда узнала, что она смоталась отсюда.

– И даже что она исчезла во время работы? И оставила ребенка одного? Многие говорили, что Лиз была необычной девушкой, но с бесспорными моральными принципами и чувством долга. Особенно в отношении детей. Вы не ее близкая подруга, и вам незачем приукрашивать ее, так что об этом скажете вы?

Джемма нервно почесала локоть. Она не знала, что ответить. Они с Лиз редко встречались, и у них не было никаких

точек пересечения, кроме... Джемма цокнула языком.

– Это родители сказали вам обо мне, – догадалась она. – Мы с Лиз иногда сидели с одними и теми же детьми.

– В том числе родители, да. И я обратился к вам именно потому, что вас считают разумной и надежной девушкой. И Лиз Робертс, несмотря на ее внешность бунтарки, очень ценят семьи, у которых она работала. Судя по всему, она обо- жает детей.

– Это так, – подтвердила Джемма. – Она очень хорошо о них заботилась, могу подтвердить. И... на нее совсем не похоже удрать и оставить малыша одного, теперь, когда вы сказали, я согласна. Она бы подождала, когда вернутся ро- дители. О, боже! Значит, ее похи...

Кобб зацокал языком:

– Незачем воображать худшее. Ничто не указывает на эту версию. Но чтобы лучше узнать ее психологический портрет, мне нужно было ваше мнение.

– Вы думаете, с ней могло произойти что-то плохое?

– Нет, – ответил он, широко улыбаясь. – Возможно, она сильно боялась, хотела скрыться от кого-то. Она появится снова, когда почувствует себя спокойнее.

Он сам не верил ни одному слову, Джемма дала бы руку на отсечение.

Кобб с задумчивым видом допил остатки кофе.

Они обменялись банальными любезностями, и он ушел, оставив свою визитку на случай, если Джемма захочет что-то

добавить. Джемма проводила взглядом полицейский внедорожник и вдруг услышала скрип верхней ступеньки на лестнице.

– Кори! Я знаю, что ты здесь! Ты все подслушал, да?

Несколько секунд стояла тишина, а потом тихий смущенный голос брата произнес:

– Коп в доме, это же потрясно.

– Ни слова маме! Я не хочу, чтобы она напридумывала себе чего-то и беспокоилась. Ясно? Если будешь молчать, куплю тебе билет в кино.

– Я не один.

– Ладно уж, три билета, – фыркнула она.

– На фильм ужасов? И ты нас проведешь?

Джемма вздохнула и согласилась.

– Класс! Ни слова маме, клянусь!

* * *

Комната поглощала звуки, придавая словам успокаивающую мягкость. Оливии не приходилось напрягать голос, чтобы перекрикивать случайные фоновые шумы. Тишина, приятная атмосфера и ничего лишнего. В комнате отсутствовало окно, и можно было не отвлекаться и сосредоточиться на собственном голосе, чтобы найти верный тон. Оливия всегда любила студии звукозаписи, а эта, с ее обитой мягкой тканью стенами и мебелью из темного дерева, которая подчеркивала

акустическую плитку и светильники, нравилась ей особенно.

По ту сторону стеклянной стены, сидя за огромной приборной панелью, будто привезенной прямиком из космического корабля, Марк Доденберг, звукорежиссер, заканчивал последнюю настройку. Стоя над ним, Пэт Деммель поднял большой палец вверх, показывая, что все в порядке, а затем наклонился к маленькому микрофону. Его голос тут же зазвучал у Оливии в наушниках.

– Мы считаем, это прекрасно. Можно подумать, вы всю жизнь этим занимались, – пошутил директор радиостанции.

На самом деле устроить пробы, прежде чем вести дальнейшие переговоры, предложила Оливия. В своих способностях она не сомневалась – ей хотелось устроить пробу для них. Ей надо было убедиться, что они знают свое дело, ведь благие намерения легко заводят в ад некомпетентности. Снова оказаться на радио было для неё невероятной радостью, но необходимо, чтобы условия соответствовали, и она хотела работать с профессионалами. Пэт Деммель владел своим искусством до кончиков пальцев, он в совершенстве знал аудиторию, а Марк Доденберг управлялся с приборной панелью так, будто родился за ней. Обнаружить все это на маленькой местной станции стало для Оливии приятным сюрпризом, и она уже почти упрекала себе за то, что сначала сочла их дилетантами. Поведение заносчивой и высокомерной старлетки – то, что она терпеть не могла. Она пообещала впредь отслеживать это в себе. Отделенный от

Оливии звуконепроницаемым стеклом, Пэт Деммель схватил микрофон, чтобы его было лучше слышно.

– Честно вам скажу, по сравнению с вашей аудиторией на телевидении здешняя покажется просто смешной, надеюсь, мы это осознаете! Мы вещаем по всему Мэхинган Фолз, и жители нас слушают, а Шнурок передаёт также в Салем, Рокпорт и даже Ипсвич, правда, там мы не пользуемся особой популярностью. Но с вашим появлением, возможно, всё изменится!

– Шнурок? – переспросила Оливия.

– Да, так называют огромную антенну на горе Венди, прямо над вашим домом. Это наша «связующая нить» с внешним миром. Без неё бы не было ни радио, ни телефона, ни большинства телеканалов. В общем, сегодня это для нас залог выживания!

Оливия кивнула.

– Ясно, эта безобразная мачта, которая портит весь вид.

– Послушайте, скажу вам прямо: ваша работа здесь стала бы отличной рекдамой нашей маленькой станции. Но у меня нет средств, чтобы платить вам, как вы привы...

– Остановлю вас сразу, Пэт, мне плевать на мою известность, и я делаю это не для денег. Наоборот. Я хочу повеселиться, поработать для удовольствия, никакого давления. Какое время вы могли бы мне предложить?

Директор пожал плечами и произнес:

– Как вам будет удобно, я подстроюсь. У нас есть немно-

го строгих договорённостей – по выходным несколько часов отведены городским спортивным командам. Также у нас по будням есть программы с гостями, которые очень нравятся нашим слушателям, но мы найдём для вас удобное время.

– Я предпочитаю прямой эфир. Я подумала о программе, где бы мы приглашали человека и рассказывали о нем, о его работе или каком-то смелом поступке, выдающемся событии и все в таком роде. Не только из местных, можно и шире, из всего округа. И я могла бы принимать звонки в конце передачи.

– Нужно будет организовать небольшой колл-центр, но нас вряд ли завалят звонками, так что это осуществимо. И вы бы хоте...

Ужасный скрежет прервал их разговор, в наушниках раздалась помехи, которые заставили их поморщиться. Оливия тут же проверила, что ненароком не задела небольшую приборную панель, расположенную перед ней, – но нет, дело было не в этом. Звук вскоре прекратился. Марк Доденберг с изумленным видом изучал собственную рабочую панель. Оливия увидела, что Пэт говорил ей что-то через толстое стекло, но она ничего не слышала и стала жестами объяснять ему это, указывая на наушники. Вдруг в барабанные перепонки ударил низкий голос, коорый чеканил слова. Они раздались так громко, что Оливия не могла их разобрать, как будто это был иностранный язык. Тут же десять разных голосов принялись орать так яростно, что она потеряла дар речи,

а затем все перешло в вопль страдания, невыносимой боли, заставив Оливию сорвать наушники с головы.

Напротив неё Пэт и Марк застыли, мертвенно-бледные, с широко раскрытыми глазами.

Снова стало тихо. Они ошеломленно смотрели друг на друга, затем мужчины обменялись парой фраз, и Пэт открыл дверь в студию.

– Что это было? – спросила Оливия, не вполне оправившись от шока. В ушах гудело.

– Я в самом деле очень извиняюсь, я не понимаю. Марк сейчас проверяет...

Оливия потерла виски. Все это длилось совсем недолго, но было необыкновенно громко и нестерпимо. Сначала утробный мужской голос, почти пугающий, а затем чудовищный хор голосов.

– Вы разобрали, что говорил этот тип в самом начале? – спросила она.

– Он говорил не на английском.

– Может, поблизости есть самодельные приёмники?

– Нет, и даже если бы кто-то решил собрать радиоточку, он не смог бы ворваться на нашу частоту, это исключено. Признаю, что я несколько сбит с толку. Марк поработает над тем, чтобы это не повторилось, я вам обещаю.

Оливия помотала головой – отчасти чтобы показать, что это не страшно, отчасти – чтобы выкинуть из головы отголоски воплей, которые всё ещё звучали у нее в ушах. От ужа-

са у неё побежали мурашки. Крики будто бы исторгали люди, испытывавшие невыносимые муки.

* * *

Оливия специально припарковалась на некотором расстоянии от студии, чтобы несколько минут прогуляться. Теперь она поднималась по Мейн-стрит, сжимая в руке горячий кофе и размышляла о пробах, которые, бесспорно, оказались во всех отношениях успешны. Ей даже предоставили возможность самой выбирать программу и расписание. Что ещё можно пожелать? Оставалось только получать удовольствие и при этом не расслабляться. Если тебе позволяют более или менее все, необходимо быть требовательной к себе, чтобы не начать творить что попало. Деммель, кажется, славный малый, с серьёзным подходом – изучает все, что попадает ему в руки, чтобы только развивать свою маленькую станцию. Оливия вдруг снова вспомнила кошмарные крики и поморщилась. Она сначала приняла это за какое-то нападение, трансляцию из непонятного мрачного места, неведомыми путями прорвавшуюся в их эфир. Но чем больше она думала, тем сильнее убеждалась, что это невозможно. Это было похоже на фильм. На сцену ужасов. Или на хэви-метал – однажды она застучала Чада, который ночью слушал такую музыку в Интернете. Что за игру вели те, кто стоял за глупой шуткой? Специально ли они вторглись в эфир? Здесь, в

таким маленьком городишке, это было смешно. Обрушиться на региональную или даже федеральную станцию – такое еще можно понять. Для маргинала, жаждущего признания, подобный отчаянный поступок равнялся бы подвигу. Но здесь, в Мэхинган Фолз! Оливия решительно не понимала, зачем такая выходка могла кому-то понадобиться.

К таким выводам Оливия успела прийти, когда заметила Джемму Дафф – она стояла чуть поодаль на крошечной парковке между аптекой и бакалеей. Девушка горячо спорила с каким-то парнем – высокий брюнет, коротко стриженный, футболка команды «Патриоты Новой Англии», руки покрыты татуировками. Джемма скрыла от нас, что у нее есть парень! И довольно крутой... Впрочем, приблизившись, Оливия разглядела черты его лица, скорее отталкивающие и искаженные гневом. Он резко толкнул Джемму к дверце машины. Оливия так и застыла на месте от неожиданности.

– Ты за кого себя принимаешь? – кричал парень, который был на две головы выше Джеммы. – Да ты знаешь, сколько девчонок хотели бы быть на твоём месте?

Он замахнулся, сжал кулак и ударил себя в грудь, чтобы выплеснуть гнев. Затем он помахал указательным пальцем прямо под носом у Джеммы.

– Без вопросов, все будет, как я сказал! – гаркнул он. – На кого я иначе буду похож, а? Нет уж! И потом, ты просто понятия не имеешь, на что я способен, нельзя просто так взять и меня продинамить! Так что слушай сюда: в субботу вече-

ром я за тобой заеду, и пойдём прогуляемся вместе. Узнаешь меня поближе. Да, так и поступим. Вот увидишь, тебе ещё понравится. Ты мне это задолжала.

Джемма была не в силах произнести в ответ ни слова. Она заикалась, ошеломленная угрозой физической расправы, и Оливия могла различить только тщетные попытки выразить свое несогласие.

Оливия вскипела, к ней разом вернулось её врождённое самообладание. Она поспешила подойти к паре и заявила своим самым уверенным голосом:

– Не получится, мне жаль, но в субботу Джемма работает у нас.

Парень повернулся к ней, Оливию поразило его ледяной взгляд. Вблизи он был ещё крупнее, чем она думала.

– А вы ещё кто? – спросил он, даже не пытаясь казаться любезным.

– Оливия Спенсер-Бардок, и Джемма сейчас работает у нас. Она нужна мне практически всё время, так что, к сожалению, пока что она будет занята.

Молодой человек с досадой посмотрел на Джемму.

– Это правда? – нервно спросил он.

Джемма быстро закивала.

– Я... В этом дело, Дерек, у нас с тобой ничего не получится... У меня совсем не бывает свободного времени.

Оливия поняла, что Дерек сбит с толку её вторжением, и решила не давать ему собраться с мыслями. Она указала на

старенький «Датсун» Джеммы.

– Мы опаздываем, Джемма, уже пора идти.

Все так же уверенно она открыла переднюю дверцу со стороны пассажирского сиденья и велела девушке следовать за ней. Джемма, не мешкая, заняла водительское кресло и завела машину. Напоследок Оливия добавила, обращаясь к совершенно оцепеневшему Дереку:

– Мы очень дорожим Джеммой, даже не пытайтесь меня уговаривать, ничего не выйдет. Я собираюсь оставить её у нас на все лето и, возможно, в свободные часы в учебном году. Придётся вам понять, Дерек, Джемма права: у ваших отношений нет будущего.

Оливия посмотрела на парня в зеркало заднего вида, в то время как Джемма спешила скорее выехать с парковки. Дерек был в ярости. Её вмешательство, подобное буре, видимо, притушило на время его злость, но теперь, когда Оливия и Джемма уезжали за пределы его досягаемости, гнев снова поднялся в нём, как цунами.

– Спасибо, – прошептала Джемма, когда они выехали на Мейн-стрит.

Оливия заметила, что бедняжка дрожала. Да и у нее самой сердце бешено колотилось. Какой жуткий тип!

– Не знаю, что между вами происходит, но, честно говоря, думаю, что вы совершенно правильно хотите держаться на расстоянии.

– Мне очень жаль, мадам Спенсер, правда...

– Я вам уже говорила, зовите меня Оливия. Мы ещё мало знакомы, но в моей профессии у меня не было возможности узнать людей, так что я научилась их чувствовать и полагаться в своих суждениях на инстинкт, а он подсказывает мне, что вы хороший человек, Джемма. Вы заслуживаете лучше, чем этот бандит.

Джемма с готовностью кивнула:

– Никто не заслуживает Дерека Кокса.

– Он совсем бешеный, сразу видно.

– О да. Это всем известно.

– И никто ничего не делает?

– Добро пожаловать в Мэхинган Фолз.

Оливия повернулась к девушке:

– Он вас ударил?

– Нет, меня – нет. Но не всем девочкам так повезло, к сожалению.

– А полиция не вмешивается?

Джемма вздохнула.

– Дерек Кокс дружит с сыном одного из самых влиятельных людей города, отчасти это его защищает. Думаю, что шеф Уорден уже не раз его отчитывал, но пока его не поймают за руку, он так и останется безнаказанным. Девочки боятся жаловаться, и все врут, чтобы избежать неприятностей. Дерек из тех, кто пробоёт вам шины или отравит вашу собаку, если вы с ним поссоритесь.

– Если позволите, Джемма, я бы советовала вам держаться

от него подальше. Я знаю, что плохие парни могут иногда быть соблазнительными, но в результате с ними не выходит ничего хорошего.

– О, я избегаю его изо всех сил, клянусь вам, мадам Спен... Оливия, это он хочет со мной встречаться, а не я! Он так портит мне жизнь! Я у него ничего не просила. Иногда я даже не решаюсь выйти из дома, чтобы его случайно не встретить, вот как сейчас...

Оливия накрыла ладонью руку Джеммы и решила, что пора по-настоящему открыть двери их дома. Она сказала как можно более мягким и ласковым голосом:

– Когда только понадобится, можешь мной прикрываться. Можешь оставаться у нас на ночь, если он будет болтается возле твоего дома. Даже не сомневайся, я как раз приготовлю гостевую комнату, должна же она для чего-то служить... Договорились?

– Это... это очень любезно с вашей стороны. Но мама работает допоздна, а Кори, мой брат, может сам приготовить себе ужин, но я стараюсь не оставлять его на ночь одного.

– Кори спокойно может приходить с тобой, даже лучше. Чад и Оуэн будут в восторге! Я говорю тебе честно, Джемма. Избегай этого Дерека, надо воспользоваться каникулами, чтобы исчезнуть из его поля зрения, и он тем временем переключится на другую жертву.

У Джеммы задрожали губы. Оливия угадала охватившие девушку чувства и ободряюще погладила её по руке.

– Спасибо, – растроганно выдохнула Джемма.

Они добрались до конца Мэйн-стрит, до площади Независимости, где с одной стороны виделась ратуша с фронтонными колоннами, а с другой – вход в городской сад.

– Раз уж мы здесь, покажи мне центр города, – предложила Оливия. – А потом ты отвезёшь меня обратно, чтобы я забрала свою машину. Этот псих тем временем уже уйдёт. Должна тебе сказать, такие неуравновешенные не умеют оставаться на одном месте, не забывай об этом.

Джемма хихикнула. Они свернули на юг в направлении Вест Хилл, и она решила спросить:

– Вы сейчас говорили, что знаете, чем все кончается с плохими парнями. Мистер Спенсер не очень похож на плохого парня, значит, у вас был в молодости роман с кем-то вроде Дерека?

Оливия усмехнулась уточнению «в молодости».

– Раз уж у нас есть немного времени, расскажу тебе эту историю. Том о ней даже слышать не хочет. Это было уже действительно давно, и парень был по-настоящему горяч, нельзя не признать! Я тебе все рассказываю, но при условии, что потом ты тоже о себе расскажешь, идёт?

Джемма просияла, и Оливия почувствовала растущее внутри тепло, которое всегда охватывало ее, когда ей удавалось помочь людям. Этой девочке так не хватало матери, поверенной ее мыслей и тайн, подруги! Оливия не могла, конечно, стать для нее всем сразу, но, по крайней мере, гото-

ва была выслушать Джемму. Что-то ей подсказывало, что в ближайшие месяцы им предстоит много времени провести вместе.

Они проехали до Бельвю Террас, где «Датсун» вскарабкался по петлявшей ленте битума между красивыми особняками и экзотическими деревьями, которые высились на склонах Вест Хилла. На востоке блеснул океан под неутомимым лучом маяка, светившего с вершины скалы. На западе гора Венди вздымалась к голубым небесам, а от нее тянулась армия холмов, замыкавших Мэхинган Фолз. Все, казалось, шло к лучшему в этом лучшем из возможных миров. По крайней мере пока что.

И никто в этот вечер не заметил, что в бухте исчезли рыбы, а в ближних лесах стояла мёртвая тишина. Никто не заметил молчания птиц и странного беспокойства собак с приближением сумерек. Каждый был слишком занят собственными заботами. А тем временем неуклонно росли и сгущались тени.

Легкий ветерок играл с занавеской перед озадаченным взглядом Чада. Мать открыла все окна, чтобы «дом дышал». Чаду не нравилось это выражение. Оно предполагало, что они жили *во внутренностях* дома, который, следовательно, мало-помалу их переваривал с течением дней и недель. А что же будет через несколько месяцев? Они окончательно с ним сольются? Навсегда станут узниками этих стен? Ну уж нет. Чаду претила мысль о *живом* доме.

Мальчик вышел из гостиной, скользнул через столовую (эта комната казалась ему действительно лишней, потому что ею почти не пользовались, семья обычно обедала на кухне; в этом смысле столовая была похожа на один из тех органов, назначения которых Чад не знал и которые поэтому казались ему бесполезными, как, например, селезенка или поджелудочная железа), и остановился в прихожей. Доски паркетного пола простирались в северное крыло, до отцовского кабинета, мастерской и пустого зала, куда они ставили на зиму стол для пинг-понга. Ничего интересного. Чад в который раз за день взобрался на второй этаж и пошел по коридору, глядя по сторонам. Он прошёл мимо кабинета матери, которая сейчас куда-то уехала, затем, вместо того чтобы идти дальше по крылу, где жили родители, свернул в противоположном направлении, к сердцу дома. Он толкнул ногой

дверь комнаты Оуэна. Его двоюродный брат читал комиксы, сидя на кровати.

– Хочешь что-нибудь поделаться? – спросил его Чад.

– Типа чего?

– Не знаю. Может, пойдём погулять в лес?

– Коннор и Кори просили подождать их.

– Коннор уехал каникулы к отцу, понятия не имею, куда, а Кори отлично проводит время в парусном клубе.

– А почему ты, кстати, с ним не пошёл, он же тебе предлагал?

Чад поморщился.

– Я не особо люблю воду.

Оуэн оторвал глаза от своего комикса. Чад не так часто признавал свои слабости.

– Ты не умеешь плавать?

– Конечно, умею! Просто я терпеть не могу океан. Знать, что под тобой огромные твари, и ты даже не увидишь, как они к тебе приближаются, фу!

Оуэн окончательно отложил комикс и встал.

– Ладно, кажется, у меня есть идея, – сказал он. – Ты не боишься наглотаться пыли?

Слух Чада, всегда готового позабавиться, различил озорные нотки в голосе Оуэна, и он ухмыльнулся.

– Да, крутяк, поразвлекись – я только за.

Оуэн подошел к боковой двери, которая вела в длинное помещение, разделявшее комнаты Чада и Оуэна, и открыл

ее. Внутри были нагромождены рядами больше трехсот коробок, заставленных накрытой белыми покрывалами мебелью. Здесь были все вещи из дома Оуэна, где он жил с родителями до их гибели.

Заговорщическая улыбка исчезла с лица Чада.

– Если ты хочешь разобрать вещи, я тебе помогу, – вежливо предложил он.

Но Оуэн смотрел на него все с таким же хитрым выражением.

– Это да, мне нужна будет твоя помощь: мы построим суперлабиринт. Такой, что если туда пойдет малышка Зоуи, ее будет не найти! Идем.

Внутри стоял затхлый запах, вещи Монтгомери-Бердоков больше года пролежали в подвале, пока новая семья Оуэна не переехала сюда. Оуэн пробирался между коробками, оценивая, сколько в их распоряжении материала для строительства лабиринта, между тем как Чад шел за ним, притихший и немного оробевший. Ему казалось, что он идет по кладбищу вещей, и это вызывало невольный трепет. Он чувствовал себя не в своей тарелке, но задор Оуэна постепенно возвращал ему уверенность. Для мальчика это явно не было паломничеством к родительским могилам, он определенно пришел сюда играть, пусть даже среди призраков прошлой жизни. Чад даже спросил себя, не шло ли это так или иначе на пользу Оуэну? Может быть, он ощущал присутствие родителей через вещи, которыми они владели?

Оуэн начал воплощать свою задумку и указал своему сообщнику на несколько коробок, которые надо было переставить. И добрых два часа они толкали, перекладывали, переворачивали это кусочки воспоминаний, пока из коробок не образовалось множество проходов и тупиков – настоящий лабиринт. Картонные стены были им по плечи, и Чад, хоть и весь вспотевший, был горд проделанной работой.

– Еще не все! – предупредил его Оуэн, стягивая покрывала с мебели, выставленной вдоль стен. – Помоги мне их разложить.

Ткани были брошены на верхние коробки и покрыли весь лабиринт своеобразной натяжной крышей, так что все проходы погрузились во тьму.

– Теперь готово! – торжествуя воскликнул Оуэн.

С одного конца вход в лабиринт начинался прямо от комнаты Чада. Другой вход находился напротив, возле комнаты Оуэна. Но чтобы попасть из одной комнаты в другую, надо было опуститься на четвереньки и пройти через все запутанные и темные ходы.

Чад вытер испачканными руками пот со лба, размазав по лицу черные полосы.

– Пойду принесу еды. Нам надо устроиться в центре, – уточнил он, уходя в коридор.

Он вернулся с полными руками пакетов с печеньем и с бутылкой «Маунтин Дью» и присел на корточки, чтобы забраться в их убежище. После того, как они полдня строи-

ли лабиринт, Чад постоянно путался, сворачивал в тупик и ругался под насмешки Оуэна, который успевал уйти далеко. Глаза Чада все ещё не привыкли к темноте, и он не очень хорошо ориентировался. Наконец он нашёл Оуэна, сидевшего в середине комнаты в центральном шалаше площадью два на два метра. Они распили вдвоём бутылку и опустошили пачку печенья, рыгая и смеясь.

– Представь только лица Коннора и Кори, когда мы им это покажем!

Чад покачал головой.

– Коннора больше не интересуется такая ерунда, он предпочитает фантазиям реальность.

– Но это же настоящая берлога! Какой пацан не любит берлоги?

– Коннору теперь больше нравится пялиться на девочек, чем строить берлоги.

– Думаешь?

– Уверен.

Эта мысль, казалось, заставила Оуэна крепко задуматься. Потом он сказал:

– Ну тогда Кори тоже. Он в своей комнате пялился на соседку в бинокль.

– Но Кори ещё не перешагнул эту черту, понимаешь? Он смотрит на девочек, потому что они красивые, но он на них не заиклен, он все ещё любит игры, как мы с тобой.

– А ты? Ты смотришь на девочек?

– Ну... Я не знаю.

Оуэн пристально уставился на Чада, хотя было совсем темно, если не считать слабого света, просочившегося сквозь покрывала над их головой.

– А как тебе Джемма? – спросил Оуэн.

– Джем? – осклабился его друг. – Она же сестра Кори!

– Ну и что?

– Она... Ну, не знаю... У неё огромные сиськи!

Мальчики прыснули, но Чад спросил:

– А ты бы хотел их увидеть?

– Ее сиськи? А дальше что? Нет уж, я не хочу ослепнуть!

Оба громко заржали.

В глубине души Чад сам не знал, что он об этом думает. Девочки определенно были ему не так интересны, как игры с друзьями, хотя он не мог отрицать, что девочки вызывали у него некоторое любопытство. Представляя Джемму в одном купальнике, он чувствовал волнение.

– Знаешь, что было бы круто? – сказал Оуэн, помолчав немного. – Проектор звездного неба! Он у меня работает на батарейках. Он должен быть где-то в шкафу, сейчас принесу.

Оуэн ушел, и Чад слышал его шаги в коридоре, а потом на кухне. Он облокотился на коробки, достаточно тяжелые, чтобы выдержать его вес. Разговор о девочках его волновал. От Коннора исходили уверенность и обаяние, и он имел успех у девчонок, Чад был в этом уверен. Коннора уже не интересовали детские игры, он становился взрослым. Но Чад был

не готов отказаться от игр, пусть и слишком ребяческих, и от прогулок с друзьями ради встреч с девушками, какой бы привлекательной ни казалась их грудь. Нет. Он просто-напросто не был пока готов. К тому же Чад знал, что обратного пути не будет. Стоит однажды переступить черту, и навсегда откажешься от простых радостей. Это было как скатиться с горы. Стоит шагнуть – и уже не сможешь передумать или остановиться в полете, придется идти до конца. До конца – Чад прекрасно знал, что в данном случае имеется в виду.

Секс.

Отвратительная штука, о которой все говорят. Отец слишком часто об этом говорил, чтобы Чад мог оставаться в неведении. Деньги и секс правят миром. И то и другое отталкивало Чада. Деньги предполагали работу, считай что на всю жизнь, а секс – какие-то влажные органы, о которых Чад старался не думать. Это как есть говяжий язык, думал он, кому-то нравится, но он предпочитал не пробовать.

Послышался шорох у коробок со стороны комнаты Оуэна.
– Нашел? – спросил Чад.

Вопрос повис в воздухе. Теперь он слышал только собственное дыхание. Чад сразу догадался. *Ага, ты хочешь поиграть в прятки!* Если Оуэн рассчитывал застать его врасплох, Чад подхватит игру, чтобы поразвлечься и убить время до вечера. Он тихонько наклонился и пополз на четвереньках, стараясь не касаться коробок и дышать как можно тише. Медленно переступая, он добрался до угла и выглянул, что-

бы убедиться, что Оуэна за поворотом не было. В полумраке было видно только дрожащее на сквозняке покрывало. *Очень хорошо. Ты настроен серьезно, но еще посмотрим, кто кого!*

Опираясь на колени и локти, Чад прополз еще пару метров и достиг следующего поворота. За его спиной скрипнула половица.

Черт возьми! Этот гад его обманул! Он обошел с другой стороны! Как он мог неслышно пробраться туда, если вошел со стороны своей комнаты? На этот раз Чаду пришлось признать, что Оуэн его сделал. Но игра еще не кончилась. Чад еще мог его подкараулить, если выберет верное направление. *Ты повернул на юг или на север?* Чад решил сделать ставку на север, если он правильно помнил схему лабиринта, этот путь был длиннее. Чад сгруппировался и развернулся в тесном лабиринте. Изловчившись, он оказался в северном проходе. Если он сделал неверный выбор, то сейчас они с Оуэном столкнутся нос к носу.

Чад медленно схватился за край коробки и очень медленно стал выглядывать за угол. Он ожидал, что вот-вот покажутся прядь волос, широкая улыбка и блестящие глаза брата, который поджидает его, еле сдерживая смех. Конец прохода близок, хотя от нетерпения лабиринт казался Чаду нескончаемым...

Пусто. Чад был немного разочарован, он уже представил, как было бы весело здесь столкнуться. Зато к нему вернулся азарт, когда он подумал, что все еще может обыграть брата

и застать его врасплох. В крайнем случае, они встретятся в середине лабиринта.

Очередной поворот, снова осторожные маневры. И опять никого.

Вдруг, когда Чад уже приближался к цели, он почувствовал чье-то присутствие рядом. Он не мог объяснить себе этого, но *чувствовал*, что не один в комнате и что кто-то движется рядом с ним, по ту сторону картонной стены. Кто-то догонял его. Он хотел остановиться, выходит, он проиграл, но инстинкт приказал ему не терять бдительности. Чад не слышал ни дыхания, ни шороха, но он определенно ощущал чье-то присутствие.

Скрипнул паркет. Охотник снова пустился за ним.

Он идет за мной!

Почему его охватила такая паника? Чад ничего не понимал. Он почти задыхался. Он готов был описаться от страха и вспотел, как в парилке.

Вдруг он заметил, что не подтянул ногу от поворота и *ничто или некто* уже в любом случае видел его ботинок.

Чад хотел скорее отползти, когда что-то стиснуло его левую лодыжку стальной хваткой. Мальчик не удержался и закричал. Он изо всех сил хватался за все подряд, пытаясь высвободиться. Но тщетно. Его начали тянуть назад, уволаскивать за поворот.

Чад отбивался изо всех сил, обезумев от страха, не сдерживая ударов.

Тогда зубы впились в голень, и челюсть стала смыкаться. Все сильнее.

На этот раз Чад бешено заорал и дернул покрывало, которое упало на них.

– Оливия, ты прекрасно знаешь, я не верю в эти сказки про вдохновение, – повторял Том. – Вдохновение для писателя – то же, что религия для человечества. И мне незачем успокаивать себя этими выдумками. Лично я верю в работу.

Оливия положила себя салат и поставила тарелку на стол, сказав:

– Да-да, знаю: «Душа обязана трудиться...» Я просто говорю, что перемена обстановки помогла бы тебе... Ну хорошо, не вдохновиться, но увидеть вещи под новым углом.

Том заметил, что ему приходится оправдываться, и рассердился. После провала его последней пьесы он был особенно чувствителен, его раздражали любые разговоры о творчестве, как будто простое упоминание его профессии было предлогом усомниться в его талант и мастерстве.

– Прости, ты права, – сказал он, кладя руку на руку жены. – Поэтому мы сюда и приехали. Я все ещё не написал ни строчки. Я обустроиваю рабочее место, занимаюсь уборкой... И одновременно я ищу. Это стало привычкой. Другие решили бы, что это просто слова, но ты знаешь, что, когда я просто хожу кругами, смотрю на природу, на людей и ничего не говорю, – на самом деле я работаю. Моё молчание свидетельствует о моем творчестве.

Оливия улыбнулась, потом погладила кончиками пальцев

щеку мужа.

– Я в тебя верю. Ты найдёшь свою новую пьесу. Не важно, сколько времени это займёт. Ты писатель, пьесы – это вся твоя жизнь. Следующая будет иметь успех. Я это чувствую.

– Бу-ум! – крикнула Зоуи, роняя ложку с высоты своего детского стульчика.

– Зоуи! Если будешь шалить, на ужин будешь есть плюшевого мишку!

– Нет, не хотю миску! Миска фу!

Том посмотрел на жену влюблённым и благодарным взглядом. Она всегда была рядом, в горе и в радости, и это была правда, а не пустые слова со свадебной церемонии. Даже в тёмные деньки Оливия его не подведёт. Ему так с ней повезло! Заметив, что Зоуи сильно расшалилась, Том подошёл, чтобы сменить Оливию и покормить девочку.

– Зоуи, у папы куда меньше терпения, чем у мамы, так что советую тебе широко открыть рот и не глупить.

– Ну что, мальчики, – спросила мама, – как прошёл день? Не слишком расстроились, что Джемма не водила вас сегодня гулять?

– Все хорошо, – промямлил Оуэн неуверенно.

Чад молча кивнул.

– Что-то не так? – спросил Том. – Вам скучно, Оуэн?

Оуэн помотал головой, а Чад нахмурился.

– Вы поссорились, да? – догадался Том, вдруг понимая, что весь вечер мальчиков не было слышно.

Тогда Чад взорвался.

– Это он! – закричал он, указывая на двоюродного брата. –

Он меня укусил!

– Это неправда!

– Конечно, правда! У меня след остался!

– Нет, не делал я ничего!

– Не купил! – строго заявила Зоуи.

Оливия подняла над столом руку, давая всем знак замолчать.

– Оуэн, что произошло?

– Это не я, – смущенно выдавил мальчик.

– Ты меня укусил до крови! – крикнул Чад с упрёком.

Том кивнул Чаду, чтобы он показал. Сын задрал ногу на скамейку и поднял штанину, показывая искусанную покрасневшую голень с характерными следами. С обеих сторон были фиолетовые и красные отпечатки в местах, где зубы впились в кожу. Ещё немного, и они прокусили бы её до кости.

Оливия, которой из-за другого конца стола ничего не было видно, вопросительно посмотрела на мужа. Том мрачно глянул на Оуэна.

– Что вы такого наговорили друг другу, чтобы до этого докатиться? – спросил он.

Чад возмутился:

– Ничего! Мы играли! А он накинулся на меня, как зверь, и искусал!

Оуэн положил нож с вилкой, откинулся на спинку стула

и скрестил на груди руки с видом человека, которого оскорбили до глубины души.

Тогда вмешалась Оливия:

– Мальчики, этого быть не должно. Вы знаете, как мы с Томом относимся к насилию. Как к физическому, так и к вербальному, – подчеркнула она, глядя на Оуэна и на Чада, который, казалось, был глубоко задет предположением, что он мог спровоцировать нападение. – Сегодня я не буду вас наказывать, но если вы не разберётесь со всем сами, нам придётся принять меры. Вы должны понимать: мы семья. Клан. Мы должны друг друга поддерживать, а не драться. Во внешнем мире достаточно насилия. Вы меня поняли?

Ответом было недовольное молчание.

Том повторил за женой:

– Вы поняли?

Чад кивнул, несмотря на сдерживаемое раздражение. Оуэн последовал его примеру.

– Пусть пройдёт ночь, и вы все объясните, – прибавила Оливия. – И чтобы завтра за ужином вы друг на друга не дулись. Поговорите, по очереди выскажите всё, что у вас на сердце. Постарайтесь друг друга выслушать и пожмите руки. Если я увижу завтра вечером, что вы ничего не уладили, я вмешаюсь.

Остаток ужина прошёл в мрачном молчании. Никто не стал задерживаться, и Чад с Оуэном сразу поднялись к себе, чтобы лечь спать, пока Том занимался Зоуи, которая широ-

ко зевала. Позже, лежа в постели, Том с Оливией вернулись к случившемуся. Она опасалась, что Оуэн был травмирован куда глубже, чем они могли подумать. Он почти всегда молчал, очень редко говорил о том несчастном случае и о погибших родителях, и Оливия беспокоилась, что этот удар даст о себе знать тем или иным образом. Укус, по-видимому, свидетельствовал о неконтролируемых эмоциях, которые обуревали мальчика.

– Или о потасовке двух тринадцатилетних пацанов, – возразил Том, потянувшись за книжкой. Зоуи не плакала уже вторую ночь, и это, вероятно, значило, что она наконец привыкла к новому дому и ночные кошмары остались в прошлом. Том чувствовал себя совсем выжатым, ему нужно было хорошо выспаться пару ночей подряд, чтобы восстановиться. Но этим вечером он заснул не сразу. Что-то смутно его беспокоило, но он никак не мог определить причину нервозности. Это не было воспоминание о старушке, прыгнувшей под автомобиль на Атлантик Драйв. Что-то другое тревожило его. Он уткнулся лицом в подушку и смог проспать около часа. Несколько раз просыпался и наконец забылся сном. В час ночи он встал. Сна не было ни в одном глазу. В полумраке он видел что-то на светлом шкафу в углу комнаты. Какие-то округлые коричневые пятна. Они дрожали в воздухе. Он испытал ледяной ужас. Теперь он знал, почему ему не спалось. Сердце его бешено заколотилось.

Старые сараи ржавели на пристани. Это были доки двух последних траулеров Мэхинган Фолз, составлявшие его стыд и позор. Из-за недостатка финансов всё ещё ничего не было сделано, чтобы снести их и заменить на другую, менее отталкивающую конструкцию. Они портили вид порта, несмотря даже на то, что на них часто падала тень скалы, словно стараясь скрыть их от взоров. Обычно доки пустовали, исключая раннее утро, когда отсюда отправлялись рыбаки. Но сейчас, когда Итан Кобб вышел из машины, он увидел человек десять, столпившихся здесь. Он натянул полицейскую фуражку и оценивающе посмотрел на собравшихся. Дейл Морган, стоя навывтяжку в своей униформе, разговаривал со свидетелями и со скрупулезной должностью делал записи в блокноте. Шеф Ли Дж. Уорден был на месте и слушал какого-то мужчину. Когда своими маленькими живыми глазками он заметил Итана, то оставил своего собеседника и, растолкав, несмотря на свой маленький рост, толпу молодчиков, направился прямо к лейтенанту.

– Шеф, – поприветствовал его Итан, дотронувшись до козырьки своей фуражки. – Вы быстро явились, это хорошо. Медлительность вашего предшественника была беспредельна.

– Да, я слышал. Что произошло?

– Один парень ушёл в море сегодня утром, его лодка обнаружена дрейфующей неподалёку, и его рация не отвечает.

– Береговая охрана Ньюбери порта уже в курсе?

Уорден смерил Итана презрительным взглядом, и его седые безукоризненно ухоженные усы дрогнули.

– На кой черт вы хотите втягивать в это дело наших соседей, если мы можем отлично справиться сами? Седильо собирает нашу экипировку, он придёт с минуты на минуту. Вы пойдёте с ним.

– Хорошо, шеф.

Посыл ясен: сам Уорден не собирается в эту вылазку. За год работы Итан встречал его крайне редко: Уорден был дирижёром, он любил царить за пюпитром, видеть полную картину, но сам спускался в оркестровую яму нечасто.

– После бедного Мерфи и старой Дебби Манч, которая покончила с собой среди бела дня на глазах у всего города, мы теряем одного из наших ребят! – прорычал он хриплым голосом. – Дальше будет только хлеще, помяните моё слово. Это закон серийности – то весь год такая тишь, что взвоешь, то вдруг череда катастроф.

– Вы забываете ещё об исчезновении Лиз Робертс.

– О побеге, лейтенант, о побеге, – раздражённо возразил Уорден. – Слушайте, я тут узнал о вскрытии Рика Мерфи. Это что вам ещё взбрело в голову? Кромсать его, да ещё вдобавок поручить этому дилетанту Мордекаю?

– У меня появились сомнения. Мне жаль.

– Что ещё за сомнения? Что он действительно мертв? Я читал рапорт и честно скажу: у меня не возникло никаких сомнений. Кобб, послушайте меня хорошенько, здесь вам не Филадельфия, здесь не принято разделять своих сограждан просто потому, что вам так захотелось. Если у вас будут сомнения, обращайтесь в следующий раз ко мне! Чтобы вы больше не делали подобные вещи без моего разрешения! Больше никогда, вы меня слышите? – Он выругался сквозь зубы, чтобы не привлекать всеобщего внимания.

Уорден выдохнул, чтобы успокоиться, и прошипел тихо и холодно, как змея:

– Если такое повторится, вы будете иметь дело со мной, ясно?

Итан кивнул, ликуя, что так легко отделался – Уорден не был похож на человека, который ограничивается отповедью, видимо, он был сейчас слишком занят, чтобы упорствовать. *Главное – имидж, сообразил он, заметив, что на них смотрят. Этому старому волку нельзя показывать на публике слабость, нельзя допустить никаких вольностей внутри команды.*

Они дождались Сезара Седильо, который, ловко управляя полицейским катером, пришвартовался к пристани напротив них.

– Как зовут этого типа, который молчит? – спросил Итан.

– Купер Вальдес, – объявил Уорден. – Он, скорее всего, потягивает бурбон в каюте, но если окажется, что с ним слу-

чился сердечный приступ, вы знаете, что делать. Сообщите по радиации, если нужна «Скорая помощь» или если он уже склеил ласты.

Итан поздоровался и зашел на борт катера. Когда они удалялись от берега, они заметили, что машина Фостер припарковалась рядом с их автомобилем. Насколько было известно Итану, ей никто не звонил, и он подозревал даже, что сегодня у нее выходной.

– Фостер на дежурстве? – спросил он.

– Нет, не думаю. Но это же Фостер! – хохотнул Седильо. – Она не упустит возможности выйти на работу.

Ухмылка смуглого тридцатилетнего человечка была полна многозначительности.

– Потому что...

Седильо подхватил:

– Не ладится дома!

– А, в этом смысле. Да, и я через это проходил.

– Типично для копов, да?

Эти слова отдались неожиданной болью в сердце Итана. Ему нравилась Эшли Фостер, а мысль о том, что Эшли проходит через семейные неурядицы, напоминала ему собственные скандалы с Джанис. Однако он сомневался, что в данную секунду Эшли разделяет его симпатию. Он не только затащил ее на вскрытие Рика Мерфи, но вдобавок еще и в подвал, где произошел несчастный случай: два часа ползком, в пыли и паутине, они пытались разобрать горы щебня и найти

какие-то зацепки. Они так и не нашли пропавшую ногу бедного сантехника, а камни были слишком тяжелыми, чтобы вытащить их голыми руками, так что единственной их находкой стали полуразложившиеся останки животных. Все подтверждало версию Эшли Фостер. Мерфи наткнулся на логово койота или какого-то зверя наподобие него и боролся с ним, спровоцировав обвал. Итана это не устраивало, но при отсутствии доказательств он ничего не мог поделать. С тех пор Эшли держалась от него на расстоянии. Он попал впро�ак. Если он не хочет полностью утратить ее доверие, в следующий раз ему надо не облажаться.

– Вот, эта черная точка впереди, – сказал Седильо, показывая на темное пятно, качавшееся на волнах. – Его заметила дочка одного рыбака, которая ждала отца и высматривала его лодку. Она знает все здешние суда. Способный ребенок.

– Этот Купер Вальдес ушел в море один?

– Да, он одиночка. Зарабатывает немного рыбалкой и разным мелким ремонтом. Я слышал, что он хороший механик. Со слов других рыбаков, его катера уже не было в доке, когда они отплывали, хотя накануне он был на месте.

– А во сколько это было?

– Около четырех утра. Очевидно, это для него необычно. Не удивлюсь, если он отправился кормить крабов, если хотите мое мнение.

– Вы его знаете?

– Ну, я знаю, о ком идет речь. Мы пересекались в «Бан-

ши».

«Банши» было название паба за пристанью – оживленное место, где любили собираться местные, избегая двух самых туристических баров в центре города.

– У него есть жена? Дети? – продолжал расспрашивать Итан, который предпочитал иметь полную картину события.

– Нет, никого. Он не отсюда, Он высадился здесь лет пять или шесть назад, а так он из Дерри, штат Мэн, кажется. Замокнутый тип.

– Известно о каких-то проблемах?

– Кроме бутылки? Без понятия.

– Алкоголик?

– М-м-м... Как это называется, когда это еще мягко сказано?..

– Эвфемизм?

– Так вот: алкоголик – это гребаный эвфемизм в его случае!

Итан нахмурился. Уорден не удосужился его об этом предупредить, а ведь он знает о местных лучше, чем кто-либо, и не мог не понимать, что, вероятно, посылает лейтенанта на место самоубийства. По крайней мере, все на это указывало. *Еще один.* Уорден был прав, этот закон серийности становился невыносимым.

Они плыли молча около четверти часа, пока не приблизились к белому судну длиной по меньшей мере метров десять, с маленькой каютой прямо под навигационной рубкой.

Палуба казалась пустой, якорь был поднят. Седильо обогнул судно и остановился, чтобы плавно пришвартоваться. Итан Кобб поднялся на борт и несколько раз громко позвал рыбака, но ответом ему был только свист ветра. Он наклонился и постучал по люку, который вел в каюту. Затем открыл его и спустился. Итан обнаружил узкий стол, кухонную нишу, где было только необходимое, и койку, помещавшуюся под носовой частью палубы. Не было никаких следов Купера Вальдеса. Оглядевшись, Итан заметил под столом кожаную сумку. Он присел и обнаружил сброшенную в кучу одежду, фотографию 1980-х годов: семейная пара лет сорока с сыном, который с гордым видом держит в вытянутых руках крупную форель. На дне сумки лежал охотничий нож, который сделал бы честь Рембо. Нащупав что-то твердое, Итан вытащил из бокового кармана пачку купюр в десять, пять и двадцать долларов. Как минимум пятьсот или тысяча, прикинул он. Больше в каюте ничего не было. Он задумчиво поднялся обратно на палубу.

Седильо привязал швартовы, поднялся к лейтенанту и начал технический осмотр. В морском деле Кобб почти не разбирался, поэтому предоставил действовать Седильо. Волны тихо покачивали судно.

Итан промокнул пот со лба. Было мучительно жарко. Он посмотрел кругом, на море с белыми барашками пены, потом в направлении суши. Скала с маяком пламенела под полуденным солнцем, Мэхинган Фолз лежал внизу, уют-

но раскинувшись между изумрудных холмов. Вдалеке возвышалась гора Венди, ощерившись серебристой антенной. Остальная часть берега представляла собой отвесные скалы с изогнутыми деревьями. Далеко на юге он заметил темный массив Манчестера-у-Моря – ближайшего к ним города, контуры которого не были отсюда видны. Салем был в той же стороне, скрытый за линией горизонта.

– Двигатели заглохли, – заявил Седильо. – Когда это произошло, рычаг акселератора был поднят, судно двигалось на полной скорости.

– Кончилось топливо?

Седильо склонился над двумя черными кожухами.

– Баки полны. И я... Ох, черт. Лейтенант, идите взгляните.

Лейтенант подошел и посмотрел, куда указывал пальцем его подчиненный. По корпусу растеклись капли крови, забрызгав и борт.

– Он мог упасть в воду и попасть в винты? – спросил Итан. – И из-за этого судно застопорилось?

– Возможно. Я не большой эксперт.

Седильо схватил багор и стал исследовать воду вокруг винтов. После нескольких попыток он покачал головой.

– Ничего, – сообщил он. – Если он вывалился за борт, его уже унесло течением далеко отсюда.

Рация вдруг затрещала, и они оба вздрогнули от неожиданности. Должно быть, Уорден пытался с ними связаться.

Седильо включил было микрофон, когда звук стал гораздо громче, и полицейский застыл на месте. Послышались помехи, и внезапно хриплый голос ледяным тоном произнес что-то неразборчивое. «Иностранный язык», – предположил Итан. Голос заглушили ужасающие крики боли, недолгие, но страшно громкие, затем приемник выключился сам собой.

– Куда вы нажали?

– Это не я, – оправдывался Седильо.

– А что это за крики?

– Да откуда я знаю?!

Голос Седильо звучал напряженно, он был сильно обеспокоен услышанным.

– Есть мысли, откуда это могло звучать?

Седильо покачал головой и широким жестом обвел рукой все побережье:

– Откуда угодно, возможно, даже из-за границы.

Итан нахмурился. Все это ему очень не понравилось. Люди кричали от боли. Им было *действительно очень больно*. Как он сможет определить источник сигнала? Такое казалось невозможным, но он был не силен в технике. Он решил, что сейчас это не самая приоритетная задача.

– Мы разберемся с этим... происшествием, когда вернемся. На такой посудине, думаю, нет черной коробки, как на самолете?

– Нет. Возможно, у меня получится извлечь какую-то информацию, когда мы вернемся. Но ничего не обещаю. Если

хотите знать мое мнение, лейтенант, Купер Вальдес свалил далеко отсюда, и мы не скоро снова его увидим.

– В каюте его сумка с вещами.

– Он смотался рано утром на полной скорости и вовсе не на рыбалку.

– Откуда вы знаете?

Седильо лукаво улыбнулся, и это не вязалось с его обеспокоенным видом секундой раньше.

– На борту ни одной сети. Он отправился без рыболовных снастей.

Итан кивнул в знак согласия.

– Когда человек ускользает подобным образом, – настаивал Купер, – обычно это значит, что он замешан в какую-то мутную историю.

– Это не объясняет происхождение крови на борту. Разве что если он упал.

– Возможно, это не его кровь!

– Узнаем после анализов, – сказал Итан, сильно сомневаясь.

– Опытный моряк, хороший механик – странно, чтобы он мог допустить такую ошибку. Если лодка шла полным ходом, зачем бы он стал совать нос между двух винтов? Тем более, что была качка...

Итан посмотрел на укрывшийся между двумя холмами город. Он, казалось, их поджидал.

Итан представил себе побег Купера Вальдеса посреди но-

чи с сумкой в руках, как он прыгает в свою лодку и мчит на полном ходу, охваченный паническим страхом, пронизывающим ужасом, который подгоняет его, заставляя бежать без оглядки. Итан почти видел, как Купер оглядывается, чтобы бросить прощальный взгляд на Мэхинган Фолз, как слышит у кормы подозрительный шум, как, несмотря на скорость и качку, подходит, наклоняется и...

– Вернемся, – сказал он. – Я хочу осмотреть его дом.

Плеск океанских волн за бортом звучал как дьявольская насмешка.

С плохо скрываемым нетерпением Том Спенсер проводил жену до машины по аллее позади Фермы. Он обнял Оливию и одарил ее прекраснейшую из улыбок, пока она увозила Зоуи на прием к педиатру. Чад и Оуэн гуляли где-то со своими новыми друзьями, а Том наконец остался дома один.

Момент, которого он так долго и так нетерпеливо ждал.

Ночное пробуждение сильно его напугало. Пока темные пятна плясали под потолком, он чувствовал, как его сердце колотится все сильнее. Потом он вскочил, чтобы в ванной скорее умыться холодной водой. Там, при ослепительном освещении, он разглядывал себя в зеркале, желая понять, не лишился ли он рассудка.

И все же он знал, что ему не привидилось. Он именно потому не мог уснуть, что *знал*: его подсознание уже обо всем догадалось, и требовалось время, чтобы и разум принял факты, чтобы отважиться взглянуть правде в глаза, какой бы кошмарной она ни оказалась. Вот почему он не ощутил сначала весь ужас ситуации, когда осматривал укус на ноге Чада, хоть все и было очевидно.

Чтобы убедиться, что не сходит с ума, он тихо зашёл в комнату к сыну и попросил его задрать штанину, якобы желая проверить, что рана не воспалилась.

Рана, конечно, никуда не исчезла, но сам факт ее появле-

ния был пугающим для рационально устроенного мира. Глядя на нее во второй раз, Том окончательно понял, что столкнулся со следами иной реальности.

Никогда челюсти Оуэна не могли бы оставить подобных отпечатков. Даже зубы Тома были бы для этого недостаточно велики. То, что укусило его сына, обладало огромной челюстью. Это настолько бросалось в глаза, что Чад с высоты своего тринадцатилетнего опыта не то чтобы ничего не видел – он отказывался что-либо признать.

Большинство отцов семейства на его месте, столкнувшись с такой ситуацией, вызвали бы полицию, уверенные в том, что в дом пробрался незнакомец и напал на ребенка в темноте лабиринта. Поймать незнакомца с такими физическими данными не составило бы труда. Но для Тома это было невозможно, даже странно. Все, чем он располагал, – это догадки, которые пришли ему в голову посреди ночи, когда он лежал без сна и с колотящимся сердцем наблюдал за движением темных пятен у потолка.

Все его предположения звучали как полная чушь. Возможно, опасная даже для его психического здоровья, хотя Том так не думал. Нескончаемые кошмары у Зоуи, перепуганная Оливия, а теперь этот неестественных размеров укус у Чада – все подтверждало его выводы. Не говоря уже об этой фантастической истории про ведьм, живших на Ферме, и о десятилетиями пустовавшем доме... Том обязан был проверить свою теорию.

В моем доме водятся духи.

От этой мысли ему хотелось смеяться до слез, чтобы побороть страх, но он знал, что если не сдержится, то не сможет остановиться и все кончится истерикой. Он был человеком умным и образованным. Если уж он пришел к такому заключению, значит, что-то действительно было нечисто, хоть он пока и не понимал, в чем дело. Надо было внимательно во всем разобраться.

Я схожу с ума, вот и все. Ребенку снятся кошмары, жена ощущает в комнате ледяное дыхание и чье-то присутствие, нашего сына кусают в темноте чьи-то огромные челюсти, а я делаю из этого вывод, что все дело в призраках. Все хорошо. Все. Просто. Отлично.

Разум требовал, чтобы он подыскал более приемлемое объяснение. Ночные кошмары. Обычные сквозняки и паранойя (в конце концов, даже Оливия больше к этому не возвращалась). Какой-то зверь забрался в дом. И однако, когда он лежал, уставившись в потолок, и перед его внутренним взглядом возникал неестественно большой след укуса, Том испытывал уверенность, присущую только фанатикам, которые утверждают, что их посетило озарение свыше. Конечно, ночью все выглядело иначе, но даже проснувшись, он испытывал необходимость проверить свою гипотезу при свете дня. Так что через несколько минут он окончательно решил-ся. *В конце концов, в любом случае мне станет спокойнее, что мне терять?* Разве что немного времени и самоуваже-

ния...

Не успела развеяться пыль, которая поднялась на Шилоу Плейс после отъезда Оливии, как Том поспешил к дверям. *И что теперь? С чего начать?* Он вдруг осознал всю абсурдность ситуации. Как вообще искать в здании призраков?

Том, ты просто жалок.

И все же он испытывал безмерное любопытство, и часть его забавлялась всей ситуацией.

Том медленно шел по дому, стараясь прислушаться к своим ощущениям и к малейшим шорохам. Свежеокрашенные стены сияли белизной, паркет был чист и отполирован, потолок – безукоризненно ровным. После ремонта Ферма выглядела такой новой, что трудно было себе вообразить здесь присутствие каких-то мрачных тайн прошлого. Но Тому было известно, что за этой отделкой скрывался фундамент, который насчитывал многие столетия. Билл Тэнингем заверил его, что своими глазами видел древние стены во время ремонта.

Билл, сука, не торопился ли он поскорее продать свою хибару, потому что она проклята?

Том так и видел себя персонажем ремейка «Полтергейста» или «Ужас Амитивилля» – фильмов его молодости и сразу отказался от этой мысли. *В жизни так не бывает.* Хотя откуда ему знать? Разве он был специалистом в эзотерике? *Что за штампы...*

Теперь, когда солнце било в окна и в лучах купались ви-

сящие в воздухе пылинки, Том усомнился в своих ночных гипотезах. Не выдумал ли он все это от усталости и переживаний? Ему казалось, что он совсем оправился от происшествия на Атлантик Драйв, но действительно ли это было так? Не была ли его внезапная вера в призраков попыткой найти объяснение тому, что не имело смысла? Не пытался ли он с помощью версии о потустороннем вмешательстве заклониться от абсурда и непоправимого ужаса смерти?

Нет, нет и нет. Здесь что-то нечисто. Я точно это чувствую.

И снова он не мог поделиться своими переживаниями с Оливией. Во-первых, она станет смеяться и не воспримет его опасения всерьез, а во-вторых, она начнет переживать и попытается найти всему рациональную причину, вернуть ситуацию в конкретную, материальную плоскость. Но особенно он опасался, что сможет ее убедить, и Оливия будет паниковать. Его жена слишком твердо стояла на земле, чтобы хладнокровно отнестись к необъяснимому явлению.

Том поймал себя на том, что идет по коридору, держась рукой за стену. Он остановился, чтобы подумать. Большая часть происшествий произошла на детской половине. Дав волю воображению, он задался вопросом: что, если от детей исходили магнитные волны, которые приманивали призраков? Или все дело было в определенной комнате? Том поднялся по лестнице на второй этаж. Его комната находилась в конце Г-образного крыла Фермы, а комнаты мальчиков и

Зоуи – на противоположном краю. Может, здание перестраивали? Надо будет навести справки в мэрии или даже лучше у строительной компании, если он сможет найти ее контакты.

Билл Тэнингем рассказал бы. Если только этот негодяй не решил скрыть от нас какой-то ужасный секрет...

Том открыл дверь длинной комнаты, заставленной коробками, которая разделяла спальни Чада и Оуэна. Одеяла покрывали почти всю комнату на уровне бедра. Мальчишки построили тут целую игровую площадку. Том не представлял, как станет пробираться ползком, и отправился в комнату Зоуи. Здесь летнее солнце тоже светило в окна, которые Оливия оставила открытыми, и белый коврик, занавески пастельных цветов и детские игрушки имели самый невинный вид, способный развеять всякие подозрения. На улице весело щебетали птицы, усиливая ощущение легкости.

Том не готов был отказаться от своих поисков. Он знал, что ночью снова вытянутся мрачные тени, воздух станет тяжелым, а время будет тянуться, усиливая тревогу. Он принялся щупать стены, прислушиваться к половицам, которые скрипели как-то особенно громко, и проверять, нет ли за ними тайника. Он осмотрел каморку под лестницей, винный погребок со свежей штукатуркой, потом, высунувшись из окна, окинул взглядом фасад дома и наконец вышел, чтобы осмотреть его снаружи. Он ощупывал, простучивал, тянул, если ему попадался какой-то неровный элемент отделки, но

сам не знал, чем ищет. Когда увидит, то узнает, думал Том. К полудню он, разочарованный, устроился в саду с банкой безалкогольного пива. Что ему еще сделать? Устроить спиритический сеанс? Вызвать экстрасенса, чтоб он обошел Ферму с маятником в руке? Предложить священникам освятить их усадьбу и заодно выяснить, не замечают ли они дьявольского присутствия в доме?

Том покачал головой. Он начинал сердиться. Но а чего он, в конце концов, ожидал? Что наткнется на призрака, который выпрыгнет на него из-под одеяла дочери?

Так он колебался между легковерием и скептицизмом, разочарованием и энтузиазмом, когда заметил под самой крышей дома два слуховых окошка. Из-за пыли они были совсем тусклыми и почти не пропускали свет. Тогда он вспомнил, что во время первого осмотра дома Тесса Кащинская упоминала чердак. Ферма была настолько просторной, что он им так и не понадобился. Вся мебель они расставили в доме, а для ненужных вещей устроили склад у двух никем не занятых комнатах. Том попытался вспомнить, видел ли он проход на чердак, но понял, что никогда его не встречал.

Он поставил полупустую банку и отправился на второй этаж, внимательно глядя по сторонам. Он ожидал найти ход на чердак в коридоре или в одной из комнат, но вскоре понял, что не находит ни люка, ни лестницы. Совершенная бессмыслица. Том все же неплохо знал дом. Уже прошло почти три недели, как он тут жил, и он успел исследовать все угол-

ки, но сейчас ему было совершенно непонятно, как попасть на чердак. Он стал открывать все двери, одну за другой. Зайдя в длинное помещение, где мальчишки устроили лабиринт, он в нерешительности остановился, как вдруг увидел напротив дверцу, которая, наверное, открывала стенной шкаф. Он отодвинул несколько коробок и пробрался к ней, чтобы потянуть за ручку. Дверца была окрашена под цвет стены и была едва видна. Сперва она не подавалась. Тогда Том поднажал, и она отворилась со скрипом.

Узкая деревянная лестница в полутемной комнатке вела прямо наверх, на чердак. Гип-гип ура!

Том ощупал карманы, но не обнаружил ничего, чем можно было бы посветить, даже телефона. Но он был слишком окрылен находкой, чтобы возвращаться, и решил, что глаза скоро привыкнут к полумраку. Ступеньки скрипели под его весом, так что Том засомневался, выдержит ли лестница. Затхлый воздух щекотал ноздри, и Том чихнул несколько раз подряд.

Чердак покрывал большую часть северного крыла дома. Перегородки и балки были затянуты рваными кусками паутины. Тусклый свет проникал сквозь запыленные оконца. Том подождал, пока глаза привыкнут к темноте после яркого солнца. Он находился в единственной части Фермы, которую не затронул ремонт Билла Тэнингема. Здесь все сохранилось как раньше...

В самом деле, потертые деревянные поверхности хранили

следы прошедших десятилетий, но выглядели прочными и хорошо сохранились. Поиски были не напрасны, сказал себе Том, когда заметил в темном углу гору каких-то коробок. Он подошел, наклонившись, под косым потолком. Полдюжины картонных коробок служили пристанищем разнообразных насекомых. *Ну-ка, что у нас тут?*

Том потянул первую коробку, чтобы подтащить ее к окошку и рассмотреть на свету, но картонный край разорвался. Том снял крышку и с разочарованием обнаружил внутри старую одежду. *Годов семидесятых. На мужчину. Скорее худого.*

Быстро осмотрев содержимое других коробок, Том был вынужден признать очевидное: ничего, что заслуживало бы интереса.

Он вдохнул пыльный воздух. Определенно, не мешало бы здесь проветрить. Было ужасно обидно проникнуть сюда и не найти никакого трофея. *Надо протереть окна, постараться их открыть и...*

Том склонил голову набок, вдруг засомневавшись.

Он постарался воспроизвести в уме план дома. Прямо под ним комнаты Чада и Оуэна, напротив спальня Зоуи... Он остановился у деревянной стены. Здесь чердак заканчивался.

Но там должно быть еще помещение, ведь из сада он видел пару окошек.

Да там же есть еще один чердак! – осенило его.

Но ведь он исследовал весь второй этаж и не нашел никакого второго входа. Проклятие!

Том почти машинально постучал по стене. Звонкий стук заставил его отступить на шаг. За стенкой была еще комната.

В полумраке почти ничего не было видно, и он на ощупь исследовал стену, стараясь найти замок, ручку, что угодно, что выдавало бы наличие там двери, но безрезультатно. Через пять минут Том в раздражении спустился за фонариком, но, вернувшись, так ничего и не нашел. Ни люка, ни даже потайной дверцы. И несмотря на это, он отчетливо слышал, что за стенкой была пустота.

Теперь уже Том зашел слишком далеко, чтобы отступить. Он спустился в мастерскую за необходимыми инструментами и вернулся с ломом. Пришлось приложить усилия, чтобы доски наконец подались с сухим треском. Каждый выломанный кусок казался Тому оторванным лоскутом ткани, за который он тянул, чтобы обнажить так долго спавшую тайную комнату. Он раскрывал это тело, укутанное древними лохмотьями. На секунду Том замер. Ему казалось, что дом дрожит. *Это ветер*, попытался он себя успокоить. Просто ветер. Деревянные доски ответили ему тяжелым грохотом. *Ветер...* – твердил он.

Когда отверстие в стене стало достаточно большим, он просунул голову и посмотрел на второй чердак.

Помещение было в точности похоже на соседнее: тот же серый полумрак, те же деревянные балки, тот же сводчатый

потолок. Том как будто смотрел на отражение первого чердака, как если бы он шагнул сквозь старинное зеркало. И все же новая комната немного отличалась от предыдущей.

Посередине стояло несколько железных сундуков и этажерок со старыми книгами и бумагами.

Сердце Тома заколотилось, гулко отдаваясь в ушах. Он почувствовал, что нашел что-то важное. На этот раз это были не старые тряпки или оставленное за ненадобностью барахло. Это была замурованная комната. *Тайник!*

Тогда Том шагнул через порог, в зазеркалье.

Купер Вальдес снимал старый гараж на юге Олдчестера, в трехэтажном доме из бурого кирпича. Он устроил целый склад самодельной электроники рядом с ржавым «Шевроле Шевель» первого поколения и «Фордом Мустангом» 1974 года с разобранным двигателем V6 под открытым капотом. В свете четырех ламп, свисавших с потолка, лежали разложенные на верстаках батареи от разных приборов. В помещении пахло жиром, маслом и озоном.

Итан Кобб стянул фуражку и прикрепил ее к поясу, рядом с кобурой, потом вытер лоб рукавом. Первым удивительным открытием стала незапертая дверь.

– Седильо, осмотрите тут все.

– А что мне надо найти?

– Вы разбираетесь в технике, обыщите приборы, машины, составьте через гараж Вальдеса представление о хозяине. А мы поднимемся и займемся наверху тем же самым, – сказал Итан, указывая на лестницу с балюстрадой.

Эшли Фостер последовала за ним без единого слова. Он был благодарен ей за то, что она не вспоминала его провала в расследовании смерти Мерфи. Сегодня он вызвал ее, чтобы попросить помощи при осмотре помещения.

– Почему я? – выпытывала она.

– Мне будет нужен напарник, а мое мнение о Полсоне вам

известно.

– На этот раз мы будем действовать по протоколу?

Повисла неловкая пауза.

– Да.

Последовало молчание.

– Фостер? Я вызвал вас, потому что вы знаете свое дело. Дело не только в Полсоне. Я вам доверяю.

– О'кей, лейтенант. Еду.

Никакого продолжения за этим не последовало. Прибыв на место, она только коротко ему кивнула. Итан заметил, что она напряжена, а при взгляде на ее покрасневшие глаза остальное стало ему ясно. Лейтенант вспомнил, что ему рассказал на катере Седильо, и Итану захотелось обнять Эшли, поддержать и утешить. Он и сам через это прошел, у него сохранились болезненные и горькие воспоминания. Он искренне надеялся, что скоро у нее все пойдет на лад.

Да неужто? Вот лицемер! Если она расстанется с мужем, что ты станешь делать? Избегать ее? Поддерживать исключительно рабочие отношения?

Нет. Отношения с копами – это больше не для него, хватит. У него теперь на это аллергия. Как бы то ни было, он постарался переключиться на расследование дела Купера Вальдеса. Он чувствовал, что зашел в тупик с этими рассуждениями об отношениях.

На втором этаже они обнаружили дверь из матового стекла, за которой им открылась холостяцкая берлога мастера.

Жилище состояло из трех прокуренных комнат, погруженных в полумрак. Жалюзи были опущены. Итан пошарил по стене, пока не нащупал выключатель. Лампочки, мерцая, осветили диван, журнальный столик, потертый коврик и открытый сервант в глубине комнаты.

– У него никого не было, не знаете?

– Нет, – ответила Эшли, – насколько я знаю, он встречался с девушками, но не подолгу, кроме одной из Бостона, и ничего серьезного. Во всяком случае, глядя на его квартиру, очевидно, что он жил один.

Они осмотрели жилую комнату в поисках предметов, которые могли рассказать об их клиенте. Итан особенно искал то, что могло бы объяснить его внезапное бегство среди ночи, с минимумом вещей в сумке. Что привело Купера в такой ужас, что он решил бежать из Мэхинган Фолз? А потом он до того обезумел, что в итоге потерял равновесие и упал с собственного судна...

Результаты анализов крови еще не пришли из лаборатории, но Итан не сомневался, что найденная возле двигателя кровь принадлежала Вальдесу. Все знали, что он не вернется. Скорее всего, его тело, наполовину сожранное крабами, будет через несколько дней выброшено волнами на берег. Если прибьет к скалистому побережью, вряд ли кто-то его обнаружит, и оно будет гнить в воде, пока окончательно не разложится. Вероятность увидеть однажды Купера Вальдеса живым сводилась к нулю.

Эшли открыла дверцу холодильника, но Итан поспешил ее остановить:

– Простите за занудство, но не могли бы вы надеть перчатки?

Эшли смерила его сердитым взглядом и достала латексные перчатки из висевшей у нее на поясе кожаной сумки.

– Вы собираетесь взять везде отпечатки пальцев? Тогда вам придется вызывать команду из Салема.

Итан сухо усмехнулся.

– Шеф Уорден в жизни этого не допустит, – признал он. – Ради какого-то пьяницы, который утопился в море. Но все же... постараемся не слишком пачкать тут. Вам известно, что интуиция меня подводит, но я все же к ней прислушиваюсь.

– Ли уже растрезвонил направо и налево, что Вальдес покончил жизнь самоубийством, – сообщила Эшли, изучая содержимое холодильника. – Надо сказать, кроме напитков, он ничем особенно не запасался.

Итан прошел в коридор, который вел в ванную и еще две комнаты. За первой дверью скрывалась примитивная спальня, прямо на полу лежали матрас, одеяло без пододеяльника, и на стуле возле шкафа виселась гора мятой одежды.

– лейтенант! – резко позвала Эшли.

Итан обернулся и посмотрел в том направлении, куда указывала ее обтянутая перчаткой рука.

Возле бара лежал разбитый сотовый, а рядом с ним моло-

ток.

– Его мобильный? – удивился Итан.

– Пока вы были в море, я собрала основную информацию по Куперу Вальдесу, в том числе его номер. Можно без труда проверить, его ли эти симка, – сказала Эшли, вытаскивая крошечную SIM-карту и сразу убирая ее в прозрачный пакетик.

– Вот видите, спасибо за инициативу, поэтому я и позвал именно вас. Осталось узнать, почему он расколотил свой телефон.

– Чтобы за ним точно не смогли проследить.

– Да, Седильо считает так же, что Вальдес влип в какие-то грязные дела.

Итан не спешил с этим соглашаться. Если бы Вальдес решил сбежать, куда надежнее и практичнее было бы взять машину, и гораздо более подозрительно подрываться с места на катере посреди ночи. Незапертая дверь служила очередным подтверждением гипотезы о резком, необдуманном и вынужденном побеге.

Итан прошел до конца коридора, и то, что он увидел в последней комнате, заставило его застыть на пороге.

– Фостер, – крикнул он через плечо, – есть на крыше антенна?

– Что-то вроде радиоантенны, да... Вы не обратили внимания, когда мы подъезжали? Это для...

Она не закончила фразу, заметив длинный стол, завален-

ные приемниками, рациями, импровизированными усилителями, генераторами и другими устройствами, о назначении которых можно было лишь догадываться.

Все было разбито, разломано, большинство аппаратов были раздавлены в крошки.

– Что на него нашло? – выдохнула она. – А вдруг это был не он? Может, он пришел домой и нашел все это?..

– Вся техника расколочена точно так же, как его мобильный. Думаете, он вышел без мобильного? Сомневаюсь...

Видя растерянность старшего по званию, Эшли стала рассуждать:

– То есть этот погром устроил Вальдес? Но зачем разбивать рацию? Она же даже ничего не может записывать, так? И не может хранить никаких улик, в чем бы он ни был замешан.

Итан пожал плечами.

– Вальдес пользовался для общения рацией?

– Я выясню.

Итан осмотрел остальную часть комнаты. Ноутбук валялся на полу, и он также был разбит. Его явно старались раскрошить до винтиков. Кобб понял, что человеком двигало не одно только желание вывести технику из строя. Но в чем дело? В гневе? *Да, он был в настоящей ярости! Или в ужасе.*

Итан увидел приколотую к стене карту региона. Города были обведены маркером, рядом подписаны их названия и частота вещания местного радио. Напротив висела карта

всей страны и даже Канады с такими же пометками.

– Видимо, это было его хобби...

Эшли не слышала, она отправилась осматривать спальню. Вдруг Итана охватило внезапное сомнение. Он поспешно поднялся в мезонин над гаражом.

– Седильо! Вы на заметили, какую частоту ловило радио на катере Вальдеса?

Внизу раздался чуть гнусавый голос его подчиненного:

– Нет, но могу посмотреть завтра утром, это важно?

Итан вдохнул полной грудью и постарался рассуждать спокойно. Было ли случайностью, что они утром слышали на катере тот странный голос и крики?

– Не знаю... – признался он. – У Вальдеса были какие-то болезни? Проблемы с психикой?

– Понятия не имею.

За его спиной голос Эшли Фостер ответил:

– Ну, он был не в лучшей форме.

Она показала три прозрачные баночки из жёлтого пластика, набитые таблетками, и полупустую пачку аспирина.

– Витамины, таблетки от кашля и антидепрессанты, – объяснила Эшли.

Итан взял одну из баночек и прочитал этикетку. Ему стало ясно, куда следует отправиться теперь.

* * *

Синяк у мальчика был большой, но ничего не было сломано. Больше всего доктора Лаймана беспокоило то, как он объяснил ушиб. Он не верил, что Чад случайно ударился, пока они с мальчиками из футбольной команды бежали до раздевалки. О некоторых из этих ребят ходила дурная репутация, Крис Лайман был достаточно о них наслышан. У него на приеме не раз бывали жертвы этих варваров. Кокс и Бакинсон, вспомнил доктор. Два отморозка. Мальчик, который сейчас одевался в кабинете, видимо, служил им боксерской грушей, но слишком боялся признаться, чтобы не стало хуже. Крис Лайман не знал, как поступить. Немного терпения и такта, и он сможет выведать у мальчика правду, а потом отправит его к копам, чтобы мучители не вышли в очередной раз сухими из воды. Но, взглянув на мальчика, Лайман понял, что переоценил свои силы. Теперь, узнав, что это просто синяк, мальчик спешил поскорее распрощаться. Лайман протянул ему рецепт и торопливо сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.